SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Не прошло и трех лет, как мы решили продолжить… Мистер Кин и его кактусы возвращаются!

- 17. Тейваз
- 18. Беркана

17. Тейваз

17. Тейваз
Тейваз — звезда,
веру крепит в она в людях,
не собьются с пути,
туманы в ночи
ей не помеха.
(Древнеанглийская руническая поэма)

После прохлады Британских островов Мексика показалась накаленной солнцем докрасна, и это в порту, где задувал приятный ветер с моря!

Я, заблаговременно переодевшись в легкий костюм, стоял у борта, глядя, как сходят на берег пассажиры третьего класса. Сам я никуда не торопился, поскольку ожидал посыльного: меня настоятельно просили заглянуть в консульство, а причин сообщить не потрудились. Впрочем, трудно сделать это телеграммой…

Я прищурил здоровый глаз: точно, по трапу шествовала чета Хоггартов, сияющих даже на солнце. Вокруг них образовалось пустое пространство, но этого вроде бы никто не замечал, просто делал шаг в сторону, если мимо проплывали призраки.

Скажу я вам, иметь в знакомых парочку призраков — то еще испытание, хотя во многих ситуациях они мне изрядно помогли.

Ну а началось все это безобразие в тот момент, когда пароход отдал швартовы и начал отваливать от причала. Явившиеся проводить меня призраки о чем-то пошептались и вдруг ринулись на борт — прямо через текучую соленую воду (хотя какая она текучая, в порту-то?), по еще не выбранной якорной цепи из холодного железа!

— Вы что, спятили? — спросил я Хоггарта одними губами.

— Не, — ответил он, пытаясь отдышаться. Видимо, этот забег дался ему нелегко. — Лиззи…

— Я никогда не была на таком пароходе, — жалобно сказала миссис Грейвс. — И чужедальних стран тоже не видела. Пожалуйста, не гоните нас, мистер Кин!

— А он и не сможет, — хохотнул Хоггарт. — Амулет-то дома оставил! И кактусов тут нету! И вернуться мы без него не сумеем, так и останемся на корабле, станем судовыми призраками, хо-хо…

Я пожал плечами. Охота им — пускай плывут, лишь бы не досаждали никому.

— Я всегда мечтала о свадебном путешествии, — тяжело вздохнула миссис Грейвс. — Именно на корабле. Пусть даже это был бы речной пароходик, а не океанский, но… такая романтика! Такая красота!

Тут я представил себе призрака, страдающего морской болезнью, и невольно фыркнул.

— И чего? — поинтересовался Хоггарт, разглядывая публику.

— Ничего, — отрезала миссис Грейвс. — Как обвенчались, пришла домой, повязала фартук и пошла стряпать на всю семью.

— Ну вот, наверстывай, — хмыкнул он и вдруг нахмурился. — Лиззи, ты мне что, предложение делаешь?

— А вы ничего не перепутали, мистер Хоггарт? — сощурилась она.

Я помотал головой и перешел к другому борту, оставив их самозабвенно ссориться. Никогда не понимал прелести таких отношений!

То, что я действительно ничего не понимал, я понял, когда среди ночи эти двое ввалились в мою каюту. Миссис Грейвс даже не смутилась при виде меня в пижаме. Так я и думал, что она притворяется…

— Кин, мы это, — сказал Хоггарт, — решили пожениться!

— Рад за вас, — душераздирающе зевнул я. — Счастья, всех благ, плодитесь и размно… Как — пожениться?!

— Ну как люди женятся?

— Вы же призраки!

— Ну и что, порядок-то должен быть, — парировал Хоггарт. — Помоги, а? Мы-то тебе никогда не отказывали!

— Хоггарт, где я вам возьму священника? Такого, чтобы согласился обвенчать призраков? Да еще на корабле?! Нет, тут есть судовой священник, но, боюсь, если я ему предложу нечто подобное, он меня не поймет…

— А мы и не можем венчаться, — сказала миссис Грейвс. — Во-первых, я вдова, во-вторых, католичка, а он — протестант.

Я взялся за голову.

— Ну и чего вы от меня хотите? Чтобы я объявил вас мужем и женой и благословил?

— Не-е, — протянул Хоггарт. — Я слыхал, что капитан может поженить пассажиров. Ну вроде как он на корабле второй после Бога, вот и… запишет в судовой журнал, дел-то на пять минут!

— Вас даже в списках нет.

— А то он всех пассажиров третьего класса помнит!

— Он вас не видит, — не сдавался я. — И как вы намерены

подписи ставить?

— Кин, ну придумай что-нибудь! — взмолился призрак. — Уж перо-то удержим, дело за малым — капитана уболтать!

— Ну и каким же образом?

— Скажи, что я твой лакей, — живо нашелся он, — встретил тут старую любовь, тоже служанку, вот решили исправить ошибки молодости… А?

— Невидимости это не отменяет, — отрезал я.

— А мы стеснительные и сами к капитану идти побоялись!

— Хоггарт, это называется "без меня меня женили", — не выдержал я. — Вы же должны присутствовать на церемонии, пусть там всего пару записей нужно сделать…

— А ты вот что сделай… — Хоггарт подлетел поближе и зашептал мне на ухо. — Только ты это… пошустрей! Хочется ж как следует в свадебном путешествии развлечься!

— Ну ладно, — ответил я, — попробую. Но с одним условием: до возвращения домой вы ко мне приставать не будете!

— Если у тебя получится, — уточнил он, я мысленно застонал, и мы ударили по рукам.

Задача, что и говорить, была нетривиальной. Разумеется, я обедал за капитанским столом, но повода заговорить, тем более, о подобном, как-то не представлялось. Хоггарт маячил поодаль, делая поощряющие жесты, миссис Грейвс строила жалобные гримаски, словом, они всячески портили мне аппетит.

По счастью, мне не пришлось долго искать повод побеседовать с капитаном (причем сделать это так, чтобы он не приказал скрутить опасного сумасшедшего и запереть в лазарете или каюте до порта прибытия). Он сам пригласил меня к себе, не лично, конечно, через стюарда, а когда я к назначенному часу постучал в капитанскую каюту, передал мне телеграмму.

— Просили соблюдать строгую конфиденциальность, — сказал он. — В телеграмме, адресованной мне, сказано, что могут быть затронуты интересы нескольких государств. Вы понимаете, о чем я?

Я не понимал, но он так на меня смотрел, будто заподозрил, что у меня в наручных часах пистолет, в ботинке — выдвигающееся лезвие, в галстуке — капсула с ядом, а сам я — агент на службе Его Величества.

Телеграмму, оказывается, отбил Фрэнк. И ничего настолько уж секретного в ней не было: друг мой сообщал, что не застал меня в Британии, поэтому подробное письмо отправляет с оказией, и к тому моменту, как пароход доползет до Мексики, оно уже будет ждать меня в консульстве. Упоминалось только, что дело касается Хуаниты в связи с известным мне делом, и я

немного насторожился. Видимо, это отразилось на моем лице, потому что капитан тоже немного напрягся.

— Дурные вести? — спросил он. — Я слыхал, в Мексике местные совершенно распоясались!

— Да, это верно, — кивнул я. — А вы слышали что-нибудь о последних происшествиях? Я, видите ли, был оторван от благ цивилизации и не успел наверстать упущенного перед этим путешествием…

— Кое-что слыхал, — кивнул он и погладил усы. — Составите мне компанию, мистер Кин?

— Разумеется, — ответил я.

Одним словом, мы славно усидели бутылочку виски… и еще одну… Потом запасы у капитана кончились, и я вынул фляжку (не в бутылке же было везти мое зелье!). После пары глотков глаза капитана сошлись на переносице, а я пощелкал пальцами. Ну вдруг моя догадка верна?

— Сэр, у меня к вам личная просьба, — произнес я, вернув его к реальности хотя бы отчасти.

— Да-да? — протянул он, а я, пока капитан не отключился снова, вкратце изложил нижайшую просьбу своего слуги (то есть Хоггарта).

— Н-никаких проблем, — выговорил он, попытался встать, но не смог. — Кин, дружище… судовой журнал в сейфе… И зовите сюда ваших влюбленных чаек, ха-ха!

Чайки явились. Судя по тому, что взгляд капитана сфокусировался, он их видел.

— А что они какие-то… зыбкие? — спросил он.

— Мы немного перебрали, — честно ответил я. — Третья бутылка была лишней.

— А! Настоящему морскому волку это что… — Капитан перелистал журнал и нацелился пером на страницу. — Кин… напишите вы, что ли… А то что-то пальцы сводит, старость не радость… Я скажу, как надо…

Я старательно вывел под его невнятную диктовку запись о том, что такого-то числа такого-то года на борту парохода "Океаник" в брак вступили Джек Хоггарт и Элизабет Грейвс, заверено капитаном Баренсом (подпись он кое-как поставить сумел). Лиззи, аж посерев от усилия, сумела удержать перо и нарисовать непонятную закорючку на месте подписи. Хоггарт набычился и тяжело вздохнул. Я так понял, он способен накарябать только крестик, и расписался за него сам. В смысле, тоже нарисовал закорючку.

— П-паздравляю, — сказал капитан. — Живите счастливо! Надо отметить…

Я замахал руками, выгоняя счастливых призраков, заботливо налил капитану еще, убрал журнал в сейф, а ключ на место, и потихоньку ушел в свою каюту. Надеюсь, наутро Баренс ничего не вспомнит. А если и вспомнит… пустые бутылки наведут его на раздумья. Ну а журнал… тут я ухмыльнулся и сунул свое вечное перо в карман: невидимыми чернилами я развлекался еще в детстве.

*

Тепло распрощавшись с капитаном, я отправился в гостиницу, поминутно утирая пот со лба. Надо же, совершенно отвык от этого климата! Не такое уж пекло, но рубашку, кажется, уже можно выжимать, а вон тем местным — хоть бы что! Старею…

Тут я подумал и сообразил, что на мне нательная рубашка, сорочка, жилет и пиджак. Немудрено свариться в этой амуниции! Прежде-то я гулял тут, как и местные, в одной рубахе на голое тело. Но увы, прошлого не вернуть, придется терпеть…

Немного охладившись и приведя себя в порядок, я отправился в консульство.

— Мистер Кин? — по-английски чопорный слуга поклонился. — Простите, сэр, но мне велено проверить ваши документы.

— Разумеется, — я пожал плечами и вынул паспорт.

Слуга внимательнейшим образом изучил указанные там приметы, покосился на меня и заметил осторожно:

— Позвольте, сэр, здесь написано, что у мистера Кина голубые глаза. А у вас, сэр, разные!

— Ах, да, — спохватился я (не получил ведь новые документы!) и сунул руку в карман, отчего дворецкий заметно напрягся.

Я извлек футляр и под ошарашенным взглядом слуги поменял глаз.

— Полагаю, так лучше? — осведомился я.

— Д-да, — с запинкой выдавил он и отчего-то попятился. — Простите, сэр!

Он стремглав выбежал из комнаты, а я пожал плечами и уселся в кресло.

Какие-то они тут нервные, право слово!..

Дворецкий вернулся довольно быстро.

— Консул Деррик примет вас! — сообщил он, старательно глядя мимо меня.

— Благодарю, — кивнул я и встал…

Консул оказался человеком, как пишут в романах, благородной наружности. Чеканные черты лица выдавали

патрицианские корни мистера Деррика, и красоту его не портили даже засеребрившиеся виски.

— Мистер Кин, рад знакомству! — при моем появлении консул встал и первым протянул руку. — Премного о вас наслышан!

— Вот как? — удивился я, пожимая его изящные пальцы. — Надеюсь, вам не довелось услышать ничего порочащего мое имя?

— Разумеется! — усмехнулся консул. — Присаживайтесь, мистер Кин. Выпьете что-нибудь?

С непривычки (и, надо думать, из-за вчерашних излишеств) меня мучила жажда.

— Спасибо, что-нибудь безалкогольное… И со льдом!

Мистер Деррик отдал распоряжения слуге и, дождавшись, пока мне подадут лимонад, начал издали:

— Мистер Кин, у меня к вам очень деликатное дело. Понимаете, интересы короны…

— Прошу вас, — запротестовал я, поняв, что меня ожидает долгая речь о службе Его Величеству и колониальной политике Британии, — мистер Деррик, не обижайтесь, но я бы предпочел сразу перейти к делу.

— Как желаете, — консул обхватил пальцами гладко выбритый подбородок и признался: — Видите ли, мистер Кин, мы пребываем в затруднении. Вы — частное лицо и, несомненно, можете отказаться от возложенной на вас миссии…

Прозвучало это крайне подозрительно.

— Но и проигнорировать такую возможность мы не вправе, — продолжил консул глубоким приятным баритоном. — Раз вы едете в Кампочиту по своим делам, надеюсь, вы не откажетесь там осмотреться? Из тех краев доходят крайне неприятные слухи и…

— Простите, мистер Деррик, — перебил я, подавшись вперед, — с чего вы решили, что я еду именно в Кампочиту? Если не ошибаюсь, это небольшой городок…

— Где вы побывали лет шестнадцать назад, — в свою очередь не дал мне договорить консул, разом сбрасывая маску пустопорожнего франта, обожающего звук своего голоса. — Мистер Кин, право, не нужно изображать непонимание. Я действительно много о вас слышал. У вас репутация человека, способного разобраться даже в весьма запутанной истории.

— Спасибо, — ответил я с иронией. — Не знал, что так широко известен в узких кругах!

— Думаю, — вздохнул консул, явно не собираясь тратить время на пикировку, и вынул из ящика стола пухлый конверт, — лучше начать с этого.

Письмо было адресовано мне, однако конверт оказался вскрыт.

— Ваш друг переслал корреспонденцию дипломатической почтой, — сказал консул в ответ на мой вопросительный взгляд. — И секретная служба сочла нужным его перлюстрировать.

"Черт возьми! — подумал я. — Что же тут происходит?!"

Я принялся читать.

У Фрэнка с Хуанитой все было в полном порядке, девушка нашла общий язык с лайкой, свадебное путешествие проходит замечательно… Наконец я добрался до сути (писательские таланты Фрэнка не всегда благо!). Узнав, куда именно я отправился, Фрэнк просил меня разузнать о судьбе приемного отца Хуаниты: все-таки она росла в его доме с рождения и, пускай не слишком его любила, не желала бы ему дурной участи. А еще он намекал, что я, как юрист (пусть и не практикующий), а вдобавок человек, знающий страну, мог бы разузнать, что давали в приданое за Хуанитой. (Интересовался он, подозреваю, не личной корысти ради, а только волею приказавшей Хуаниты. У такой ни один песо не пропадет, так что, думаю, расходные книги Фрэнка скоро окажутся в идеальном порядке, а траты на путешествия несколько сократятся. Раза в два.)

Кроме самого письма, в конверте обнаружилась заверенная копия свидетельства о браке, а также доверенность на ведение всех дел Хуаниты.

И это настораживало. Разумеется, я с самого начала намеревался потихоньку разузнать о ее отчиме, вот только какое отношение имеет Корона к моим личным делам?

— Так что именно от меня требуется? — спросил я, внимательно ознакомившись со всеми бумагами.

— Ничего сложного, — развел руками консул. — Осмотреться. В Кампочите неспокойно, и есть нехорошие подозрения. Британии не нужны здесь волнения. Вы меня понимаете?

Он посмотрел на меня испытующе, и я медленно кивнул, начав что-то соображать. Помнится, я читал в газетах о нескольких крестьянских бунтах, подавленных ценой большой крови.

— Серебряные рудники? — предположил я почти наобум.

По тому, каким колючим сделался взгляд консула, я понял, что угадал.

— Да, — признал он нехотя. — И некоторые находятся на землях вашей… знакомой.

Заминка перед последним словом ясно указывала, что мое

родство с Хуанитой секретом для него не является.

— Понятно, — я склонил голову к плечу. — Значит, я должен осмотреться?

— Да, — он кивнул. — И принять меры, если потребуется.

Такая откровенность, видимо, претила истинному дипломату, поэтому беседу он быстро завершил, сославшись на некие срочные дела…

До гостиницы я добрался, уже окончательно взмокнув.

— Фух! — я остановился в холле, обмахиваясь толстым конвертом, как дама веером, и вдруг заметил взгляд пожилого портье.

Почему бы его не порасспросить?

— Очень жарко! — пожаловался я, остановившись у стойки.

— Синьор — англичанин? — сочувственно спросил он. — Впервые в нашей прекрасной стране?

Надо думать, к этому выводу он пришел, увидев мой совершенно неподходящий для здешнего климата наряд.

Я сделал неопределенный жест, который можно было трактовать и так, и эдак, и спросил напрямик:

— Вы не подскажете, как лучше добраться отсюда до Кампочиты?

— синьору нужно в Кампочиту? — удивился он. — О, вам придется нанять повозку или взять мулов — железную дорогу туда уже лет пять не могут начать строить!

— Хм, — сказал я, поскольку перспектива не прельщала. — Вы сможете мне помочь?

Портье обрадовано закивал. Надо думать, повозка принадлежала кому-то его родственников или друзей. Или даже ему самому.

— Будьте осторожны, синьор, — предупредил меня он, понизив голос. — Лучше бы вам не ездить в одиночку, по вам сразу видно, что вы не бедны!

— А что, грабители объявились? — удивился я.

— Не совсем… — он перегнулся через стойку и громко зашептал: — Ходят слухи, что возле перевала орудует сам Стрелок!

— Стрелок? — не понял я.

— Да, да, синьор, так его прозвали за то, что он очень метко стреляет, может сбить муху с кончика моего уса, — тут он подкрутил напомаженные усы, — но еще никого не убил, только ранил случайно — лошадь встала на дыбы… Так вот, синьор, еще он оставляет там, где что-то натворил, свой знак — стрелу!

— Он из лука стреляет, что ли? — снова не понял я.

— Да нет же, синьор! Я имею в виду рисунок, стрелочка

такая… У меня зять из того городка, куда вы едете, он говорит, стрела эта повсюду, ее и ребятишки на земле рисуют, на заборах…

— Погодите, — мне стало любопытно, — а что примечательного успел содеять этот Стрелок? И, главное, зачем? Ведь зачем-то он оставляет эти стрелочки, не в качестве же дорожных указателей!

— Ну что вы, синьор! — портье облокотился на стойку, явно настраиваясь на пространный разговор. — Вы, быть может, слыхали, что недавно приключились волнения среди пеонов?

— Видел заметку в газете, но в подробности не вдавался, — честно признался я.

— Это потому, что проклятые гринго… я не имел в виду вас, синьор, пусть вы тоже белый, но не американец, это сразу видно! Так вот, проклятые гринго заставили правительство принять закон, а по нему все, что на земле или под землей у иностранного владельца — его собственность!

У меня в голове кое-что сложилось. Жених Хуаниты — иностранец, камушки он прикарманивал и баловался контрабандой… На земле и под землей, надо же!

— Так вот, — воодушевленно продолжал словоохотливый портье, наваливаясь на стойку так, что она затрещала под внушительным грузом. — Гринго живо выкупили землю! Там теперь рудники, а куда деваться пеонам? Кому повезло, у того еще есть где вырастить немного маиса, а прочим? Вот и пришлось идти работать в рудники, чтобы не умереть с голоду, а это хуже каторги, синьор! Троюродный внук подруги моей второй тети Марии нанялся туда подзаработать и едва унес ноги!

— То есть работники возмутились? — попытался я прервать поток красноречия.

— Да, синьор, кажется, даже убили кого-то, охранника или приказчика… Были волнения, их усмирили, а в рудниках лучше не стало… Бежать оттуда нет смысла, там хоть кормят, пусть и скудно, а иначе не проживешь. Работы мало, — вздохнул он и бдительно осмотрелся. В холле больше никого не было, и портье прошипел: — Это все правительство виновато! И гринго! Не пускали бы их, мы бы жили спокойно…

— Хорошо, но причем тут Стрелок? — снова вклинился я. — Ему-то что нужно?

— Прогнать гринго и вернуть людям землю! — уверенно сказал портье и снова зашептал: — Говорят, кто-то из его родных погиб в шахте. А еще говорят, что гринго обидели его возлюбленную, и теперь он мстит!

— И как мстит? — полюбопытствовал я. Меня заинтересовала

история этого местного Робин Гуда. Дальнейший рассказ только подтвердил мои догадки:

— Он грабит владельцев рудников и их прислугу. Как-то он разорил обоз, который вез провиант на шахты подле Кампочиты, сжег повозки, а провиант раздал бедным…

— Погодите, но выходит, что рабочие остались голодными? — не понял я.

Портье задумался.

— Нехорошо вышло, — согласился он. — Ну так пеоны тоже голодают, второй год неурожайным выдался. А потом он еще сжег мануфактуру, у нее тоже хозяином гринго… об этом даже в газетах писали!

— Ага, а работники этой мануфактуры оказались на улице или в шахтах, — кивнул я. — Понятно, синьор. Благодарю за предупреждение, вот вам за труды… Всего доброго!

— Удачи, синьор, и да хранит вас Святой Януарий! — крикнул он мне вслед.

"М-да, — подумал я. — Пусть лучше меня хранит что-нибудь другое. Вроде кактуса."

Пока портье организовывал транспорт, я решил немного отдохнуть в номере. А заодно и заняться кое-чем еще…

Обстановка, прямо скажем, складывалась непростая, так что без совета было никак не обойтись.

Вынутая из мешочка "тейваз" ситуацию не прояснила: война, справедливость, мужество, борьба…

А главное, глядя на руну, так похожую на описанную портье "стрелочку", я сообразил, что вряд ли удастся уклониться от встречи с этим загадочным Стрелком. Что ж, поглядим, кто из нас стреляет лучше, подумал я, вынув из саквояжа револьвер. Никогда не знаешь, когда пригодится оружие… Вдруг и правда попадутся бандиты?

"Если я доживу до того момента!" — мрачно думал я позже, трясясь в повозке, которая немилосердно подпрыгивала на булыжной мостовой, скрипя несмазанными колесами.

Кажется, я слишком привык к своему роскошному автомобилю, комфорту и покою.

Старею, наверное…

И тут меня посетило прекрасное видение… Из цветочной лавки, расположившейся по правую руку, вышла прелестная девушка лет шестнадцати, вряд ли больше, невероятно похожая на Инес, какой та была во времена нашей первой встречи. Те же большие темные загадочные глаза, роскошные черные волосы, такое же простенькое платье, лишь подчеркивающее юную красоту. Правильно, чего ради заворачивать экзотический цветок

в яркую упаковку, если он хорош сам по себе?

— Останови, любезный, — попросил я возницу, и тот натянул поводья. Послушный немолодой мул встал, а я выпрыгнул из повозки… Ну как выпрыгнул, скорее уж, степенно выбрался. Точно, старею. Пора обзаводиться тростью и моноклем!

— Чего желает синьор? — ослепительно улыбнулась мне навстречу юная красавица.

— Первый раз вижу такое великолепие, синьорита, — сказал я не без намека и обозначил поклон.

— Так выбирайте, синьор! — она обвела жестом свои владения. — Конечно, в ваших холодных краях такого не сыщешь… Желаете порадовать даму сердца? Вот розы на любой вкус! Или возьмите георгины, это символ нашей страны, вы знаете?

— Да, читал, — улыбнулся я. — А другого символа страны у вас не найдется? Я имею в виду, кактусов?

— Синьор! — она потеряла дар речи. — Да кто же в своем уме станет платить деньги за эти сорняки? Вон за городом их пруд пруди, бери любой!

Я мог бы сказать, какие деньги иногда платят любители за особо редкие экземпляры, но не стал — все равно ведь не поверит.

— Вам нужен букет на свадьбу? На похороны? На крестины? — продолжала бойкая цветочница. — Скажите, синьор, я выберу вам самые лучшие цветы!

— Хм, — сказал я и подумал, что могу и подзадержаться. Не настолько я стар, и…

— Кончита! — раздался громовой голос, и в лавку из внутренней ее части вступила монументальная матрона. — Сколько раз я говорила тебе не болтать попусту, а заниматься делом? Вместо того чтоб строить глазки гринго, подмела бы лучше, перед людьми стыдно! — Она перевела взгляд на меня и спросила уже совсем иным тоном: — Так чего желает синьор?

— Думаю, мне нужен цветок в петлицу, — сглотнул я. Эта почтенная синьора запросто могла бы меня задавить или придушить, если бы обняла.

Одним словом, я обзавелся цветком георгина, снова забрался в повозку и велел Педро трогать потихоньку. Совсем потихоньку, тише обычного, потому что я уже отбил себе всё, что только можно. Лучше бы верхом поехал или пешком пошел! Но верхом я не ездил уже давно, так что вряд ли чувствовал бы себя комфортнее, а ходить пешком белым господам тут не пристало, не поймут.

Приметив по другую сторону улицы лавочку со всякой

всячиной, я не выдержал, снова попросил остановиться и за пару песо купил шляпу с широченными полями (местные называют их сомбреро, если не ошибаюсь), дамский веер и набитую конским волосом подушечку. Да, я выглядел крайне своеобразно, но теперь мог ехать более-менее комфортно.

За городом стало получше. Конечно, на грунтовой дороге попадались колдобины, но это все же не непрерывная тряска на булыжнике! Педро что-то напевал себе под нос, я обмахивался веером и изнывал от жары. Через пару часов мы остановились на привал: во-первых, настало время сиесты, и заставить местного хоть что-то делать, когда у него сиеста, невозможно даже за большие деньги. Ну а во-вторых, жара стояла невыносимая, так что мы укрылись в тени чахлых акаций, перекусили, мой возница улегся поспать, накрыв физиономию шляпой, а я разделся до рубашки и тоже прилег. Правда, спать не хотелось, и я поглядывал по сторонам — вдруг попадется какой-нибудь интересный кактус? Но увы, пока видны были лишь опунции, а у меня их и так предостаточно. Что ж, может, позже…

Когда сделалось немного прохладнее, мы снова двинулись в путь, разморенные жарой. Педро клевал носом на облучке, смирный мул небыстро двигался вперед, и я надеялся, что до темноты мы успеем добраться до ночлега — ночь тут наступает мгновенно.

Разумеется, никуда мы не успели, ночевать пришлось на подвернувшейся ферме. Я ничего не имел против, хотя любопытные детишки так и норовили потрогать настоящего гринго (а если выйдет, то и стянуть что-нибудь на память, хотя я и так отдал им всю мелочь). Ужин, правда, был скуден, а на мой деликатный вопрос хозяин только махнул рукой:

— Второй год неурожай. Засуха, синьор! Мы молим Деву Марию о дожде, да только его нет и нет… А река совсем обмелела. Ее и так-то курица вброд перейдет, а тут, считай, пересохла, одни лужи на дне. Колодцы уже не спасают…

Я задумался.

— Говорят, — сказал Педро, — это снова из-за гринго, не в обиду вам, синьор, я имел в виду янки, вроде бы вы их так называете?

(Я понял — это точно родственник портье, они выражались совершенно одинаково.)

— Ничего-ничего, продолжайте, — попросил я, давясь огненно-острой начинкой блинчика из кукурузной муки. Я решил, что нужно собрать побольше слухов и сплетен для консула Деррика.

— Так вот, они хотят построить там, на выходе из долины,

какую-то станцию, чтобы вертела колеса, которыми воду из шахт откачивают. И еще свет давала.

— Электростанцию? — подсказал я.

— Вот-вот, ее самую! Только они для того сперва выход из долины перекрыли… А там деревня была, кум мой оттуда успел уехать, как почуял неладное, слава святому Себастьяну! Затопило там все, говорят, если забраться повыше, видно, как под водой крыши торчат. Была долина — стало озеро, — пригорюнился Педро.

— Ах вот почему река пересохла! — хлопнул себя по лбу наш гостеприимный хозяин. — Она же с гор течет, как раз оттуда! Мерзавцы!

— Ничего-ничего, как построят эту свою станцию, будет у тебя в доме фонарь без свечи, сам собой станет гореть, — просветил его Педро, подумал и добавил: — Только стоить он будет, наверно, как вся твоя земля.

— Свечами обойдемся, — буркнул хозяин. — Давайте-ка спать, синьоры. Вам лучше затемно выехать, по холодку. Мимо дороги-то не промахнетесь!

Я вышел прогуляться перед сном, прошелся вдоль ограды, но кактусов не было и тут. Какая жалость!

Впрочем, кактусы никуда не убегут, а вот поручение консула… В целом, пока складывалась достаточно ясная картина: серебряные рудники, необходимость их осушать, новые машины, для использования которых потребовалась постройка гидроэлектростанции, а как следствие — высохшие речушки, берущие начало где-то там, в горах, засуха и голод. Вот вам и причина недовольства крестьян. Главное, чтобы не додумались взорвать плотину, а то их и смыть может…

Но причем тут Стрелок? Или он не имеет отношения к этому делу? Либо же это месть за затопленную долину, высохший на корню урожай и изобиженных девушек? Помнится, есть тут какая-то легенда о таком мстителе, правда, нечеловеческой природы, этаком воплощенном народном гневе!

Решив подумать об этом завтра, я отправился на боковую и прекрасно выспался, хотя Педро и разбудил меня до рассвета.

По утренней прохладе ехать было куда как приятнее, и я совсем расслабился, когда мул вдруг встал, как вкопанный, а на дороге перед нами загарцевал на белом коне неизвестный в маске, широкополой шляпе (копии моей) и с пистолетом в руке.

— Святая Мадонна, Стрелок! — охнул Педро, вцепившись в поводья. — Прячьтесь, синьор!

— С какой это стати? — не понял я и вынул револьвер, изготовившись к стрельбе.

— Доброго утра, синьоры! — крикнул незнакомец в маске. — Прошу прощения за то, что прерываю ваше путешествие, но я немного поиздержался… Одним словом — кошелек или жизнь!

Вместо ответа я выпалил в воздух. Белая лошадь взвилась на дыбы, а Стрелок в попытках успокоить ее и удержаться в седле потерял шляпу.

— Ах вот вы как, синьор! — воскликнул он. — Ну что ж, считаю до трех, а потом начну стрелять…

— У вас курок не взведен, — любезно заметил я, и юноша (а заметно было, что он намного моложе меня) на секунду растерялся. Пожелай я, вполне мог бы его пристрелить, но я не настолько кровожаден. — Знаете, Педро, по-моему, это никакой не Стрелок. Мне говорили, он мастерски управляется с револьвером, и что я вижу? Или местные бандиты не чета техасским?

Это явно задело грабителя за живое.

— А ты, гринго, только в белый свет умеешь палить? — выкрикнул он.

— Не только, — ответил я. — Ну хорошо… видите во-он на той опунции цветок? Собьете его с этого самого места первым же выстрелом, я поверю, что вы действительно Стрелок.

— На что держим пари? — деловито осведомился молодой человек.

— Какое пари? — не понял я. — Я просто хочу удостовериться, что меня грабит прославленный бандит, а не какой-то молокосос, нацепивший дедушкину шляпу и не умеющий толком сидеть в седле!

— Ну что ж, синьор, я докажу! — гневно фыркнул он и развернул лошадь.

— Стрелок обычно атакует на полном ходу, — подсказал Педро.

— Ну не надо так уж жестоко, видели, какая у него нервная кобыла? — негромко ответил я. — Убьется еще, чего доброго.

— И то верно, грех на душу брать… — кивнул возница. Наш мул только ушами прядал, но с места не двигался, а вот белая кобыла приплясывала на месте. — Я еще подумал, вроде все говорят, у Стрелка вороной жеребец, послушный, а тут видите…

Юноша тщательно прицелился… грянул выстрел. Опунция, как я и ожидал, стояла цела и невредима, с цветком на макушке, будто у модницы на шляпке.

— Поздравляю, вы проиграли, — сказал я. — Трогаемся, Педро. И так много времени потеряли.

— Стрелок! — пренебрежительно бросил возница и взял поводья. — Промазал на милю! Я вон кнутом могу с уха мула

муху снять, а этот выпалил в белый свет!

— Вот-вот, Стрелка так же нахваливали… Ну, едем!

— Нет уж, постойте! — юнец подскакал к самой повозке. В прорезях маски яростно сверкали черные глаза. — А вы, синьор, не удивите ли своей меткостью ничтожного бандита?

— Приятно слышать, что вы осознаете свой статус, — ответил я и встал. — Надеюсь, вы сделаете скидку на мои почтенные годы и не потребуете сесть верхом? Прекрасно. Тогда я буду стрелять навскидку, по вашему сигналу. Идет?

— А что на кону? — повторил он.

— Если я выиграю, вы снимете маску, — на ходу придумал я. — Если проиграю, так и быть, отсыплю вам десяток песо на бедность, а то у вашей кобылы уже мослы наружу торчат!

Он вспыхнул, но промолчал. Вблизи и впрямь было видно, что лошадиные бока напоминают стиральную доску, да и вообще кобыла выглядела неухоженной.

— По рукам, синьор! — сказал он. — Приготовились? На счет три… И-и-и… Три!

Этот фокус был мне давно известен, сам сколько раз им пользовался.

Я картинно сдул дымок с дула револьвера и посмотрел на проигравшего. Старость старостью, а меткость и твердую руку не пропьешь! Хотя нет, второе как раз пропить вполне реально…

— Ваша взяла, синьор, — печально сказал горе-бандит и снял маску.

Физиономия у него оказалась довольно симпатичная, характерная для местных уроженцев. На вид парнишке было лет двадцать, но здесь рано взрослеют, так что ему могло оказаться и пятнадцать.

— Ты откуда такой взялся? — жалостливо спросил Педро, развернувшись на облучке. Мул невозмутимо шагал по дороге.

— Из долины, — хмуро ответил тот. Он спешился и вел кобылу в поводу. — Жили — не тужили, а тут… стройка. Был дом — не стало дома, все затопило. Мать кухаркой пошла к какой-то городской синьоре, сестры, слава Иисусу, обе замужем в других деревнях, а мне куда деваться? Либо в рудокопы, либо в солдаты, либо на эту стройку. А тут Стрелок объявился… Дай, думаю, подзаработаю, может, смогу в Техас удрать!

— Много заработал? — спросил я.

— Не особо, — фыркнул юноша. — Револьвер — это еще отцовский, с войны. Ну да его кому покажешь, те и пугаются. Не все ж такие смелые, как вы! Вот лошадь раздобыл и деньжат немного… На богатых-то не нападешь, с ними охрана, — добавил он. — А с бедноты и взять нечего. Кобыла-то старая. На убой

вели.

— А скачет резво, — заметил Педро.

— Это она с перепугу. Так-то еле плетется, вроде вашего мула.

— Мой мул твоего одра догонит и перегонит! — рассердился возница.

— Так, угомонитесь, — попросил я. — Парень, как тебя зовут?

— Диего, — ответил тот. Что ж, я мог бы не спрашивать, тут куда ни ткни пальцем, попадешь в Диего, Хуана или Педро. Хотя поступать так не рекомендую, палец могут и отрезать…

— Есть хочешь?

— Еще бы, — облизнулся он.

— Тогда привяжи лошадь к повозке и залезай сюда. Перекуси и расскажи мне все, что знаешь о долине, стройке и… да вообще, все сплетни, какие вспомнишь, — решил я. Спина Педро выразила некоторое возмущение, но он промолчал. — Про Стрелка тоже рассказывай.

— Про него проще всего, — прочавкал Диего. — Появляется всадник на вороном коне. Бац-бац, охрану по кустам разогнал, денежки прихватил, знак свой нарисовал и исчез.

— А как знак выглядит, знаешь? — спросил я.

— А то. Его в Кампочите два дня с ратуши отскрести пытались, — фыркнул он. — Чем бы намалевать…

Я подсунул ему блокнот и карандаш. Диего, высунув от усердия язык, прочертил несколько линий, и я подавил желание протереть здоровый глаз (стеклянный тоже, запылился): передо мною красовалась руна "тейваз". Ну, я ведь уже думал об этом…

— А что нужно Стрелку? — спросил я. — Слышал, он деньги и вещи раздает бедным, это так?

— Не знаю, синьор, мне от него ничего не перепадало, — ухмыльнулся Диего. — А слухи разные ходят. То ли девушку его, то ли сестру гринго изобидели. То ли, как у меня, из дома выгнали, а дома того уж нет. То ли землю обманом выкупили, ну, там, где железка пойдет…

— Погоди, какая железка? — насторожился я.

— Эта, где паровоз, — пояснил он. — Чтоб с рудников побольше да побыстрее вывозить, а то обоз пока дотащится… Там у кого за бесценок купили, пообещали, как достроят, сразу рай земной настанет. Кто сдуру подписал бумажку, теперь вот мается неприкаянный. А кого просто выгнали, особенно одиноких да стариков, кто за себя постоять не может…

— Значит, Стрелок — воплощение справедливости?

— Я, синьор, неграмотный, что такое это ваше воплощение,

не знаю, — Диего взял еще лепешку, — но только проку от него мало. Ну роздал деньги бедноте, и что? Все равно их назавтра за долги заберут и обратно повезут. Ладно еще еда… А уж мануфактуру жечь — вообще ума не иметь надо!

— Это у которой Джонс и Джонсон владельцами были? — ожил Педро, активно шевеливший ушами.

— Она самая. Полыхнуло на полнеба, я в горах был, и то видел! Думал, город горит…

— Так тряпки же, занялось да понеслось, — изрек возничий. — Хозяева разорились, рабочие все на улице. Теперь им только в рудники.

— Вот-вот… А куда женщине с детишками в рудники-то? На мануфактуре она хоть как могла работать, а тут еще и не возьмут!

Они заговорили о своем, а я задумался. Как-то очень уж много совпадений, и все дороги ведут в Кампочиту… Что ж, приедем — разберемся! А вдобавок…

Интересно, права ли Хуанита, предположив, что дед оставил ей земли в наследство? Что же, разберусь. Доверенность дает мне такое право.

Кампочита мало изменилась с тех пор, как я бывал здесь в последний раз. Небольшой сонный городок, где любая мало-мальски значительная новость становилась предметом обсуждений на многие недели. Яркие домики, зелень садов, вездесущая пыль…

— Куда едем, синьор? — неуверенно спросил Педро, натянув поводья. — В гостиницу?

— Давай, — согласился я, переборов желание немедленно отправиться в мэрию. Мне остро требовалось принять ванну и переодеться.

— А назад-то когда поедете? — опасливо спросил Педро.

— Не имею представления, — покачал я головой. — Так что отдохни да возвращайся домой, любезный. А я, когда понадобится, найму кого-нибудь здесь.

— Я вам скажу, кого, — деловито сказал он и посыпал именами родственников и знакомых, поясняя, где кто живет и сколько возьмет. Я слушал, кивал, но не запомнил и половины!

— А ты, Диего, что намерен делать? — спросил я, перебив поток красноречия.

Тот пожал плечами.

— Если в полицию не сдадите, продам лошадь, куплю поесть на дорогу да пойду к дальней родне. Может, там какая-нибудь работа найдется…

— Послушай-ка, — осенило вдруг меня, — погоди пока уходить. Мне придется ехать в горы, на рудники, а в одиночку

как-то не хочется…

— А с меня-то что проку? — удивился Диего. — Сами видели, как я стреляю, а кляча моя только на бойню годится!

— Ничего, чтобы испугать кого-то вроде тебя, твой ветеран годится, большой, внушительный и бабахает громко, — улыбнулся я. — Даже если поверх голов выстрелить, уже недурно выйдет, да и лошади могут напугаться. Ну а против большого отряда такой же нужен, а где его тут наймешь?

— Это верно, — встрял Педро. — Мужчины все или на рудниках, или разбежались. Остались только малолетки да такие вот молокососы…

— Ну, синьор, если вы заплатите, тогда я согласен, — поскреб он в затылке. — Хоть не с пустыми руками к родне явлюсь.

— Заплачу, конечно. Лошадь и впрямь продай и купи себе одежду поприличнее, — велел я. — Потом приходи в гостиницу и жди меня. Ну или разузнай пока, где тут купить лошадь и мула.

— Сделаю! — повеселел Диего. — Спасибо, синьор, все узнаю!

На том мы и распрощались:

Ох, как же мне недоставало верного Ларримера — дворецкого, камердинера и няньки в одном лице. И если его первая ипостась мне сейчас без надобности, то вторая пришлась бы как раз кстати. Во всяком случае, Ларример не допустил бы, чтобы я надел помятый костюм.

Я усмехнулся — изнежился за последние годы, ничего не скажешь, а ведь раньше и на голой земле спал! — и наконец спрыгнул с повозки, чтобы размять изрядно затекшие ноги…

Впрочем, местное гостеприимство я недооценил.

Портье тихо дремал за стойкой, однако номер нашелся быстро.

Горничная привела в порядок одежду, поданный обед оказался сносен, а вино даже неплохим. Жаль только, что отдать ему должное я толком не мог, напиваться перед важной встречей не годилось.

Облачившись в свежий костюм и повязав галстук, я остался вполне доволен своей внешностью. Представителен, ничего не скажешь!

При виде меня местный портье даже привстал.

— синьор собирается на прием к синьору мэру? — почтительно осведомился он, оглядев меня с ног до головы.

Я спрятал улыбку. Действительно, даже европейцы не щеголяли здесь в костюмах-тройках без уважительной причины.

— Что-то вроде этого, — согласился я обтекаемо. — Вы не

подскажете, как разыскать начальника полиции? И еще мне нужен поверенный. Ну, здесь же кто-то занимается оформлением наследства?

— А, синьор хочет написать завещание! — понял он и закивал. — Да-да, синьор!

И посмотрел на меня с жалостью, видимо, решив, что я собираюсь в ближайшее время отдать Богу душу.

Я неопределенно пожал плечами, не став его разочаровывать.

— Вот что, синьор! — решился портье. — Я сейчас кликну мальчика, он вам все покажет!

Отказываться я не стал. Диего умчался сразу по приезду в городок, хоть и обещал вернуться, а Педро не местный.

— Синьор, синьор! — стайка местной ребятни окружила меня, как только я вышел из гостиницы. — Дайте монетку, синьор!

— А ну, кыш! — сурово шикнул на них мой сопровождающий, вихрастый мальчишка лет десяти, Хосе его звали.

Мальчишки загоготали, перебрасываясь фразами на местном диалекте испанского.

— Что-то он бледный! — говорил один, ковыряясь в носу.

— Ага, надо оставить на солнышке. — Предложил второй, сплюнув через дырку на месте зуба. — Быстро подрумянится!

— Какие добрые дети, — похвалил я на том же диалекте. Надо же, еще помню кое-что! Мальчишки переглянулись и порскнули во все стороны, как вспугнутые воробьи, а еще крикнул им вслед: — Да хранит вас святой Христофор!

Ей-ей, не знаю, за помощь в чем отвечает этот самый Христофор, но почему-то именно он пришел мне на ум.

Мой проводник хихикнул:

— Эк вы их ловко! И святого самого что ни на есть своего помянули!

— О чем это ты? — не понял я.

— Ну как же, синьор! Все знают, что святой Христофор покровительствует путешественникам и торговцам, а вы разве не путешественник?

— Хм, действительно, — улыбнулся я. Должно быть, какие-то обрывки религиозных знаний, вбитые в мою голову в воскресной школе, все-таки там задержались. Впрочем, иногда поражаешься, какие невероятные вещи умудряются помнить люди, которые благополучно забыли даже таблицу умножения…

— Вот она, ратуша, — указал мальчик.

— Погоди, а зачем мне ратуша? — не понял я.

— А разве вы идете не к мэру? — удивился он. — Дядя так сказал…

— Дядя твой, наверно, неправильно меня понял. Мне нужен поверенный, это раз, и начальник полиции — это два. В любом порядке.

— А, так бы сразу и говорили, — кивнул мальчишка и потопал дальше. — участок — во-он он, только синьора Гонсалеса там наверняка нет.

— Как это? До сиесты, — я взглянул на солнце, — еще далековато.

— Ну а что ему делать в участке? Там один только пьяница Лопес дрыхнет, да полицейские в карты играют, там стены толстые, прохладно, — со знанием дела ответил он. — Так что синьор Гонсалес или у себя в гасиенде, или уехал в горы искать Стрелка, вот!

— Что за таинственный Стрелок? — спросил я, зная, что такие вот мальчишки очень пронырливы и наверняка знают массу интересного. Пусть даже это только слухи. — Столько про него слышал, но, похоже, это сказки…

— Ничего не сказки, синьор! — обиделся мальчишка. — Его много кто видел, даже полицейские, но их было много, они обоз охраняли, и Стрелок не рискнул напасть, у них же у всех ружья, а у него один револьвер. Они за ним целый день гонялись, но он всё равно их обманул и скрылся, вот. Говорят, — понизил он голос, — где-то в горах есть пещеры, ну, старые рудничные выработки, вот он там и прячется. А полицейские туда забраться никак не могут, потому что только Стрелок знает тайное слово, чтобы кактусовый лес пропустил его в пещеру…

— Какой-какой лес? — среагировал я на это словосочетание.

— Кактусовый. Там, говорят, заросли выше дома, опунции толщиной в три обхвата! Прорубиться можно, да только кто ж добровольно в колючки полезет? — охотно продолжал Хосе. — А если насильно пеонов сгонят, так это ж шуму сколько, Стрелок услышит и другим ходом уйдет с конем вместе!

"Прекрасно, — подумал я. — Кактусовый лес, пещеры, потайные ходы… Настоящий приключенческий роман!"

— А еще, — вошел во вкус мальчишка, — поговаривают, что Стрелок вовсе никакой не пеон. И правда, откуда у него такой скакун, которого ни один конь догнать не может? И револьвер? И стрелять он точно умеет!

— Это ты на что намекаешь? — с интересом спросил я.

— Как на что? Вдруг это кто-то из молодых господ? — непосредственно ответил Хосе. — Им тоже не очень-то нравится, что тут всё гринго захватили! Вот, например, синьор Гарсиа. Не который Хосе, как я, а который Матео… Отец ему оставил в наследство хорошую землю, дом… только оказалось, что он

подписал какую-то бумагу гринго, а толком не разобрался. А это было все равно что завещание, так синьор Матео ничего и не получил. Пришлось ему жениться на вдове с детьми, чтобы вовсе бездомным не остаться…

Я задумался. Хм, а это вариант!

— Вряд ли женатый человек станет носиться по горам в маске и грабить обозы, — сказал я. — Жена сразу заметит, что он куда-то пропадает.

— И то верно, — кивнул Хосе. — Или вот еще синьор Фернандес. У него только матушка и сестра, так их тоже хотели выселить за долги. Но он дошел до самого старого губернатора, и тот позволил платить в рассрочку. Правда, большую часть земли все равно отняли, но хоть дом оставили… А еще синьор Фернандес был влюблен в одну синьориту, но ее хотели отдать замуж за янки, который на губернаторских приисках был каким-то важным чином. Только она пропала, вот, да и его не видать. Поговаривали, это янки силком ее увез куда-то за океан.

Я проморгался. Хотя… Кампочита — городок маленький, все друг у друга на слуху, а сплетни разносятся со скоростью лесного пожара, так что ничего удивительного в таком совпадении нет!

— А ее фамилия была случайно не Лопес дель Пьедро?

— Да-а… — протянул Хосе. — Ее папаша тоже служил на прииске. Только его оттуда выгнали. Он из дома носу не кажет, служанка его, Кончита, говорила, пьет сильно… Вам уже рассказали, да?

— Да, — подтвердил я. — Здесь намного проще, чем в большом городе: все друг друга знают, ничего не скроешь!

— А вы не из-за этого янки приехали? — живо спросил мальчишка.

— В некотором роде, — уклончиво ответил я. — А у этой девушки есть братья или сестры?

— Ага, есть, пятеро, — кивнул он. — Сестер забрала бабушка, синьора Крус, а брат учится в пансионе в городе. А что?

— Просто интересуюсь, — вздохнул я и попытался сообразить, по какой линии эта бабушка.

Наверно, по отцовской, вряд ли бы отчим Хуаниты отдал родных детей матери Инес. Нет, положительно, система мексиканских фамилий может свести с ума: ребенок наследует фамилию деда по отцу и деда по матери, а жены не берут фамилию мужа. И поди вычисли, кто кому кем приходится, особенно учитывая то, что большого разнообразия имен тут не наблюдается…

Впрочем, самокритично подумал я, мало ли в Британии Джонов Смитов?

— Вот тут контора поверенного, — показал мне Хосе. — А в участок не ходите, нечего там приличному синьору делать. Лучше съездите в гасиенду к синьору Гонсалесу, тут недалеко, а вечером он уж так точно дома будет!

— Спасибо, — искренне сказал я и дал ему пару песо за помощь.

Хосе умчался, сверкая босыми пятками в пыли, а я отправился к поверенному.

Синьор Дельгадо своей фамилии нисколько не соответствовал, он оказался довольно упитанным рослым мужчиной. Очевидно, сидячий размеренный образ жизни вкупе с местными яствами добавил ему лишних фунтов, так что упитанный — это еще комплимент! Наверно, тяжело ему приходится в такую жару, невольно подумал я, излагая суть вопроса.

Дельгадо похмыкал, угукнул, внимательно изучил мои документы, доверенность, задал пару вопросов и вроде бы остался полностью удовлетворенным. К слову, он отличался редкой немногословностью, казалось, говорить для него — непосильный труд, и реплики его были крайне коротки, хотя и информативны, спасибо и на том.

В результате наш диалог выглядел примерно так:

— Синьор Дельгадо, скажите, верно ли, что губернатор Диас упомянул синьориту Лопес дель Пьедро в своем завещании.

Тот медлительно кивнул.

— А могу я на правах ее законного представителя узнать, что именно причитается ей согласно этому завещанию?

Дельгадо покряхтел, подумал, порылся в бумагах и выудил длинный список на испанском. Еще подумав, он аккуратно сложил лист таким образом, чтобы на виду осталось всего несколько строк, и положил его передо мной. Очевидно, прочие пункты не предназначались для моего взора.

Испанский я помнил неплохо (хотя разговорный знал куда лучше литературного и, тем более, юридическо-бюрократической его разновидности), поэтому прочитал список и мысленно присвистнул.

Хуанита была не просто богатой невестой. Она была фантастически богатой невестой! Помимо круглой суммы в банке, акций самых разных компаний (в основном английских и американских) и доли в семейном предприятии (имелись в виду те самые рудники) щедрый дедушка оставил ей еще гасиенду с романтичным названием "Роза Альба" неподалеку от Кампочиты, а также изрядный земельный надел.

Я перевел взгляд на большую засиженную мухами карту

Кампочиты и окрестностей на стене. (Не знаю, зачем она там висела, то ли солидности ради, то ли просто дырку прикрывала, но пригодилась.) Ага, это примерно вот здесь… И если я еще не разучился ориентироваться на местности, то как раз во владениях Хуаниты находятся новые серебряные рудники, те самые, ради осушения которых затопили долину…

"Вот это поворот!" — подумал я. Дельгадо меня не торопил, молчал и пошевеливал усами, сильно напоминая большого сытого таракана вроде мадагаскарских. Ну разве что не трещал надкрыльями и не норовил свалиться мне на голову с потолка, такого я мог бы и не пережить.

А что… В принципе, многое проясняется. Хуанита несовершеннолетняя, распоряжаться всем этим должен был опекун, скорее всего, ее отчим. Я уточнил этот момент, дождался величественного кивка Дельгадо и продолжил размышлять. Итак, поскольку отчим уже был замешан в сомнительном бизнесе жениха Хуаниты, незабвенного контрабандиста и жулика Смиттесона, то не мог ли последний наследить и тут? Зная характер Хуаниты, он вполне мог подозревать, что та по достижению совершеннолетия, получив все эти богатства, даст ему от ворот поворот. И отчима, скорее всего, тоже видеть не пожелает. Следовательно, надо ковать железо, пока горячо, чем этот ушлый тип и занялся. Отчим наверняка был в деле: как управляющий губернатора, он мог выдать любое или почти любое разрешение, пренебречь правилами и так далее, лишь бы успеть выкачать из здешних недр побольше и продать подороже. Должно быть, он полагал, что девушка все равно не сумеет разобраться в липовой отчетности и понять, сколько серебра было добыто на самом деле и сколько ушло "налево". Со счета-то много не снимешь, это бросится в глаза служащим банка, пойдут слухи, то же и с акциями… тем более, их продавать было невыгодно — они давали не слишком большой, но стабильный доход, и жить на эти деньги в здешних краях можно было припеваючи. Но жадность губит людей и лишает их дальновидности. Теперь выходило, что желание двоих проходимцев поживиться обернулось народным недовольством, а тут и до восстания недалеко!

Что ж, надо было проверить мою версию, и я, распрощавшись с поверенным (по-моему, он спал с открытыми глазами), отправился искать синьора Варгаса, отчима Хуаниты…

У поверенного я пробыл достаточно долго, уже наступила сиеста (а я, к слову, не обедал!), улицы будто вымерли, ну и жара стояла невероятная. Подумав, я счел за лучшее вернуться в гостиницу, освежиться и перекусить. Если Варгас уже давно сидит дома, как сказал Хосе, вряд ли он сбежит у меня из-под носа.

Рассудив так, я отправился обратно. Под навесом на крыльце гостиницы меня поджидал Диего, успевший сменить драные штаны на вполне приличные и обзавестись новой шляпой. По мне так лучше бы ботинки купил!

— Я продал лошадь, синьор, — деловито сказал он. — Почти задаром, но и то хорошо. Ее водовоз взял, у него мул сдох, а эта еще потаскает телегу, пока он на нового накопит. А самых лучших мулов продает старый Хименес, это во-он на той окраине, я вам покажу. Вот с верховыми лошадьми похуже, дорогие они, но если вам стати не очень важны, то у того же папаши Хименеса я видел пару меринов, не красавцы, но выносливые, говорит, а вам же не на скорость состязаться? И вам по росту, а то если вы на мула сядете, так ноги до земли достанут!

Выдав все это единым духом, он умолк и внимательно уставился на меня.

— Отлично, — сказал я. — Я пока еще не решил, когда и куда именно поеду, но, скорее всего, нынче вечером наведаюсь к синьору Гонсалесу. Надеюсь, ты не в розыске?

— Нет, синьор, — обиделся Диего. — Я ни разу не попадался!

Я только вздохнул и попросил его раздобыть что-нибудь перекусить, даже если для этого потребуется ограбить кухню. Итогом этого разбойничьего налета стало блюдо с кукурузными лепешками (холодными), энчиладас и кесадильи (еще не остывшими), а также всяческой зеленью. Запивать все это огненное многообразие предлагалось текилой, но я воздержался, потому что мне нужна была ясная голова. Чаю не нашлось, зато был горячий шоколад, а это ничуть не хуже… если бы только Диего по доброте душевной не сыпанул в него красного жгучего перца.

— Простите, синьор, я забыл, что гринго не привыкли к острому, — покаянно сказал он, глядя, как я, задыхаясь и утирая слезы, допиваю третий стакан воды.

— Скорее, с отвычки, — просипел я. — Когда-то я пил это с большим удовольствием…

Отдышавшись, я в очередной раз привел себя в порядок (и подумал, что если вдруг соберусь к Гонсалесу, придется сделать это снова) и вышел на улицу.

Городок понемногу просыпался, и хотя было по-прежнему жарко, но уже не настолько нестерпимо, как вскоре после полудня.

Я неторопливо шел по узким улочкам (Диего я отправил вперед, разузнать, где живет Варгас), глядел по сторонам и прислушивался к разговорам.

— А где же взять сочную зелень, подумайте сами, синьора, —

устало говорила торговка. — Что привезли, тем и торгую, не сама же я это выращиваю!

— Но поглядите, томаты ведь все сморщенные! Картофель мелкий и вялый! Кукуруза жесткая и сухая! — возмущалась пожилая дама. — Сколько вы все это храните? Год?

— Синьора, только позавчера привезли! Говорю ведь, нет дождей, река обмелела, еще бы тут выросли томаты с мужской кулак и картошка с детскую голову! Сосед, сосед! Скажи, когда кум привез мне это добро? — воззвала торговка.

— Так позавчера, я разгружать помогал, — охотно отозвался седоусый мужчина с соседнего крыльца. — Вы, синьора, правильно возмущаетесь, что овощи уже не те, только в этом не Мария виновата и не крестьяне, а…

— Молчи ты! — шикнула на него торговка и принялась выбирать пожилой даме что получше. Та тоже примолкла, хоть и хмурилась недовольно.

"Похоже, ситуация здесь хуже, чем кажется", — невольно подумал я и пошел дальше. Все-таки Кампочита изменилась, заключил я. Мне городок запомнился ярким и веселым, а теперь на улицах почти не было молодежи, и даже вездесущие опунции казались какими-то тусклыми и серыми. Должно быть, даже кактусам приходилось нелегко в такую засуху…

Синьор Варгас ни в какую не желал принимать незваного гостя, а суровая служанка (видимо, та самая Кончита, худая смуглая женщина лет сорока или больше) едва не огрела меня метлой, оберегая покой хозяина. Я знал такой типаж: скорее всего, вдова или старая дева, нашедшая себя в ревностном служении господину. Помнится, у известного австрийского новеллиста (как бишь его? Кажется, Цвейг) был рассказ о подобной служанке, готовой ради хозяина даже отравить его супругу.

Но я отвлекся.

Итак, сдержав натиск этой фурии, я велел передать синьору Варгасу мою визитку (на обороте которой черкнул, что явился от имени и по поручению его старшей дочери) и сказать, что не уйду, пока не увижусь с ним. А если ему будет угодно послать за полицией, только порадуюсь, поскольку очень хочу повидаться с синьором Гонсалесом, но не застал его в участке.

После этого пассажа Кончита немного присмирела, проводила меня в гостиную и скрылась в недрах дома. Ну а через некоторое время ко мне вышел сам Варгас.

Это был высокий худой мужчина, насквозь прокаленный здешним солнцем. (Фамилия поверенного подошла бы ему куда больше!). Правда, было заметно, что он ведет нездоровый образ

жизни: об этом говорила и желтоватая бледность, заметная даже сквозь загар, и мешки под глазами, и трехдневная щетина, и несвежая рубашка, и скверный запах изо рта. Судя по всему, Варгас совершенно перестал следить за собой, и я, кажется, мог угадать причину…

— Синьор Варгас? — сдержанно поклонился я. — Виктор Кин, эсквайр, к вашим услугам.

— Я в ваших услугах не нуждаюсь, — мрачно ответил он и рявкнул: — Кончита! Принеси еще бутылку!

— Синьор, соблаговолите воздержаться хотя бы недолго, — попросил я. — У меня для вас важные известия.

— Ну? — он перевел на меня налитые кровью темные глаза. — Что вам нужно? И при чем тут моя дочь?

— Сейчас объясню, — уклончиво ответил я. — Для начала я хотел бы передать вам, что ваша дочь Иоанна жива и находится в добром здравии. Вам, должно быть, уже телеграфировали из пансиона?

— Да… эта мерзавка сбежала! — очнулся Варгас. — А ведь сама рвалась туда, лишь бы подальше от женишка!

— А разве это не вы сосватали ему Иоанну? — спросил я.

— Я, — вздохнул Варгас и все-таки приложился к бутылке, услужливо подсунутой Кончитой. — Но это дело, синьор, касается только моей семьи. Говорите, что вам нужно да убирайтесь восвояси!

— На вашем месте я бы немного сбавил тон, синьор Варгас, — вкрадчиво произнес я, решив, что с этим пьяницей нечего церемониться. Вежливого обращения такая братия не понимает, принимая его за проявление собеседником слабости, а потому наглеет, доводилось видать подобное. — Вы что, не прочли мою визитку? Вам не ясно, кто я такой?!

По правде сказать, на визитке значилось сокращенное название лондонского клуба, почетным членом которого я являлся, а также Королевского географического общества. Я, впрочем, совершенно справедливо рассчитывал, что Варгас в лучшем случае опознает слово "Королевский", а расшифровать аббревиатуру не сумеет. Тем более, визитка на английском.

Я не ошибся.

— Вы… из этих? — опасливо спросил он и указал подбородком куда-то за океан. — И насчет Хуаниты… Что она натворила? Украла что-то и сбежала?

— Почему же сразу украла? — удивился я.

— Да я приметил, что очень уж она интересуется камушками, — протянул Варгас и хлебнул из бутылки. — Так и выспрашивала, и вынюхивала, только стоит завести разговор о

делах, она тут как тут — то выпить принесет, то закусить, а сама знай прислушивается… Я это не сразу заметил, а тогда уж перестал ее впускать.

Я отметил, что у Хуаниты, несмотря на юный возраст, достаточно смекалки и отличное чутье на обман.

— Синьор Варгас, — продолжил я холодным уверенным тоном, копируя известного лондонского адвоката, о котором ходили слухи, будто он парой фраз может заставить присяжных уверовать в полную невиновность подсудимого, будь он хоть самим Джеком-Потрошителем. — Вы должны понимать, что нам известно всё. И покамест я беседую с вами как с человеком, павшим жертвой известного мошенника, однако всё может измениться в мгновение ока, если вы откажетесь отвечать на мои вопросы. Вы меня понимаете?

— Понимаю… кажется… — протянул он и отодвинулся со стулом вместе.

— Это дело касается не только вашей дочери, затронуты интересы Короны. Вы, надеюсь, понимаете, что это означает? — добавил я, почти не солгав.

В конце концов, это Варгас со Смиттесоном устроили тут такой беспорядок, от которого и до восстания недалеко!

— Д-да, — выдавил Варгас и даже отставил бутылку подальше. — Вы… вы спрашивайте, синьор, хотя меня и так уже обо всем повыспросили…

— Ничего, я хочу выслушать вашу версию событий своими ушами, а не полагаться на протоколы местных властей, которые, подозреваю, принимали не последнее участие в этой истории! — выдал я, сам себе удивившись. Впрочем, не зря ведь диплом пылится на полке! — Итак, синьор Варгас, мы остановились на том, что вы сосватали вашу старшую дочь…

— Смиттесону, — буркнул Варгас. — У нас так принято, синьор: чтобы деловые связи были крепче, неплохо скрепить их браком детей. Детей у Смиттесона не было, поэтому мы решили, что он сам женится на Хуаните, когда она немного подрастет и научится вести себя как светская дама!

— Так-так, — протянул я, — и с этой целью вы отправили ее в Британию?

— Именно. Я надеялся, что она присмиреет, а когда выйдет замуж, ее поведение станет головной болью Смиттесона, а не моей! Но кто же знал, что он окажется мошенником? Старый Диас к нему благоволил, ну так Смиттесон мог запудрить мозги кому угодно… Надеюсь, его когда-нибудь повесят! — выдал Варгас единым духом.

— Ну, на повешенье он пока не заработал своими трудами на

ниве преступной деятельности, но сидеть ему придется долго, — заверил я. — Вы же, вижу на свободе… К вам проявили снисхождение как к обманутому, введенному в заблуждение или?..

— Или, — мрачно ответил он. — Не будь у меня, чем откупиться, меня ославили бы на всю Мексику. Ну я-то ладно, человек пропащий, но у меня ведь сын, каково ему будет? А еще и дочери, кто их потом замуж возьмет? Да и приданое нужно… И так-то на улицу не покажешься, все ведь знают, как было дело, в наших краях ничего не скроешь!

— И чем же вы откупились от слуг закона? — холодно спросил я. — Уж не деньгами ли Иоанны, которыми распоряжались как опекун?

— А хоть бы и ими, — прищурился Варгас. — Старик и так отписал ей столько, что на три семьи хватило бы. А нрав у этой паршивки точно, как у ее матери, с младшими она бы делиться не стала, зажила бы, как королева, а нас побоку… А то продала бы всё и уехала в Мехико или вовсе в Америку!

— Потому вы и старались поскорее пристроить ее замуж? Сперва ее наследством распоряжаетесь вы, а как только она выходит замуж — ваш подельник, так?

— Ну да. Я думал о семье, — сказал он. — А Хуанита все равно ни черта не понимает в делах. Спустила бы сотни тысяч на тряпки и эти вот камушки да осталась ни с чем… Так куда она подевалась, синьор? Надеюсь, меня не хотят обвинить в том, что я убил Хуаниту и скинул в заброшенную шахту?

— Нет, что вы. Она жива и здорова, я могу засвидетельствовать это лично, — заверил я. — Однако дело не столько в Иоанне и ее наследстве… кстати, вы в курсе, почему губернатор Диас так ее облагодетельствовал?

— Конечно, — ответил Варгас. — Все знают, что Хуанита — его внучка. Признать он ее не признал, но всегда отличал. Да и сразу видно было, что она не местной породы. Откуда бы у нее взяться голубым глазам, если мы все темные? Вот у Диаса вроде были европейцы в родне, может, оттуда…

Я невольно хмыкнул.

— Вернемся к делу, — сказал я. — Если я неверно воспроизвел цепочку событий, поправьте меня. Итак, вы, вступив в сговор со Смиттесоном, начали активную разработку месторождения на землях, принадлежащих Иоанне, с тем, чтобы успеть заработать как можно больше до ее совершеннолетия, так? Похоже, вы не были уверены в том, что, став богатой невестой, она не откажется выходить замуж за вашего партнера, верно?

— Конечно. Хуанита вполне могла послать его к дьяволу и

надеть ему на голову ночную вазу, — невольно ухмыльнулся Варгас. — И он тоже это понимал, вот мы и… поспешили.

— А поспешили вы так, что ради осушения штолен и строительства электростанции оставили без воды всю округу, — кивнул я. — Тут голод, вы не знали?

— Знаю, конечно, — нехотя ответил он. — Но это были такие легкие деньги… Смиттесон торопил, мол, снимем сливки, а потом постепенно снова спустим воду из водохранилища, ничего фатального за год-другой не случится… Наш инженер предупреждал меня о том, чем может кончиться дело, но я его не послушал.

— Что за инженер? — сразу заинтересовался я.

— Старый Уго Атль, — сказал Варгас. — Я его помню чуть ли не с тех пор, как сам мальчишкой был. Губернатор Диас тогда был молод, только приехал сюда, хотел всё усовершенствовать, вот и приметил Атля. Тот наполовину индеец, знает какие-то секреты, так его отправили учиться в Мехико. Потом он вернулся, стал работать на рудниках… словом, горного мастера лучше него на тысячи миль в округе не сыщешь!

— И вы его не послушали…

— Нет, — вздохнул он. — И новый губернатор не послушал тоже. Когда он разобрался в этом деле, то… Словом, я вынужден был подписать доверенность. Теперь губернатор Санчес распоряжается от моего имени на том участке, а я… Я, как видите, пью, от работы-то отстранили, кому я там теперь нужен?

— Вижу, — сказал я и отобрал у Варгаса бутылку, пока он не рухнул под стол. — Не знаю, обрадует ли вас такая новость, но доверенность вашу губернатор может порвать и выбросить.

— А? — сощурился Варгас. Кажется, меня у него было два.

— Иоанна вышла замуж, — с удовольствием сообщил я. — Теперь супруг распоряжается ее капиталами. А поскольку человек он крайне деловой и имеет связи в самых неожиданных кругах, думаю, стоит уладить дело полюбовно.

Тут я не приврал только насчет связей: у Диггори, как и у меня, полным-полно знакомств. Говорят, между любыми двумя людьми на планете не более пяти или шести звеньев, ну так мы полностью оправдываем эту гипотезу. Да и через меня, скажем, местный пеон связан с бедуином из Сахары…

— Я к Санчесу не пойду, — сказал Варгас с явным облегчением. — Ну его к дьяволу! Раз вы поверенный Хуаниты, вам и флаг в руки, а я теперь вовсе с боку припека!

— Я не поверенный, — напомнил я и кивнул на визитку. — Я преследую другие интересы, а Иоанна оказалась вовлечена в эту историю волей случая.

— Какая разница… — он выдохнул, обдав меня запахом перегара, хлебнул еще и добавил: — Как камень с души! Не хочу больше иметь дела с этими приисками, деньги еще остались, свои-то я не тратил… Заберу детей, Кончиту да уедем подальше…

— К вашей матушке?

— Боже упаси, только не к ней, — передернулся Варгас. — Говорю, подальше. Может, в Мехико, может, в Техас… А что до денег Хуаниты, которые я потратил, чтобы откупиться… я верну. У меня имеется то, что я получил за серебро…

— Вернете деньги ее же деньгами? Оригинально! — улыбнулся я.

— Да, совсем заврался, — тоскливо сказал он и поскреб заросший подбородок. — Ладно. Этот дом так и так продавать, остальное отдам постепенно. Как думаете, согласится она?

— Вполне вероятно, она простит вам разницу, — кивнул я. — Вот, возьмите ее новый адрес. Сюда, полагаю, она еще не скоро вернется, хотя… кто знает!

— Да уж, с таким норовом… — буркнул Варгас. — И кто это только ее захомутал?

— Кто кого захомутал! Не думайте, тот человек женился не ради корысти. Иоанна сама не знала наверняка о наследстве, только предполагала — сами знаете, слухом земля полнится. А что до свадьбы… Она — вылитая мать, взяла, что захотела, только и всего.

— Э… — по-моему, Варгас немного протрезвел. — Вы что, были знакомы с Инес?

— Да. Я не первый раз в этих краях, — улыбнулся я. — И я знаю наверняка, что Хуанита вам не родная дочь.

— Ну… я подозревал, — пробормотал он. — Норов не мой. Я старался сделать из нее приличную девушку, но куда там… Ей слово — она в ответ десять, накажешь — в отместку напакостит или сплетню пустит, а ругалась так, что хоть уши затыкай! Вот младшие — те послушные, а эта вся в Инес, какой та в юности была. И глаза чужие. Я-то на родню Диаса грешил, а значит, правду говорили, что Инес гуляла с каким-то заезжим гринго, не знаю уж, что это был за тип такой…

Я снова подавил усмешку.

С одной стороны, особой симпатии Варгас не вызывал, мошенник и есть мошенник… С другой — зачатки совести у него все-таки сохранились, и я вполне мог поверить, что он пошел на поводу у Смиттесона, погнавшись за легкой выгодой.

— А как можно попасть к губернатору? Не на прием, побеседовать бы лично… — намекнул я. — Хотя нет, сперва мне нужно познакомиться с начальником полиции… Нет-нет, не переживайте, это по другому делу!

— Познакомьтесь, — сказал Варгас, впадая в меланхолию. — Гонсалес вас и представит, если вы придетесь ему по нраву. Он любит гостей, езжайте к ужину, не промахнетесь…

— Благодарю, — кивнул я, поднимаясь. — А где мне найти инженера?

— Атля? Он остался на рудниках. Кто его отпустит, он ценный работник! Если поедете туда, спросите работников, вам любой подскажет.

— Так и поступлю, — сказал я. — Благодарю, синьор Варгас, что уделили мне время.

— Вам спасибо за новости… — вздохнул он. — Увидите Хуаниту… передайте, что я очень виноват перед ней. Серебро кружит голову не хуже золота, знаете ли! А когда большая семья…

— Я же сказал, скорее всего, она вас простит, — ответил я. — Может себе позволить, знаете ли… Я бы на ее месте простил.

— Немудрено, вы ей в отцы годитесь, ума-то уж побольше бу…

Варгас осекся и уставился мне в глаза. Да-да, в мои голубые (одинаковые!) глаза.

Больше я ничего не сказал, улыбнулся, надел шляпу и вышел.

Что ж! С этим я, кажется, частично разобрался. Теперь нужно добраться до Гонсалеса и разузнать у него, что известно о Стрелке и народных волнениях, поговорить с инженером Атлем (а вдруг еще можно как-то исправить положение с засухой?), ну а потом и с губернатором. Его я решил оставить напоследок, потому что вовсе не факт, что он захочет со мной общаться на весьма щекотливые темы. Я же не должностное лицо! Ну хоть объясню консулу, в чем тут дело, а дальше пусть сам разбирается с этим Санчесом…

***

Гасиенда начальника местной полиции оказалась очень хороша: она утопала в зелени, создавая странный контраст с выжженной местностью во всей округе. Должно быть, синьор Гонсалес был счастливым обладателем глубокой скважины или просто колодца, воды из которого хватало не только на личные нужды хозяина и его домочадцев, но и на полив этих роскошных растений!

— У людей есть нечего, а они тут цветочками любуются, — высказал Диего мою неофомившуюся мысль. — Лучше бы маис

посадили, на половину деревни хватило бы…

Он ехал за мною рядом на смирном гнедом муле, а я смотрел на него сверху вниз с седла рослого серого мерина, как Дон Кихот на Санчо Пансу. Что и говорить, уместное сравнение!

— Ты болтай поменьше, а слушай побольше, — велел я. Впереди уже видно было парадное крыльцо гасиенды "Перла Негра", где сияли огни, а с открытой террасы слышался смех и голоса.

Уже смеркалось, но до ужина еще было далеко, на что я и рассчитывал: явиться прямо к трапезе было бы невежливо. И так пришлось задержаться, пока мы выбирали лошадь для меня и мула для Диего: старик Хименес был не дурак поторговаться, а когда я попросил его уняться и вынул кошелек, чтобы уплатить за животных сразу, оскорбился и торговался еще с полчаса, сбивая им же самим назначенную цену…

Вышколенный слуга выслушал меня, принял визитку и испарился, чтобы вернуться через пару минут и с поклоном препроводить на террасу. Диего отправился вслед за грумом, уведшим моего мерина.

Буквально через минуту я предстал перед Орландо Гонсалесом, невысоким, но явно очень сильным, гибким мужчиной с грацией прирожденного фехтовальщика. Пусть он и растерял юношескую легкость и гибкость, я бы не рискнул становиться у него на пути! Его сын Рикардо, молодой человек лет двадцати, вряд ли более, выглядел копией отца — такой же невысокий, худощавый и быстрый, с превосходной осанкой и быстрыми уверенными движениями; уверен, Гонсалес тренировал его лично. Ну а невестка синьора Гонсалеса, красавица Алехандра, была под стать мужу — такая же невысокая, стройная и изящная, будто статуэтка из слоновой кости ("И тонкая, как стилет из толедской стали", — добавил я мысленно.) Она вела себя скромно, не поднимала глаз, но я то и дело замечал любопытный взгляд, брошенный на меня из-под тонкой кружевной мантильи.

Еще в гостях оказался доктор Алонсо, немолодой печальный мужчина лет пятидесяти на вид (хотя ему могло быть и больше, и меньше), сухонький, почти лысый и печальный, а вдобавок — я поверить не мог в свою удачу! — инженер Атль. Этот, несмотря на явно солидный возраст, выглядел хоть куда! На полголовы ниже меня ростом, только значительно шире, без единого седого волоса в блестящей черной шевелюре, с непроницаемым медным лицом, он странным образом подавлял своим присутствием, хотя вел себя крайне тихо.

Я должным образом засвидетельствовал свое почтение,

сослался на некое задание от… ну, господа, не будем вслух, не стоит портить такой дивный вечер… Гонсалес был понятлив, как и подобает человеку на его должности, поэтому расспрашивать не стал, а пригласил за стол и принялся выспрашивать меня о впечатлениях от Кампочиты.

— Прелестное место, — говорил начальник полиции, подливая в мой бокал, а черные глаза его выглядели как ружейные дула.

Я очень не люблю, когда оружие направляют мне в голову, поэтому старался смотреть в сторону, хотя бы на Рикардо с Алехандрой. До чего же красивая пара!

— Да, оно мало изменилось за последние годы, — отвечал я. — Только, помню, зелени тут было побольше.

— Засуха, синьор, тому уж второй год, — пожал плечами Гонсалес, и я заметил, как его сын переглянулся с женой. — Подите гляньте на что похожи поля! Река обмелела и…

— Она не сама собой обмелела, — прогудел Атль негромко, но так, что разговор мигом увял. — А я ведь предупреждал.

— Но когда воду из реки направили в долину, вся округа зацвела, все горные склоны были покрыты цветами! — воскликнула Алехандра. — Припомните, до чего было красиво! И бабочки откуда-то взялись, и пчелы…

— И москиты, — мрачно добавил доктор и почесался. — Я надеюсь, вы не забываете про москитные сетки?

— Нет, конечно, но и то они не всегда спасают, — вздохнул Гонсалес.

— А я предупреждал, — снова подал голос Атль. — Спервоначалу, конечно, всё расцвело! Мне еще бабка рассказывала: даже в самой сухой пустыне после дождя распускаются цветы, которые могут спать под землей годами. Так и тут. Да только в природе вода приходит и уходит, как той самой природой установлено, и за цветущей весной приходит жаркое лето…

— А что же произошло здесь? — как бы невзначай спросил я.

— Вода не ушла, — обронил инженер и умолк.

— На месте долины теперь гигантское болото, — ответил вместо него доктор и залихватски хлопнул текилы. — Стока нет, вода прибывает. Добавьте сюда жару, достаточную для того, чтобы большая часть влаги испарялась, но заодно представьте, какие болезнетворные миазмы распространяются из долины! За двадцать лет службы здесь я встречался всего с десятком случаев малярии, а теперь она косит людей чуть ли не целыми деревнями!

— Помилуйте, но откуда в этих краях малярия?! — поразился

я, благо сталкивался с этой мерзостью в Азии.

— Иногда случается, — пожал плечами синьор Алонсо, — но нынешняя чем-то отличается от прежней. Хинин не помогает толком, а других средств от этой болезни я не знаю.

— А, видимо, на болоте расплодились комары и москиты? — сообразил я, и доктор кивнул, а потом добавил:

— Можете съездить посмотреть. Хотя не рекомендую. Во-первых, вонища там стоит до небес… прошу прощения, синьора, но это так. Если ветер с той стороны, запах чувствуется даже в Кампочите, и хорошо еще, что народ из окрестностей долины заблаговременно оттуда убрался, иначе не представляю, какой еще эпидемии можно было бы ожидать! Не удивлюсь, если среди рудокопов вспыхнет холера или еще что похуже…

— Постойте, — притворился я непонимающим, — но отчего нельзя осушить это болото?

— Это не просто болото, это водохранилище гидроэлектростанции, — хмуро сказал синьор Гонсалес.

— Простите, синьоры, что-то я ничего не понимаю, — покачал я головой. — Я слыхал уже, что реку перекрыли плотиной ради строительства электростанции, но если я верно помню принцип работы таких сооружений, сток ведь все равно должен быть! Иначе откуда возьмется напор воды, необходимый для работы турбин?

— Сразу видно, синьор, что вы разбираетесь в подобных материях, — неожиданно подал голос Рикардо. = Разумеется, если бы строительство начали по уму, посоветовавшись перед тем со знающими людьми, такими, как синьор Атль, тогда всё было бы иначе. Однако, как говорил отец, решение было спонтанным, и при проектировании не учли особенности этой реки.

— Вы, вижу, тоже разбираетесь в этом? — приятно удивился я.

— Рикардо намерен учиться на горного инженера, — пояснил синьор Гонсалес. — Лавры синьора Атля не дают ему покоя. Я не возражаю, это достойная профессия и нужная в наших краях.

— Благодарю, отец, — кивнул юноша. — Меня, впрочем, больше занимают не горные выработки, а сопутствующие проекты, вроде этой электростанции. Повторюсь, при начале строительства не было учтено то, что Инстабль бурно разливается в сезон дождей, но затем совершенно обмеливает. Этого мало, чтобы крутить турбины! Тогда, как говорил синьор Атль, решили соорудить водохранилище побольше, но снова сделали что-то не так…

— Они хотели устроить резервуар с запасом воды, потом уж построить саму станцию, и только после этого сделать сток, —

пояснил инженер. — А я предупреждал, что добром это не кончится… Ну кто так строит?

— То есть к вашему мнению не прислушались? — уточнил я.

— Конечно, нет, кто я таков, чтобы указывать губернатору? — хмыкнул Атль, набивая трубку.

— Полно вам, Уго, — негромко произнес Гонсалес, — старый губернатор Диас очень уважал ваше мнение.

— Ну! Вы вспомнили, Орландо! Где синьор Диас, царствие ему небесное, а где Санчес!

— В губернаторском кресле, — буркнул тот.

— Синьор Диас был добрым человеком, — негромко произнесла Алехандра и с чувством перекрестилась. — Он не забывал о простых людях, хотя и его не миновала страсть к стяжательству, как многих облеченных властью…

— Да уж, Санчеса эта страсть точно не миновала, — буркнул Атль, выпуская клубы ароматного дыма. — Твержу-твержу, что нельзя держать рабочих впроголодь, они этак скоро кайла не удержат и тачки возить не смогут, так нет! Говорит, если эти разбегутся, пёс с ними, желающих пруд пруди… Уже и детей берут — отвалы разгребать, прибираться… При синьоре Диасе такого не было.

— Должно быть, рудники приносят большую прибыль? — спросил я.

— Они могли бы приносить больше, если разработку организовать как следует, а не выбирать самые богатые слои, а остальную руду сбрасывать в отвалы! — с жаром произнес Рикардо. — Обогащать ее не так уж сложно, но нет, проще взять только самое ценное, а прочее бросить, как есть!

— Рикардо, не забывай, что у стен есть уши, — негромко напомнил ему отец.

— Прошу прощения, синьоры, — хмуро ответил тот, — но мне жаль и людей, которые могли бы зарабатывать больше и жить не впроголодь, и брошенных буквально под ноги денег…

— Станешь старше, выучишься, может, и тебя назначат губернатором, — хмыкнул Атль. — Тогда и сделаешь всё по уму.

— Тогда будет уже поздно, — вздохнул Рикардо. — Если люди не перемрут от голода и не разбегутся, их скосит малярия. Вы слыхали, отец? У нашей кухарки заболела младшая дочь.

— Да-да, — очнулся синьор Алонсо. — Я был у нее. У девушки сильный жар, озноб, боли в суставах, тошнота — вроде бы и впрямь малярия. Но я никогда не видел, чтобы при ней появлялась сыпь по всему телу, появлялись гематомы и рвало кровью…

— О боже! — воскликнула Алехандра и прижала к губам

салфетку.

— Простите, синьора, — повинился доктор. — Однако это не первый такой случай. Самое удивительное, что через два-три дня людям становится легче, а потом снова начинается жар и… проявляются прочие симптомы. А хинин, повторюсь, никак не помогает!

Страшная догадка поразила меня.

— Синьор Алонсо, — сказал я, — знаете, мне доводилось путешествовать по самым разным странам, я видел многое и, пусть я не специалист, но описанную вами картину мне доводилось наблюдать не единожды. Я боюсь, это не малярия…

— А что же? — нахмурился синьор Гонсалес. — Надеюсь, не чума?!

— Нет, нет… Более всего это напоминает тропическую лихорадку. Симптомы похожи на малярийные, но вот то, что доктор сказал о гематомах и сыпи…

— Она заразна? — отрывисто спросил он.

— Насколько я знаю, переносят ее, как и малярию, насекомые. Те самые комары и москиты. Насчет того, может ли болезнь передаваться от человека к человеку, мне ничего не известно, — развел я руками, — я не медик.

— А лекарство…

— Не существует, — вздохнул я, припомнив путешествия по Азии и Африке. — Помню только, что больного непременно надо изолировать и закрыть москитной сеткой, чтобы насекомые его не покусали и не разнесли заразу дальше. Ну и еще нужно много питья, чтобы избежать обезвоживания, может, что-то жаропонижающее… Люди или выздоравливают сами, или умирают. И если уже появились кровоподтеки, обращаться с больным надо как можно осторожнее.

— Бедная Кларита… — прошептала Алехандра и снова перекрестилась. — Да поможет ей Дева Мария… С вашего позволения, синьоры, я пойду скажу кухарке, как ухаживать за дочерью… Синьор Гонсалес, вы позволите Эухении отлучиться на несколько дней? Я сама стану готовить, вы знаете, я умею…

— Да, конечно, поступай, как считаешь нужным, — кивнул тот. — Если, как говорит синьор Кин, заразу переносят москиты, пусть Эухения лучше побудет подальше от всех нас. А вы, уважаемый синьор Алонсо, объясните своим пациентам, что к чему.

— Синьоры, — встрял я, — я не врач, я только высказал догадку!

— И что? — не понял Гонсалес. — Правы вы или нет, а осторожность всяко не повредит… А теперь, коль мы остались в

сугубо мужском обществе, быть может, сменим тему?

— С удовольствием, — поддержал я. — Не расскажете ли, что это за таинственный Стрелок, которым меня пугают все, кому не лень?

— Мне самому хотелось бы знать, — вздохнул он. — Очевидно, это какой-то экзальтированный юнец, помешанный на справедливости. Могу сказать одно — конь у него хорош, не хуже моих, а значит, это никак не может быть бедняк.

— Он мог украсть лошадь, — сказал Рикардо.

— Украсть — да, но не научиться ездить верхом не как пастух! — фыркнул его отец. — Впрочем, надеюсь, скоро мы избавимся от этой докуки…

— О чем вы? — с интересом спросил я.

— Ну… — Гонсалес явно подумал о том, кто я таков (признаюсь, мне было неловко обманывать этих приятных людей, но не признаваться же было, что статус тайного агента я попросту присвоил!). — Скоро на рудники отправится обоз с продовольствием, а обратно повезут серебро. Думаю, Стрелок не удержится…

— Я слышал, он не атакует обозы с серьезной охраной, — сказал я.

— В этот раз охрана будет лишь для видимости, — сказал Гонсалес. — Но в повозках укроются мои люди, и я не я буду, если не изловлю этого неуловимого мстителя!

— Думаю, у вас все получится, отец, — кивнул Рикардо со всей серьезностью, но мне показалось, будто он чем-то удручен.

— Как интересно! — сказал я и, будто меня кто-то потянул за язык, спросил: — Синьор Гонсалес, а нельзя ли мне присоединиться к этому обозу? Я мечтаю своими глазами увидеть знаменитого Стрелка!

— Никаких проблем, синьор Кин, — ответил тот. — Надеюсь, оружие у вас найдется? Впрочем, не палите без нужды, я хочу взять Стрелка живым!

— Разумеется, синьор, — кивнул я. — Ну а теперь позвольте откланяться, час уже поздний. Не сочтите за труд, сообщите, когда соберется обоз. Я остановился в гостинице.

— Конечно, — ответил Гонсалес, — я пришлю за вами кого-нибудь.

— И мне пора, — пробасил Атль и поднялся. — Завтра на службу. Синьор Кин, не возражаете, если я составлю вам компанию? Я тоже возвращаюсь в город.

— Почту за честь, — сказал я без тени иронии, и мы, распрощавшись, вдвоем спустились с террасы в сад.

Расторопный Диего подвел мне коня, а конюх вывел

инженеру смирную гнедую кобылу.

— Красивые были места, — нарушил молчание Атль, когда мы отъехали от гасиенды на милю или около того.

Я посмотрел по сторонам: да, по сравнению с садом "Перла Негра" местность выглядела вовсе уж уныло: выжженная земля, чахлая сухая трава, разве что опунции стойко зеленели среди пустыни.

— Неужто нельзя исправить положение? — спросил я. — Если снова пустить воду, то…

— Это не поможет, — покачал тот головой. — Глядите, как потрескалась земля. Если спустить воду из водохранилища, она уйдет вглубь, а потом…

— Засоление? — припомнил я.

— Именно, — Атль посмотрел на меня с интересом. — Воду спустить можно, но понемногу, постепенно, и хорошо бы, сперва прошел дождь. Только никто не будет этим заниматься. Если и удастся уговорить губернатора, он, скорее, прикажет взорвать плотину, чем велит понемногу ее разбирать. Рабочие нужны в рудниках, а не там… А ведь можно было бы понемногу спустить воду по заброшенным штольням, только нужно пробить пару тоннелей да выкопать направляющие каналы, по которому пойдет вода на равнине. Но, повторюсь, рабочих рук никто не даст…

— Понятно, — сказал я. — Ну, я постараюсь как-то повлиять на разрешение этой ситуации. Не лично, нет, на это моих полномочий явно недостаточно, но я сообщу, куда следует. Будем надеяться, наверху прислушаются к гласу рассудка!

— Я бы на вашем месте не стал мешкать, синьор, — серьезно произнес Атль. — Пока люди еще кое-как выживают, но скоро терпение их иссякнет. Если вскроется, что эпидемия началась из-за водохранилища, они могут и сами попытаться разрушить плотину. Вы ведь знаете здешний народ: они могут долго терпеть, но если уж взорвутся, их не остановишь!

— Почему вы решили, что я знаю местных? — спросил я.

— Вижу, что вы тут не впервые, — усмехнулся он. — Больно уж уверенно себя ведете, прочие гринго не такие. И по-здешнему вы бойко говорите, я слышал. А еще, — он затянулся неизменной трубкой, — внешность у вас приметная. Я помню…

— Что помните? — насторожился я.

— Вы не беспокойтесь, синьор, — невозмутимо произнес Атль, — у меня язык за зубами. Да и кому интересно, что лет этак пятнадцать назад появлялся в Кампочите молодой гринго, вроде как путешественник? С ним было еще двое, и их предупреждали, что далеко в горы забираться нельзя. Они, впрочем, все равно туда отправились.

— Хм… И что же было дальше?

— Дальше? Вернулся только один и заявил, что прочие погибли. Ну так… предупреждали ведь, повторяю! Он уехал, а через какое-то время появился и другой… — Атль выпустил клуб дыма. — Они были похожи, да-с… Но этого второго теперь уже никак нельзя было спутать с первым. Смекаете, о чем я?

— Нет, никак не возьму в толк, — сухо ответил я.

— Ну, синьор! — засмеялся инженер. — Кто, может, и прохлопал, да только любому, кто приглядится, ясно, что вы видите незримое.

Он выразительно похлопал себя по левому глазу. Я нахмурился — специально ведь проверил перед визитом — глаза были одинаковыми, я не хотел пугать людей. Впрочем, помнится, мой дядюшка тоже раскрыл мой секрет благодаря своей наблюдательности. Он, однако, заметил только, что один глаз у меня не настоящий, а вот насчет его свойств и знать не знал…

— О вас говорили, что вы знаете какие-то секреты, — припомнил я. — Они… хм… тоже позволяет видеть незримое?

— Отчасти, — ухмыльнулся Атль. — Я умею слушать горы, это у нас семейное… А видеть и обычный человек может научиться. Уверен, о вас уже пошли слухи. Белый человек в городке вроде нашего сразу привлекает внимание, а вы и ведете себя не как обычный гринго, и выглядите своеобразно… Вот увидите, завтра-послезавтра, особенно если наш уважаемый доктор не присвоит вашу догадку касаемо тропической лихорадки, вас ославят шаманом и пойдут просить помощи…

— Этого еще не хватало! — пробормотал я. — Гм… Синьор Атль, а что это так сверкает во-он там?

— Где? — он пригляделся против закатного солнца. Справа от дороги в самом деле что-то полыхало багрянцем и золотом, и неожиданно было увидеть это посреди пустыни и вездесущих опунций. — Это бывшая гасиенда Смиттесона, слыхали о таком? Говорят, его поймали гринго и посадили в тюрьму. Тут его не любили, поэтому саму усадьбу — она вон там, чуть дальше, — разграбили, а в стеклянных домах, где он держал свои колючки, повыбили все стекла. Вот осколки и блестят.

— А кактусы?! — спросил я с замиранием сердца.

Смиттесон был мошенником, но он тоже коллекционировал кактусы! Представить только, что творилось бы у меня на душе, если бы мою оранжерею уничтожили столь варварским образом!

— Кому они нужны? — удивился инженер, совсем как та хорошенькая цветочница. — Там, наверно, и остались.

— Хм… Надеюсь, наведаться туда не возбраняется?

— Нет, конечно. Только не на ночь глядя, там стекла полным-

полно, а уже темнеет. Этак и изрезаться недолго. Ребятишки как-то там играли, так один руку пропорол до кости, когда на осколки упал, доктор еле-еле ему руку спас!

— Да, пожалуй, лучше съезжу туда поутру, — кивнул я.

И правда, чем еще заняться? Сперва я думал напроситься на прием к губернатору, но отринул эту идею. Что я ему могу сказать? Намекнуть, что знаю о дельце Варгаса и Смиттесона, перешедшем в руки Санчеса? А доказательства? Смиттесон далеко, Варгас будет отпираться — ему здесь еще жить и растить детей, так что против властей он не пойдет, не тот характер. Другое дело, если бы ему вовсе нечего было терять, но и то сомневаюсь, чтобы он открыто сознался в содеянном! Одно дело слухи, другое — прилюдное признание, после такого уже не отмоешься…

Словом, у губернатора мне делать было нечего. Объясню ситуацию консулу, пускай сам разбирается с Санчесом, задействует рычаги власти и все в этом роде, ему лучше знать, как это делается. Причину народных волнений я установил, этого, по-моему, вполне достаточно!

Ну а пока я дожидаюсь обоза (хочется все же взглянуть на этого таинственного Стрелка хотя бы издали!), можно наведаться на развалины гасиенды Смиттесона. Вдруг какой-нибудь из его питомцев выжил?

— Доброй ночи, синьор, — прервал мои рассуждения Атль, коснулся полей шляпы и повернул направо.

— Доброй ночи, — отозвался я и отправился в гостиницу.

***

Наутро выяснилось, что инженер оказался прав: Диего, принесший мне выстиранные и отутюженные рубашки, а также горячую воду для бритья, сообщил, что слуги шушукаются, мол, приезжий гринго (то есть я) не просто гринго, а великий белый шаман. На мой вопрос, с чего они это взяли, Диего ответил, что еще с раннего утра доктор Алонсо самолично объехал пациентов в городе и разослал мальчишек по окрестностям, чтобы предупредить людей — нынешняя напасть вовсе не малярия, а зараза похуже, и бороться с ней надо иначе, а еще нужны меры предосторожности. Ну и, как честный человек, сказал кому-то (а тот другому, третьему, дальше уж слуги разнесли по всему городу), что надоумил его приезжий гринго, синьор Гонсалес с семейством и инженер Атль тому свидетели! А сам Атль тоже не молчал, потому что, не успел я позавтракать, как Диего принес свежую сплетню: вокруг поговаривают, что все несчастья от водохранилища, и надо его изничтожить. Только не сходу, потому что так до беды недалеко, надо понемногу спускать воду, а потом

уж разбирать плотину. Да разве же губернатор даст разрешение?!

В общем, Кампочита бурлила, но, я бы сказал, это бурление можно было сравнить не с перегретым паровым котлом, который вот-вот не выдержит давления пара и взорвется, а с кастрюлей, в которой кипит вкусное варево. Пока это еще только кипяток да ингредиенты, но когда они сварятся, получится хороший суп. В смысле, подходящее решение. Во всяком случае, хотелось на это надеяться!

Покончив с завтраком, я решил, что хватит мучиться по такой жаре в костюме, и послал Диего за одеждой. Через четверть часа он вернулся вместе с портным. За портным двое подмастерьев волокли груды разноцветных рубашек, расшитых жилеток, роскошных штанов для верховой езды… Хорошо еще, сапоги у меня были свои. Но и то я не удержался и купил новые, когда следом за портным заявился сапожник.

Выглядел я в местном наряде крайне колоритно, особенно когда залихватски повязал на шею алый платок и надел сомбреро. Поглядев на себя в зеркало, я решил "Гулять так гулять!" и вставил карий глаз вместо голубого. Если меня тут сочли шаманом, пусть убедятся воочию, что были правы!

Кажется, своим появлением я произвел фурор. Какая-то пожилая служанка выронила корзину с покупками (спасибо, не с яйцами), точильщик чуть не чиркнул по точильному кругу пальцем вместо ножа, словом, много кто провожал меня взглядом. В особенности мне льстило внимание юных синьорит и молодых синьор. Хотя и служаночки попадались очень даже хорошенькие…

Тут я подумал, что мне не хватает усов, чтобы молодцевато их подкручивать, косясь на южных красавиц карим глазом, ухмыльнулся и поехал дальше. Диего, которому от моих щедрот тоже перепал новый костюм, следовал за мной. Ему тоже доставались заинтересованные девичьи взгляды, и то сказать: слуга при таком важном синьоре — это не какой-то голодранец!

Уже на выезде из городка я повстречался с синьором Гонсалесом в сопровождении небольшого отряда. Был он в форме, должно быть, направлялся в участок или в ратушу. Мы вежливо раскланялись, и он, проморгавшись при виде моих глаз, спросил:

— Решили прогуляться, синьор?

— Да, пока еще не слишком жарко, — ответил я. — Не помню, упоминал ли я, но у меня точно такое же хобби, как у недоброй памяти Смиттесона — я, видите ли, коллекционирую кактусы.

Гонсалес посмотрел на меня с явным недоверием.

— Вон, полная пустыня этих колючек, — кивнул он.

— Это опунции и цереусы, ничего интересного, — посетовал я. — Но, будем надеяться, мне удастся отыскать какую-нибудь редкость!

— Удачи, — не без иронии пожелал Гонсалес. — Оружие при вас, я надеюсь? Будьте осторожнее: Стрелка вчера видели в окрестностях Кампочиты. Видно, примеривается, где ловчее напасть на обоз.

— А уже известно, когда он отправится?

— Конечно. Завтра рано поутру. Сами понимаете, — он усмехнулся, — слухом земля полнится!

— Ясно, — вздохнул я. Да уж, слухи тут разлетались мгновенно. — В таком случае, до завтра, синьор!

— Увидимся, — ответил Гонсалес и поехал прочь. Вооруженные полицейские направились за ним.

— Эх, вот так конь у него! — вздохнул Диего, проводив его взглядом. — Конюхи сказали, синьор Гонсалес выписал его чуть ли не из Андалузии! Правда, хорош, синьор?

— Да, редкой красоты животное, — согласился я.

Под седлом у Гонсалеса был вороной жеребец, похоже, в самом деле андалузской породы: очень уж характерный у него был силуэт. Я не слишком хорошо разбираюсь в лошадях, но у лорда Блумберри имелся гнедой андалузец, а общаясь с этим в высшей степени достойным господином, трудно не запомнить хоть что-то из его историй о лошадях! Словом, вороной Гонсалеса, судя по компактности корпуса, широкой груди, чуть приподнятому крупу, коротковатой на первый взгляд шее, роскошной гриве и хвосту, особой грации движений, свойственной испанским лошадям, был если не чистокровным, так уж полукровным точно.

— Ваш тоже неплох, — утешил Диего. — Но, конечно, породу сразу видать… У синьора Гонсалеса на конюшне лошади как на подбор, редкой красоты!

— Ну, мне не в параде участвовать, — хмыкнул я и потрепал серого мерина по шее. — Едем! Не то возвращаться будем по самой жаре…

До бывшей гасиенды Смиттесона мы добрались довольно быстро: этот ушлый тип устроился совсем рядом с Кампочитой.

Оставив Диего с животными, я отправился бродить по когда-то роскошному, а теперь совсем выгоревшему саду. Должно быть, тут цвели розы, георгины и бархатцы, радовали взгляд яркими красками пуансеттия и космея, особенно красивые на фоне самшитовой живой изгороди… Увы, выжили лишь опунции! Декоративный прудик высох, и только емкости на дне говорили о том, что когда-то в нем обитали водные растения. Может быть,

кувшинки, может, что-то еще…

Печальное это было зрелище! Ну а при виде того, что осталось от теплиц, сердце мое буквально облилось кровью…

Еще недавно прекрасные сооружения — Смиттесон отстроил оранжереи с размахом, который мне и не снился! — превратились в обломки рам и каркасов, перемешанных с грудами битого стекла, которые нестерпимо сверкали на солнце. Я прошелся по тропинке, что шла посредине самой большой оранжереи — стекло хрустело под ногами, — но не нашел ничего, только расшвырянные битые горшки и мумифицировавшиеся растения. Даже стойкие суккуленты не выдержали долгой засухи, вдобавок зимой тут довольно холодно, а не все из них переносят перепады температур… Одним словом, это было гигантское кладбище, и мне оставалось только снять шляпу и вознести молитву священному солнечному кактусу и прочим богам-кактусам, чтобы позаботились о погибших и поместили их в небесный сад, где всем достанет и света, и тени, и тепла, и влаги, каждому по потребностям…

Поняв, что замечтался, а солнце пригревает мне макушку, я нахлобучил сомбреро и поплелся обратно, отшвыривая с дорожки мыском сапога крупные осколки стекла. Вдруг один из них блеснул на солнце особенно ярко, чуть не ослепив меня. Я присмотрелся — мне почудилось что-то красное в куче черепков.

Я не поленился подойти поближе и…

— Вот ты какой, цветочек аленький! — выговорил я с искренним восторгом и принялся разбрасывать мусор.

Чудо, но под завалами черепков маленький кактус — это была Parodia nivosa, вся в нежных белых колючках, правда что "снежная"! — не только выжил, но даже и расцвел, должно быть, из последних сил. Спасло его, по всей видимости, то, что горшочек упал набок, но не разбился совсем, а сверху его засыпало черепками, которые худо-бедно прикрывали несчастное растение от палящего солнца.

— Ну, будем считать, что я проехался не зря, — сказал я вслух, осторожно поднимая добычу. Красный цветок согласно покивал в ответ.

Я на всякий случай еще прошелся вокруг, вороша осколки и прочий мусор, но ничего больше не нашел. Пародия снежная оказалась единственной выжившей…

В гостиницу я возвращался с триумфом и кактусом, прижатым к груди. (От горшка пришлось избавиться: под ним оказался муравейник, в грунте кусачих злющих муравьев тоже было предостаточно. Чудо, что они не уничтожили несчастную малютку Николь — так я решил назвать новообретенный кактус.)

Теперь меня провожали еще более долгими взглядами и, по-моему, шушукались у меня за спиной: мол, и кактус этого гринго не колет, и видит он невидимое, и умеет разговаривать с растениями и животными. Чувствую, еще немного, и окажется, что я — это бог-кактус во плоти. Впрочем, я ничего не имел против.

По пути я купил у горшечника подходящую тару, послал Диего набрать земли с клумбы во внутреннем дворике гостиницы (пока придется обойтись ею, но это лучше, чем ничего) и обустроил Николь со всем возможным комфортом. Конечно, это была далеко не оранжерея, но мне показалось, что кактус заметно воспрянул духом. Теперь нужно доставить Николь домой в целости и сохранности — не уверен, что морской воздух и сквозняки полезны для такого нежного, пусть и стойкого создания. Бедняжка и так-то истощена до предела, а еще этакая встряска… Ну, будем надеяться, обойдется!

Не знаю, что уж там наплел Диего хозяину гостиницы, но тот смотрел на меня с некоторой опаской (но и уважением тоже), тайком крестился, а вечером самолично принес мне ужин и как бы между делом, поглядывая на Николь, осведомился, правду ли говорят, будто синьор, то есть я — шаман. "В некотором роде", — расплывчато ответил я и погладил кактус. Видя, что он в самом деле меня не колет, хозяин уважительно вздохнул. Потом перевел взгляд на горшок, на котором я нарисовал руну тейваз, чтобы придать Николь сил в борьбе за жизнь (вообще-то полагалось в таких случаях применять беркану, но я счел, что для такой смелой крошки нужно что-нибудь поэнергичнее), и непроизвольно перекрестился. Затем посмотрел мне в глаза, один из которых с утра был карим, а теперь сделался зеленым, снова перекрестился и улетучился, бормоча что-то о Деве Марии, заступнице…

"Интересный эффект! — подумал я. — Главное, чтобы меня считали добрым шаманом, а не вредителем каким-нибудь, а то так вот устроят аутодафе! Привяжут к цереусу побольше да запалят…"

Поскольку свести подобного рода знакомство с кактусом выдающихся размеров мне уже довелось, доводить до повторения мне не хотелось, поэтому я постановил вести себя поскромнее. Как же! Будто мне это позволили!

Этим же вечером Диего постучался ко мне (я как раз изучал карту округи) и пристыженным шепотом сообщил, что обо мне говорит весь город, и тут вот одна несчастная вдова хочет получить от белого шамана благословение. Я схватился за голову, но деваться мне было некуда…

Вдова, против ожидания, оказалась не сморщенной старухой (мексиканки очень хороши в юности, но с годами или превращаются в пышных матрон, или высыхают), а миловидной женщиной не старше тридцати. Беда у нее была обычная для здешних мест: буквально две недели назад муж ее погиб в шахте под обвалом. Женаты они были уже несколько лет, но прижили только дочку, и та все время болела. Так вот, бедная Карменсита заклинала меня святым Христофором (я уже понял, что ко мне намертво приклеился образ странствующего целителя и защитника несправедливо обиженных, но не возражал), чтобы я даровал ей сына. А что такого, муж был дома аккурат перед несчастьем, так что… "Чудеса ведь случаются!" — горячо произнесла она и покосилась на кактус.

Я тяжело вздохнул, налил Карменсите глоток кактусовки и запер дверь. Чего от меня ожидают, было ясно как день, поэтому… пришлось соответствовать почетному званию шамана… А там уж — мальчик, девочка, это как получится!

По счастью, прелестная вдовица убралась еще до рассвета, чтобы никто ее не увидел (хотя наверняка все знали, куда и зачем она подалась). Впрочем, мне все равно пора было вставать, чтобы вовремя присоединиться к обозу.

Я нагнал его уже за пределами Кампочиты. Обоз двигался небыстро: мулы с трудом тянули нагруженные провиантом и бревнами для крепи повозки.

— Я уж решил, что вы передумали, — встретил меня Гонсалес. Он был без формы, в такой же одежде, как у прочих охранников, верхом на невзрачном гнедом коньке.

— Ну что вы, просто отвык вставать в такую рань, — ответил я. — А что это вы изменили вашему вороному красавцу, синьор?

— Слишком приметен, его вся округа знает, — усмехнулся он. — Если Стрелок заметит его в обозе, сразу смекнет, что всадник — это я собственной персоной, и тогда вся охота насмарку. Ну да ничего, этот малыш, хоть и невзрачен, но даст фору и породистому коню! А уж вынослив — другим и не снилось…

— Местная порода? — решил я поддержать разговор, рассудив, что могу пересказывать какие-нибудь байки лорда Блумберри.

— Какая порода, о чем вы, — вздохнул Гонсалес. — Помесь невесть кого неведомо с кем. Для местной лошадки великоват, хотя следы породы вроде прослеживаются, но в нем явно больше от мустанга. А вы разбираетесь в лошадях?

— Немного, — сказал я и мысленно добавил "и вынужденно". — Один мой знакомый — заядлый лошадник, от

него я узнал много интересного. Сам-то я живу в городе, коня держать нет смысла. У меня другое увлечение, синьор.

— Да-да, я уже наслышан о вашем интересе к кактусам, — хмыкнул он. — Каюсь, сперва я решил, что это выдумка, но мне уже в красках описали, как вчера вы триумфально въехали в Кампочиту с кактусом в руках.

— Джентльмен имеет право на скромное хобби, — улыбнулся я в ответ, — даже если он служит… вы понимаете, где. Этот экземпляр я взял в оранжерее Смиттесона — он единственный выжил из всей коллекции, как это ни печально.

— Понятно. Но, боюсь, в наших краях вы и впрямь не найдете ничего интересного, — сказал Гонсалес. — Опунции, опунции, кругом опунции…

— Кто-то упомянул при мне про кактусовый лес, в котором якобы скрывается Стрелок, — припомнил я.

— А! Это там, — он махнул рукой в сторону гор. — На одном плато просто заросли этих опунций, агавы и каких-то колючек. Пройти там можно, но зачем? Агавы на текилу и поближе к городу предостаточно…

— То есть Стрелок может там прятаться?

— Думаете, мы не проверяли? Заросли густые, и если бы он протиснулся туда вместе с конем, это было бы заметно — там сломанная ветка, тут конский волос на колючке… А в волшебное слово, открывающее путь, я не верю, — сказал Гонсалес. — Мои люди прочесали эти заросли. Да, там есть заброшенные штольня, куда человек может зайти, не пригибаясь, но лошадь в них не поместится. Вдобавок конь всегда может выдать хозяина звуком: даже если он приучен вести себя тихо, не фыркать и не ржать, ему достаточно звякнуть удилами или, скажем, зацепить копытом камень.

— Ясно… — протянул я и замолчал.

До рудников было трое суток пути, прибыть мы должны были послезавтра на закате или, если не станем торопиться, утром четвертого дня. Торопиться явно не входило в планы Гонсалеса, поэтому сегодня лагерь разбили, едва только начало смеркаться, развели костры и принялись стряпать ужин. Воду для мулов и лошадей везли с собой в бочках — тут ее попросту не было, кругом расстилалась ровная, как стол, выжженная солнцем прерия. Ехали мы вдоль русла бывшей реки: от Инстабля остался едва заметный ручеек да несколько луж. Еще неделя жары — высохнут и они, а прохладнее тут станет только к осени…

Ночь прошла спокойно, хотя наутро караульные доложили, что вроде бы заметили всадника в отдалении. Он, впрочем, не приближался и не делал попыток атаковать, а следов не нашли.

Очень может быть, нашим сторожам это привиделось либо же они присочинили, тут такое в порядке вещей.

Я поглядывал по сторонам, но, поскольку не отдалялся от обоза, ничего интересного увидеть не мог. Только и оставалось, что разговаривать с Гонсалесом, с которым мы уже отбросили "синьоров", начали называть друг друга по имени и распили по стаканчику текилы за ужином.

— Как любопытно, — говорил он, раскуривая сигару, — вы любите кактусы, я — лошадей. Ваш английский знакомый тоже любит лошадей, и оба мы связаны с вами в том или ином роде… Кстати, кактусы тоже связаны с лошадьми, вы знали?

— Нет, как это? — удивился я.

— О! Есть такая легенда, — Гонсалес с удовольствием затянулся и выдохнул ароматный дым. — Не местная, но я слыхал ее от человека из Аргентины, с которым имел дело по поводу серебряных рудников…

— Хм?

— У меня доля в этом предприятии, и немалая, — правильно истолковал это междометие мой собеседник. — В старых рудниках, я имею в виду, с новыми я связываться не стал, как чувствовал, да и Рикардо отсоветовал. Правильно сделал, что послушал сына и Атля, не то сам оказался бы виноват в этом безобразии…

— А исправить его вы никак не можете? — спросил я.

— Кто же мне позволит? Мне что-то не хочется стравливать своих полицейских с губернаторской охраной — у него и людей, и оружия побольше, чем во всем моем управлении! И это не считая охраны рудников… А если вы предложите прихватить крестьян, то это, уж простите, курам на смех. Они не знают, как за револьвер-то взяться, да и где я найду столько оружия? Купить могу, но об этом живо пронюхают губернаторские соглядатаи… А я намерен еще пожить, — серьезно сказал Гонсалес. — Мой сын женился совсем недавно, и я хочу увидеть внуков.

— Почему вы так спокойно мне об этом рассказываете? Не боитесь, что я выдам вас губернатору?

— Не боюсь, — фыркнул он, — у меня чутье на людей. Вдобавок вы даже не сделали попытки встретиться с Санчесом, хотя уже за ужином узнали много интересного, не так ли? Этого ему было бы вполне достаточно… Но у вас явно другое задание, какое, спрашивать не буду, вы все равно не ответите. Но если вы сумеете сделать хоть что-то, чтобы вернуть реку в прежнее русло — и я говорю не столько об Инестабле, сколько о жизни в этих краях, — я сниму перед вами шляпу.

— Я постараюсь, Орландо, — кивнул я. — Хотя бы поставить

в известность заинтересованных лиц я могу. Но не будем о грустном! Вы, кажется, начали рассказывать о связи лошадей с кактусами?

— Ах да, — вспомнил он. — Тот мой деловой партнер рассказал мне одну легенду. Вы, быть может, слыхали, что в Аргентине разводят лошадей породы фалабелла?

— Не слыхал, — качнул я головой. — А чем они знамениты?

— Размерами, — ухмыльнулся Гонсалес. — Самый большой жеребец ростом не больше полутора футов в холке, а весит едва ли двадцать фунтов…

— А причем тут кактусы? — заинтересовался я, представив лошадку размером с собаку. Главное, не говорить о них лорду Блумберри, а то с него станется ввести новую моду в наших краях!

— Легенда гласит, что когда-то давным-давно табун диких лошадей угодил под обвал в горах и остался заперт в глубоком каньоне, из которого не было выхода, — зловещим тоном произнес Гонсалес. — Единственной их пищей были кактусы, но такой еды не хватало, и лошади всё мельчали и мельчали. Спустя много лет в этот каньон каким-то образом забрел фермер, обнаружил это диво и увел к себе, оттуда и пошла эта порода. Даже на нормальной пище лошадки не росли, так и рождались крохотными. Такая вот шутка природы.

— Как интересно! — воскликнул я, порадовавшись тому, что мои любимые кактусы помогли сохранить жизнь ни в чем не повинным животным. — Поразительная легенда, и я…

— Эт-то что еще такое? — перебил он меня, нахмурившись, и, пришпорив коня, подъехал к горстке крестьян с мотыгами. — Эй! Чем это вы заняты? Перепутали пустыню со своими полями?

— Нет, синьор, — отозвался один из них, сняв шляпу. — Мы копаем канавы.

— Зачем?!

— Синьор Атль сказал, что если пойдет вода, то Инстабль выйдет из берегов и зальет все вокруг. А потом эта земля умрет от подземной соли. Надо будет отвести воду в стороны, тогда она спокойно напитает землю, а соль ничего не отравит, — пояснил этот пожилой пеон. — А потом мы засыплем канавы и снова сможем выращивать овощи, как прежде.

— А почему вы так уверены, что вода появится? — нахмурился Гонсалес.

— Так сказал синьору Атлю белый шаман, а тому поведал об этом дух священного солнечного кактуса, — выдал пеон, а я поглубже надвинул шляпу, чтобы они не разглядели моей физиономии. — Простите, синьор, нужно копать. На полях дела

нет — всё сгорело, но мы еще надеемся на лучшее! До вечера нам надо встретиться с теми, кто копает от плато…

— Ну что ж, копайте, дело ваше, — несколько растерянно ответил тот и повернул коня. — Слыхали, Виктор?

— Да, — кивнул я, — но я ведь ничего подобного не говорил!

— Значит, сказал сам Атль и свалил на вас, — хмыкнул Гонсалес. — Это очень в его духе! Ну что ж, посмотрим, что из этого выйдет.

Я обернулся, посмотрел на голых до пояса пеонов, по лицам и телам которых ручьями лился пот, упорно долбивших мотыгами иссохшую землю, чтобы вырыть ирригационную канаву, и мысленно пожелал им удачи. Что, интересно, затеял инженер? Неужто впрямь хочет тайком пробить тоннель в старые штольни и спустить воду из водохранилища? Как знать!

День прошел спокойно, но сегодня всадника видели и мы с Гонсалесом. Правда, этот неизвестный маячил в отдалении, появлялся то справа, то слева, и разглядеть его не было никакой возможности: мы видели лишь черный силуэт, и Орландо ругательски ругался — мол, нужно было взять с собой бинокль! А с такого расстояния неизвестного не подстрелишь, да еще и неизвестно, Стрелок это или какой-нибудь случайный охотник.

— Если он собирается напасть, то наверняка сделает это завтра, незадолго до заката, как за ним водится, — сказал мне Орландо, когда вечером мы расположились у костра. — Плато с кактусами совсем недалеко, и если у Стрелка там убежище, то…

— Все же хотите поймать его на живца?

— Конечно… — Гонсалес закурил. В отсветах костра его лицо казалось бронзовым и неподвижным, как у древних индейских истуканов. — Я могу понять и принять его мотивы. Неважно, движет им месть за обиженную девушку или обида на несправедливость… могу, в самом деле. Но, Иисус, до чего же бездарно он действует!

— Вы еще скажите, что научите его уму-разуму, — поддел я.

— Может, и научу, — пробормотал он и умолк.

Утро выдалось ветреным. "Не к добру, — сказал мне шепотом Диего, — и вчера солнце в тучу садилось". Серый мой мерин прядал ушами и фыркал — ему не нравились клубы пыли, поднятые ветром. Впрочем, за повозками тоже тянулся пыльный след, и я предпочел ехать чуть поодаль, да еще и платок на нос натянул, чтобы не вдыхать пыль и песок. Эти платки вовсе не для красоты, как думают многие, у них чисто утилитарная цель — защищать лицо владельца. Ну или не давать опознать его, чем частенько пользуются грабители. (Забавно, в Европе чаще пользуются полумасками, закрывающими верхнюю часть лица, а

здесь в ходу платки, оставляющие на виду только глаза.)

— Синьоры, надо ехать скорее! — крикнул нам старший возничий. — Никак, гроза собирается, а впереди каньон! Надо бы пройти его поскорее!

— Какая гроза, побойся бога! — поморщился Гонсалес. — Разве что снова сухая…

Я взглянул на небо — в самом деле, сгущались тучи, и я даже расслышал далекий сдержанный рокот. В обозе кто-то негромко начал молиться богу огня и грозы Уракану, чтобы не прошел мимо и одарил землю дождем. Это, я знал, палка о двух концах: мимо он, быть может, и не пройдет, но если ветер усилится…

— Повозки в круг! — приказал Гонсалес, явно подумав о том же. — Лошадей и мулов в центр! Укрыться всем!..

Началась организованная суета, а я отъехал немного в сторону, чтобы не мешать.

— Глядите, синьор! — воскликнул Диего, следовавший за мной по пятам. — Вон там! Смотрите же!

Я пригляделся — солнце очень удачно зашло за тучу — и разглядел силуэт всадника. Тот, будто почувствовав мой взгляд, вздыбил коня и помчался к обозу.

— Орландо! — крикнул я, почуяв азарт. — Он здесь!

— Вижу! — отозвался Гонсалес, укрывшись за повозкой. — Не стреляйте, он нужен мне живым!

— Понял! — отозвался я и сделал вид, что не вижу никакого всадника, а жестом приказал Диего убраться подальше.

Выстрел, прозвучавший с противоположной стороны, заставил меня вздрогнуть.

— Стрелок! — закричал кто-то из обозников. — Вон он, синьоры, глядите!

Я развернулся: в самом деле, на фоне сумрачного неба на плато, поросшем опунциями, гарцевал еще один всадник на точно таком же вороном коне.

— Выходит, их двое… — пробормотал я, удерживая своего серого на месте. — Вот откуда сказки о том, что у Стрелка волшебный конь, мгновенно переносящий седока с одного места на другое… Но тут ты выдал себя, приятель! Диего, будь здесь!

— Понял, синьор, — ответил тот.

— Орландо! — я махнул рукой. — Я за тем, а вы…

— За другим! — азартно откликнулся Гонсалес, тоже понявший, в чем причина неуловимости Стрелка. Ясно: пока один отвлекал внимание, подельник успевал подобраться вплотную к обозу… — Н-но!..

Его гнедой взял с места в карьер. Да, конек был невзрачен с виду, но сейчас он, летящий во весь опор по прерии, напоминал

охотничью собаку, выкладывающуюся изо всех сил, чтобы нагнать дичь.

Я тоже пришпорил серого: он разгонялся медленно, это я уже понял, но был на редкость неутомим, как большинство местных, не привозных лошадей. Стрелок (или его копия) мелькал впереди, вороной конь мчался что есть духу, и мне почудилось что-то удивительно знакомое в его аллюре. Я не лошадник, но я достаточно наблюдателен, чтобы подметить подобное!

— Стой! — крикнул я, перекрывая посвист ветра, и выпалил в воздух. — Стой, именем закона!

Не знаю, откуда я это взял, но прозвучало грозно.

Будто в ответ на мои слова гром грянул над самой головой, и мой непривычный к такому конь шарахнулся, правда, сразу же выправился. Стрелку не повезло больше — его вороной заартачился, явно испугавшись, но потом снова помчался вперед. Однако разрыв между нами значительно сократился, и я уже различал спину Стрелка и его развевающийся плащ.

— Стой, кому говорят! — повторил я, правда, стрелять не стал, поскольку мрак так сгустился, что я запросто мог попасть во всадника, а не в белый свет…

Вместо меня выстрелили сами небеса: оглушительный раскат грома заставил моего серого осадить на полном скаку, вороной же Стрелка, истошно заржав, встал на дыбы. Мне прекрасно было видно, как тот пытается усмирить перепуганного коня: молния подпалила высохший цереус, и факел пустыни осветил всё чуть на милю вокруг.

Я пришпорил мерина, тот заартачился было, но я оказался упрямее, и он двинулся вперед, пусть и неохотно. А вот Стрелку повезло меньше: еще один раскат грома, и вроде бы успокоившийся вороной снова вздыбился, скинув всадника, и умчался прочь — я хорошо это видел, кактус пылал, будто путеводная звезда!

Тут уж я не упустил своего, снова пришпорил серого и в мгновение ока оказался возле Стрелка, который, кажется, запутался в собственном плаще.

— Вот ты и попался! — воскликнул я в духе дешевых романов, соскочил с коня и схватил беглеца за плечо, разворачивая к себе.

Стрелок слабо вскрикнул и попытался закрыться руками, но тщетно: шляпа свалилась с его головы, по плечам рассыпались густые кудри, а глаза, сверкавшие сквозь прорези маски, я видел совсем недавно!

— Синьора Коронадо?! — выговорил я, сдернув с ее лица эту тряпку. — Вы?! Но как…

Вместо ответа невестка Гонсалеса поступила, как большинство женщин в сложной ситуации — разрыдалась, пряча лицо в ладонях. Я вздохнул и стал пережидать, прислушиваясь — кажется, в отдалении раздавались выстрелы. Я искренне надеялся, что Гонсалес сдержит свое слово и постарается взять Стрелка живым, иначе…

— Второй Стрелок — это ваш муж, верно? — спросил я, когда всхлипы Алехандры сделались пореже. Она кивнула. — Бог мой, но как вы додумались до подобного?!

— Это всё Рикардо… — судорожно вздохнула она, утерев слезы платком, который я машинально ей подал, а дальше слова полились рекой. — Он сильный и храбрый, но он очень молод и никак не мог убедить отца и прочих, что нужно действовать, что мы должны защитить людей! Никакое серебро не стоит стольких жизней! Но его не слушали, и тогда я вспомнила легенду о мстителе, мне рассказывала ее кормилица…

— И Рикардо сделался Стрелком?

— Да. Сперва в одиночку. Ну а потом мы решили — лучше, если все поверят в потустороннюю природу Стрелка… Рикардо появлялся с одной стороны, я с другой… — Алехандра снова всхлипнула. — Я хорошо езжу верхом, а со стороны могу показаться юношей, и нам удавалось морочить людей…

— Но эти ваши грабежи и поджоги…

— Я не хотела, клянусь! — она прижала руки к груди. — Но как иначе было привлечь внимание властей? Грабежи — это чушь, мы же никого не убили, а это заставило людей заговорить о беде! Губернатор богател, а простые люди только голодали и болели! Разве это справедливо? Мы должны были что-то сделать, чтобы их защитить!

— Ясно… — Я помолчал. — А кони? Одинаковые вороные кони?

— У синьора Гонсалеса их несколько, — Алехандра шмыгнула носом. — Мы с Рикардо просто говорили, что едем на конную прогулку, вот и все! Обычно я ездила на Кальме, но она захромала. Мы уж думали, что ничего не выйдет, что Рикардо придется ехать одному, но синьор Родригес оставил своего Ниньо на конюшне, и я подумала, что совладаю с ним, он хорошо вышколен, только молнии испугался…

— То есть вы знали, что ваш свекор будет в обозе?

— Конечно. Мы оба знали, ведь он обсуждал дела при Рикардо, да и меня не стеснялся — что может понимать в подобном девушка моих лет!

Алехандра сверкнула глазами, и я тяжело вздохнул.

— Едем обратно, — сказал я и поднял ее на ноги. — Мой

серый свезет двоих, а Ниньо, думаю, вернется сам, когда поутихнет буря…

— Ах! — воскликнула она.

— Что такое?

— Глядите, синьор! — Алехандра показывала мне ладонь. — Глядите, это же… это же дождь, вы что, не видите?! Дождь пошел! Значит, вы и вправду шаман и наколдовали его?! Ах, синьор!..

С этими словами она кинулась мне на шею, а я тяжело вздохнул. И зачем мне такая слава?

Будто в ответ на мои мысли высоко в темных тучах грянул гром, а ближние горы отозвались тяжелым гулом.

— Едем скорее, — сказал я, заподозрив неладное, и закинул девушку в седло серого.

К лагерю мы добрались уже под проливным дождем, не спасали ни шляпы, ни плащи.

— С добычей, Виктор?! — прокричал сквозь шум дождя Гонсалес. Он держал за шиворот мокрого насквозь и порядком исцарапанного сына. Должно быть, тот пытался укрыться в кактусовом лесу, а может, просто столкнулся с опунцией.

— Да, получите, — ответил я и ссадил Алехандру наземь. Она сразу кинулась к мужу. — Ниньо удрал, ну да вернется, я думаю…

— Куда он денется… — проворчал он и встряхнул Рикардо. — У, щенок! Я с тобой еще побеседую, дай только до дому добраться!

— Синьор, лучше бы нам подняться повыше, — встрял кто-то из обоза. — Слышите?

Далекий гул нарастал, его было слышно даже за шумом дождя.

— Это же у плотины! — очнулся вдруг Рикардо. — Дождь идет из-за гор, река переполнится, и если прорвет плотину… Отец, бросайте повозки, уводите людей на плато! Я покажу, где проход через заросли!

— Э, нет, — остановил я, поняв замысел инженера Атля. — Туда нельзя. Там ведь старые штольни, верно? Вот оттуда вода и хлынет, и нечего там делать! Давайте просто поднимемся на тот холм, там вода нас не достанет…

"Точно, шаман", — услышал я шепотки, когда возницы погнали мулов на возвышенность. Повозки, ясно дело, не бросили, все-таки вода и провизия лишними не бывают.

— Два идиота, говорил же, выбирай жену по уму, а не по сердцу, — отчитывал сына Гонсалес.

— Отец, я и выбрал по уму, — оправдывался тот, а Алехандра истово кивала, — ну а сердцу не прикажешь. Прости, но я не мог

поступить иначе… Я должен был что-то сделать, я на все был готов, лишь бы спасти людей, а вы притворялись, будто ничего не замечаете, и… Ах, как вам объяснить?!

— Ну почему у меня только один сын? — вопросил Гонсалес у темных туч. — Было бы хоть двое, этого я мог бы убить… Нет, мучайся теперь с таким наследничком!

— Орландо, они ведь в самом деле болели душой за людей, которым нечего есть, — напомнил я. — Полно вам злиться…

— Я не злюсь, — шепотом ответил он, — это для публики. А так… я думал, сын у меня вовсе размазня, а он — ишь ты! — народным мстителем сделался! С женушкой на пару…

— Муж и жена — одна сатана, так у нас говорят, — ввернул я.

И про себя добавил: "А мужество пола не имеет!"

— Вот-вот, очень им подходит! А еще…

Договорить он не успел: откуда-то спереди раздался странный звук, будто треснул глиняный горшок в печи у великана, а потом послышался сдержанный гул.

— Водохранилище… — проговорил Гонсалес и сглотнул. — Должно быть, с гор пошла вода, и плотина все-таки не выдержала…

— Может, часть сойдет через штольни, — сказал я. — Я слышал отдаленный грохот, может, это взрывали перемычки? Атль говорил об этом.

— Не знаю, но лучше нам никуда отсюда не трогаться, пока не станет ясно, в чем дело. — Он посмотрел на сына и мрачно произнес: — Поди переодень жену, пока не простыла! Живо, в фургон оба!

Я подождал, пока они не отойдут, посмотрел на Гонсалеса (под полями сомбреро удобно курить даже под проливным дождем) и спросил:

— Вы же догадывались, кто таков Стрелок, верно?

— Конечно, — ответил он. — Это было легко проверить, я ведь частенько говорю за столом о делах, а Рикардо все слышит и запоминает… Я не ожидал лишь участия Алехандры! Ну да что ж, два сапога — пара… Я горжусь сыном, Виктор. Пусть он еще наивен, пусть думает о глупых идеалах и порой делает ошибки, но в его груди бьется горячее сердце настоящего мужчины!

— Он сделал, что хотел, — улыбнулся я. — Все заметили проблему, не так ли? Даже те, кто об этом и думать не хотел. Вот только как быть с нанесенным ущербом? Сгоревшая мануфактура, разграбленные обозы… Но обозы еще ладно, в конце концов, провиант достался людям, а вот пожар…

— Я компенсирую убытки, — сказал Гонсалес, нахмурившись,

и пожевал сигару. — Вернее, сын с женой компенсируют. У нее есть приданое, он тоже не безрукий, да и один из дядьев завещал ему капиталец. Хотел стать инженером — пускай помогает строить новую мануфактуру. Сразу все вернуть не выйдет, слишком уж будет бросаться в глаза, но участие в восстановлении уничтоженного мы примем, и самое деятельное, обещаю! Что до провианта… Ну, пусть это будет гуманитарной помощью голодающим.

— Понятно, — кивнул я. — А как быть со Стрелком? Вообще-то его нужно судить.

— Вы всерьез полагаете, что я отдам единственного сына под суд? — вскинул бровь Гонсалес. — Это не Европа, Виктор. Такие дела решаются… хм… в узком кругу.

— И что, полагаете, никто из очевидцев не проговорится? — усмехнулся я.

— Конечно, нет, — фыркнул он. — За своих людей я ручаюсь. Возницы тоже промолчат, я им хорошо заплачу. А если кто-то что-то и сболтнет, то… Сын решил пошутить надо мной, и едва не поплатился жизнью — я метко стреляю. Только и всего. Ну а настоящий Стрелок растворился в дожде, он все-таки не человек, как вы помните…

— Интересные у вас понятия о правосудии, — пробормотал я.

— Да. Могу еще выпороть Рикардо на конюшне, хотя он для этого уже слишком взрослый.

Тяжелый удар, от которого содрогнулась земля, заставил нас вздрогнуть.

— Плотина… — пробормотал Гонсалес, чуть не проглотив сигару. — Не выдержала…

Я же смотрел вдаль, туда, где с кактусового плато изливались водопады мутной грязной воды — уже завтра она уйдет в землю, а грязь с тиной станут питательной почвой для новых поколений кактусов. Большая же часть утечет по канавам, прорытым пеонами… Остатки уйдут через развалины плотины — разрозненные, одинокие струи, которые снова сольются в Инстабль, каким он был прежде. Лишь бы обошлось без человеческих жертв!

О том, что погиб только один человек — новый управляющий, — мы узнали только на третьи сутки непрекращающегося дождя, когда рискнули все же поехать на разведку. Обоз оставили на холме: припасов было полно, воды тоже, двигаться с места не имело смысла.

Инженер Атль сидел на громадном валуне, курил и с огромным удовольствием глядел, как вода обтекает разбросанные камни.

— Все живы, — проинформировал он. — Я услышал неладное и отвел людей подальше. Только Мигель, ну, управляющий, заартачился. Не силой же я его потащу? — Атль затянулся неизменной трубкой и добавил. — Инстабль принял его жертву.

— Уго, сознайтесь, взрывы в заброшенных штольнях — ваших рук дело? — спросил Гонсалес, оглядываясь по сторонам.

Долина представляла собой удручающее зрелище: залитая жидкой грязью и глиной, из которой лишь кое-где виднелись останки домов, черно-бурая, размокшая, блестящая от влаги, а уж какой тут стоял запах… Воды Инстабля постепенно пробивали себе новое русло в этой клоаке и уносили на равнину грязь и тину, и даже камни, что помельче. Дождь прекращаться не собирался, то приостанавливаясь, то припуская с новой силой, и с гор то и дело накатывались новые водяные валы. По моим прикидкам, еще два-три дня, и долина очистится если не полностью, так наполовину уж точно. Ну а дальше зарастет зеленью, в здешних краях это недолго, если есть вода…

— Конечно, чьих же еще? — невозмутимо ответил тот. — Я давно заложил там заряды, еще когда плотину только начали строить. Главное было следить, чтобы порох не отсырел, ну да это несложно. Потом оставалось только увести людей да подпалить шнур.

— И где вы взяли столько динамита и пороха? — допытывался Гонсалес.

— Списал, — фыркнул Атль. — Бедняга Мигель, царствие ему небесное, мало что смыслил в горнопроходческой работе. Я завысил расход взрывчатки в отчетах, вот и все. Сказал, что порода очень плотная. То же и с порохом. Вдобавок, его неправильно хранили, вот он и отсырел, такая незадача! А если умеючи, синьор, то много-то и не нужно. Говорю же, я умею слышать горы и знаю, где слабое место…

— Уго, я вас не арестую только потому, что вы спасли всю округу, — серьезно сказал Гонсалес.

— А что я такого сделал, за что нужно меня арестовывать? — удивленно спросил инженер. — Я просто спустил воду, чтобы выдержала плотина: у нее ведь не было предусмотрено аварийного сброса, хотя я предупреждал! Увы, построили ее совсем скверно, запаса прочности все едино не хватило.

— Ладно, будем считать, что вода сама пошла в штольни, а перемычки не выдержали ее напора, — вздохнул Гонсалес, снял шляпу, слил воду с полей и снова надел ее. — С рудниками что?

— С рудниками порядок, — ответил Атль. — Новые слегка подтопило, потому как меня не слушали…

— А вы предупреждали, — закончил тот. — Надеюсь, их

можно осушить?

— Конечно. Только, синьор, в этот раз хорошо бы сделать так, чтобы работники слушались старого Атля, а не приезжего управляющего. Эти горы, — инженер указал на них трубкой, — не такие, как в других местах. Я тут вырос, как и мои предки, я их знаю, а чужакам многое невдомек…

— Я думаю, этот вопрос мы решим, — кивнул Гонсалес. — Вы останетесь тут или поедете с нами? Кстати, а где все рабочие?

— Я отправил их по домам, — ответил инженер. — Что им тут делать? Купаться в грязи? Так они не свиньи. Пускай лучше приведут свои поля в порядок, до осени еще можно успеть вырастить кое-что!

— Вас послушать, Уго, так это вас нужно ставить губернатором, — фыркнул тот.

— Нет, не стоит, — сказал Атль невозмутимо. — Слишком хлопотная должность. Приёмы, званые обеды… Я человек простой, я привык работать руками и головой. А губернатор пускай себе на балах сияет, лишь бы не лез не в свое дело.

— Разумный подход, — вставил я.

— Вполне. Губернатор Диас его и придерживался, — сказал инженер. — Потому и делалось при нем все по уму, а не так, как левой пятке его превосходительства захотелось.

— Осталось донести эту мысль до Санчеса, — протянул Гонсалес. — Так вы остаетесь, Уго?

— Да. Надо еще присмотреть кое за чем, — отозвался тот. — Сам доберусь, уж за меня не переживайте.

Мы отправились обратно, а я все оглядывался на Атля — он так и сидел, скрестив ноги, на большом валуне над бурным потоком под проливным дождем, курил и глядел вдаль. Потом стало возможно различить только его яркое пончо, ну а затем и это красное пятнышко пропало из виду.

— Спасибо, до герильи не дошло, — проворчал Гонсалес. — А так, даст бог, все наладится… Вернемся в Кампочиту, закажу мессу и поставлю сотню свечей святому Христофору. И прикажу выстроить часовню в его честь.

Я предпочел промолчать, не то с него сталось бы пообещать назвать внука Виктором! Или Христофором. Жалко ведь ребенка!

***

Месяц спустя я поднимался по трапу парохода — "Атлантик", брат-близнец "Океаника", отправлялся в рейс. Носильщики таскали по сходням бочонки с отменной кактусовкой и текилой, а матросы поглядывали на меня с невольным уважением. Но раз уж я оказался в этих краях, грех не пополнить запасы, тем более, я мог продегустировать напитки лично: слухи, повторюсь, тут

распространялись мгновенно, и всякий рад был угостить белого шамана самым лучшим! Однажды я так надегустировался, что взялся предсказывать будущее всем присутствующим и напророчил им столько хорошего, что меня пытались качать. Спасибо, верный Диего отбил меня у благодарной публики и силой увел спать, а по пути сообщил, что Карменсита, ну, та вдова, вторую неделю ничего не ест и страдает тошнотой, но это точно не лихорадка, жара у нее нет, как сказал доктор Алонсо. От такой новости я даже протрезвел и наутро принялся собираться в дорогу.

По правде говоря, я не отказался бы задержаться подольше, но выдерживать местное гостеприимство было не так-то легко, я ведь уже не мальчик! И так уже… хм… благословил во имя святого Христофора не одну безутешную вдову (и сдается мне, минимум половина из них вдовами вовсе не были).

Днем же нужно было заниматься делами: разбираться с наследством Хуаниты, приводить в порядок бумаги… Гонсалес порекомендовал управляющего, на которого можно было положиться, и я с радостью ухватился за его предложение: он-то знал местных куда лучше и мог наверняка сказать, кто нечист на руку. Ну а Диего я определил сторожем на гасиенду. Я оставил ему мула и серого коня, а при такой должности он из босяка сделался завидным женихом, за что неустанно меня благодарил.

Тепло распрощавшись со всеми знакомыми, смутно знакомыми и вовсе не знакомыми обитателями Кампочиты, я нанес прощальный визит Гонсалесу, у которого застал все то же общество: Рикардо с Алехандрой, доктора Алонсо с супругой и инженера Атля с неизменной трубкой.

— Уезжаете? — спросил Гонсалес после ужина.

— Да, мне пора. Служба, сами понимаете, — вздохнул я. Посмотреть бы, как расцветет прерия! Уже теперь она покрылась зеленью, но цветы только-только проглядывали.

— Конечно.

— Случаев заболевания стало меньше, как только сошла вода и долина подсохла, — вставил доктор. — Правда, несколько пациентов скончались, тех, что болели тяжелее прочих, в основном старики и дети. Другие идут на поправку. Ну да, правду сказать, и комарья стало куда меньше!

— Только губернатор в ярости, — подхватил Гонсалес, — экие убытки — несколько затопленных штолен, разрушенная плотина, просто беда… Да еще Варгас куда-то запропастился, а он ведь немало знает о делишках Санчеса!

Тут он хитро покосился на меня, но я сделал вид, будто не понимаю, о чем он. Варгас в самом деле удрал в Мехико, как и

собирался, это передала через Диего его служанка, неласковая Кончита. Должно быть, подальше от губернатора, хотя при желании тот сумеет разыскать Варгаса и там.

Что ж, будем считать, что губернатору тейваз выпала перевернутой — неудачи и предательства бывших соратников его преследовали. Впрочем, это было вполне справедливо — после всего, что он натворил с этой цветущей землей.

Я оставил свой адрес — вдруг кому-то захочется написать мне? — и распрощался. Инженер Атль, как и в прошлый раз, напросился со мной — нам было по пути.

— Приятно было познакомиться с вами, синьор, — сказал он, дымя неизменной трубкой, когда мы отъехали от гасиенды "Перла Негра". — Позвольте вручить вам подарок на прощанье?

— Буду признателен, — кивнул я, думая, что он вручит мне какой-нибудь сувенир или, может, индейский талисман.

Однако Атль, порывшись в седельной сумке, выудил оттуда жестянку из-под табака и вручил ее мне торжественным жестом.

Я с некоторой опаской принял дар и заглянул внутрь (с этого в высшей степени необычного человека сталось бы подарить мне змею!). Увидев, что таится в жестянке, я от неожиданности так стиснул бока серого коленями, что тот возмущенно заржал.

— Бог мой! — воскликнул я, переведя взгляд на Атля. — Откуда… откуда у вас это чудо?!

— Да так… — усмехнулся он, выбивая трубку. — Подобрал случайно. Как и вы свой аленький цветочек. Мне-то он без надобности, а вам, я вижу, пришелся по душе…

— Еще бы! — ответил я, любуясь кактусом своей мечты — еще совсем небольшим Alteya cannabis.

В горшочке грубой работы (как бы не самолепном) сидело маленькое, но соразмерное растение — целых девять стволиков расходились веером от основания, расширяющиеся в центре и заостренные у верхушки, в недлинных, изящных колючках. Это было само совершенство!

— Синьор Атль, это бесценный подарок, — искренне сказал я, налюбовавшись кактусом и бережно закрыв жестянку.

— Для вас — да, а для меня это просто колючка, — был ответ. — Такая же, как вон те опунции.

— Но вы все же подобрали ее!

— Я не привык бросать в беде живую тварь, будь то подстреленный койот или умирающее растение, — сказал он пресерьезно и посмотрел на меня в упор.

Тогда я решился и спросил наконец:

— Синьор, скажите… ведь вы не обычный человек, я прав?

— О чем это вы? — удивился он.

— О дожде. Если мне не изменяет память, ваша фамилия на местном индейском диалекте означает "вода", не так ли?

Признаться, я подстраховался и расспросил стариков в Кампочите, поскольку не был уверен, что верно запомнил это слово.

— Именно так, — усмехнулся он, и морщинки вокруг его глаз собрались в сложный узор.

— То есть дождь все-таки вызвали вы, — утвердительно сказал я. — И это вы — настоящий шаман!

— Пусть так, — спокойно согласился Атль, — что это меняет?

— В сущности, ничего, — пожал я плечами, — но я не могу понять, зачем вам понадобилось сваливать все эти чудеса на меня?!

— Ах, синьор Кин, — задумчиво произнес инженер, — посудите сами, кто поверит старому чудаку Атлю? Другое дело — великий белый шаман, победитель Многоглазого!

— Гхм… — поперхнулся я. — Это-то вы откуда взяли?

— Вижу, синьор, — улыбнулся он. — Думаете, старому Атлю полвека или около того? Нет, старому Атлю намного больше. И Многоглазого я хорошо знал. Ему, правда, хватало ума не соваться на эти земли и не трогать мой народ и тех, кто просил у меня защиты. Он заслужил свою смерть, и за это вам отдельное спасибо, синьор.

— И это вы тоже увидели? — спросил я, чувствуя, как по спине продирает мороз.

— Конечно, — был ответ. — Это просто, нужно просто знать, как смотреть и что искать. На вас отпечаток его смерти, у вас его сила и всевидящее око… Сила, синьор, но не умение. Шаманом просто так стать нельзя.

— Кажется, понимаю, — пробормотал я. — Я забрал его силу, его глаза, только учиться мне было не у кого…

— Хорошо, что вы это понимаете, синьор. Я удивлен, что вы сумели приспособить этот дар к своим способностям, — сделал мне Атль комплимент. — Убить шамана — пусть даже он получил по заслугам, — это не шутки. Многие шли этим путем, и им даже удавалось уничтожить физическую оболочку, если вы понимаете, о чем я… — Атль затянулся, выдохнул дым и продолжил: — Все они погибали, не в силах совладать с доставшейся силой, либо же начинали пользоваться ею направо и налево, не зная, что можно творить, а что запрещено богами, и так доводили себя до гибели. Ну что ж, — добавил он, помолчав, — Многоглазый сделал много зла, вы убили его, и справедливость восторжествовала. Так бывает всегда. Сила действия равна силе противодействия, учили меня в колледже, и это правда, даже когда речь идет не о

машинах, а о других силах…

— Я сам не помню, как выбрался оттуда. Видимо, мне просто очень хотелось жить, — вздохнул я.

— Быть может, — кивнул инженер, глядя на меня в упор непроницаемыми черными глазами.

— И я ничего такого не делал, — оправдывающимся тоном добавил я. — Так… гадаю иногда, ну и, в самом деле, иногда вижу странные вещи. А вы… не могли бы научить меня, что делать с этим? Ну, с даром или проклятием, как ни назови?

— Нет, синьор, — ответил Атль и усмехнулся. — У меня свои умения, у Многоглазого были свои. Я знаю, какие именно и как они работали, но учить кого-то не возьмусь. Это не моё.

— Ну, спасибо хоть на этом, — пробормотал я и поспешил сменить тему: — Синьор, но почему вы не могли вызвать дождь сами? Точно так же рухнула бы плотина, воду вы спустили бы по штольням…

— Ну да. И через пару месяцев все началось бы заново, — ответил он. — Я ждал нужного часа, знамения, если угодно, и дождался. Теперь для местных это не просто внезапная гроза в межсезонье, а дар небес, ваш дар, синьор.

— Но… как же вы?

— А я так, пособил маленько, в меру своих скромных сил и умений, — ухмыльнулся Атль. — Езжайте уж, синьор, время позднее. И не забывайте: дар Многоглазого в неумелых руках может быть очень опасен…

— Это я давно знаю, — невольно сглотнул я.

— А может быть и полезен, если вы не обратите его во зло, как сделал этот неудачник, — добавил инженер, посмеиваясь. — Времени у вас впереди много, еще разберетесь, как обращаться со своим наследством. Удачи, синьор! И да хранит вас святой Христофор!

— Спасибо… — пробормотал я и поехал прочь. Вот так дела!

Ну а дальше был визит к консулу, которому я подробно рассказал о том, что за история приключилась с новыми серебряными рудниками, плотиной, проектом гидроэлектростанции и почему. Консул Деррик выслушал меня со всем вниманием, посуровел и пообещал, что примет все возможные меры для укрощения деловых порывов губернатора Санчеса, благо связи в нужных кругах имеются, вдобавок, Варгас, который мог многое рассказать в обмен на безопасность семьи, оказался под рукой. Я же намекнул, что в случае неудачи народный мститель может и вернуться… Консул понял меня совершенно верно, поблагодарил, пообещал обращаться к Гонсалесу, буде понадобится, пожелал счастливого пути, и я

откланялся.

И вот, стоя на корме "Атлантика", я смотрел на голубеющие вдали горы и ностальгически думал о…

— Погодите! Стойте! Нас забыли! — услышал я вдруг и очнулся.

К отходящему пароходу изо всех сил спешила призрачная пара Хоггартов: она в новом платье и мантилье, а он почему-то в сомбреро.

На их счастье, какой-то баркас поспешил причалить, едва корма "Атлантика" отдалилась от берега, и по этому баркасу и пронеслись запыхавшиеся призраки.

— Что, думал от нас избавиться? — выдохнул Хоггарт, порылся в карманах, но ничего не нашел. Лиззи открыла сумочку, вынула фляжку и демонстративно глотнула, не предложив супругу.

Я решил ничему не удивляться и светски спросил:

— Откуда у вас сомбреро?

— А! Обыграл одного кабальеро в кости, — хмыкнул Хоггарт. — Ну, на кладбище. Ух, азартный попался! И всё на Лиззи заглядывался, вот, обновки подарил… Дай глотнуть!

— Тебе хватит, — отчеканила она и поправила мантилью. — Сэр, не правда ли, я так выгляжу намного привлекательнее?

— Да, вам очень идет, — подтвердил я, сдерживая неприличный смех. — Только отправляйтесь-ка в каюту, нечего тут маячить… И так вам даже слишком повезло, могли бы остаться тут навечно!

— А что, места красивые, люди добрые, — пожал плечами Хоггарт. — Хотя дома, конечно, оно привычнее…

— Хорошенького понемножку, — заключила Лиззи и сделала реверанс. — Спасибо, сэр, что позволили отправиться с вами. Я мечтала именно о таком свадебном путешествии!

— Рад был помочь, — улыбнулся я и снова уставился на удаляющийся берег.

Гм… Что там такое говорил Атль о том, что времени у меня еще предостаточно? Как бы лет через двадцать ко мне не заявился сын Карменситы или еще чей-нибудь (запоминал я их, что ли?), с них станется, они настырные. Взять хоть Хуаниту!

А с другой стороны, подумал я, разве это плохо? Так или иначе, но удалось избежать большой беды, а всякие мелочи не в счет!

С этой мыслью я поймал стюарда и велел передать бочонок текилы в дар капитану. Возвращение на родину надо отметить как следует!

И да поможет нам святой Христофор!

Тейваз — руна воина и справедливости. Символ смелости, твёрдости, мужества и чести. Она заставляет осознать свой долг перед другими, — особенно там, где общественный порядок каким-то образом нарушен. Эта руна связана с активными действиями, борьбой, войной — но оборонительной, защитой, а не нападением. Тейваз — руна защитников: Родины, семьи, идеи. Так же тейваз — одна из рун победы. В перевернутом положении тейваз олицетворяет собой охлаждение, неудачу в делах и неверность в любви и дружбе.

18. Беркана

18. Беркана

Берёза — покрыта зелеными листьями;
Локи принес удачу в обмане.
(Англо-саксонская руническая поэма)

Я стоял на палубе, любуясь морем и предвкушая скорое возвращение домой.

Как ни крути, а за последние годы я все же сделался изрядным домоседом. И пусть от очередного путешествия остались приятные впечатления (не говоря уж о кактусах, которые ныне обретались в моей каюте), я все же ужасно соскучился и по Блумтауну, и по тетушке Мейбл, и даже по моему беспутному кузену…

— Мистер Кин? — почтительно осведомились рядом.

— Да? — оглянулся я.

— Вам сообщение, — услужливый стюард чуть поклонился и протянул серебряный поднос с белеющим на нем листком.

Неужели дома что-то случилось? Или в Кампочите опять беспорядки?

Я взял листок телеграммы и пробежал его глазами.

"Отпуск. Срочно. Месяц. Д. Ларример"

"Приплыли!" — мрачно подумал я…

Увы, в действительности до порта назначения оставалось еще плыть и плыть — пару дней при хорошей погоде.

Признаюсь, в первый момент я не поверил. Шутка, глупый розыгрыш, не более!

Мое ответное послание тоже было кратким: "Что случилось? Кин", хотя ужасно хотелось поставить несколько вопросительных и восклицательных знаков.

Вдобавок, как выяснилось, расчет на два дня пути оказался слишком оптимистичным. Погода испортилась, пароход изрядно болтало, а свинцово-серые тучи нависали, казалось, над самой водой. Чуть позже начался дождь и поднялся шквальный ветер, так что капитан попросил пассажиров покинуть открытые палубы, а также извинился за то, что обед оставит желать лучшего. По такой погоде не могло быть и речи о том, чтобы доставить на "Атлантик" свежие сливки и клубнику!

Оставалось только скучать в салоне или у себя в каюте да

ждать новостей… Вскоре я получил ответ, он отличался крайней лаконичностью: "Знакомства объявлению. Д. Ларример"

Я прочел эту нелепицу и чуть не сел мимо стула. И что это должно означать?! Неужели Ларример на старости лет решил обзавестись собственным домом и детишками? Признаюсь, мысль эта казалась абсолютно бредовой — мой дворецкий, как и я, убежденный холостяк. Конечно, мало ли что в жизни бывает, но… что за спешка?

Нет, ерунда! Я с силой потер виски. Что за глупости приходят в голову! Ларример ведь не уволился, а всего лишь попросил отпуск на месяц! Едва ли он рассчитывал, что семейная жизнь окажется столь быстротечной. Тут крылось что-то иное, но что? Выяснить это с помощью телеграфа оказалось непросто…

"Когда? Срочность? Кин" — отстучал по моей указке телеграфист и почти тут же получил ответ. "Завтра. Важно. Д. Ларример" — гласил он, и я впервые пожалел, что давно бросил курить.

Кажется, мой дворецкий всерьез вознамерился немедленно умчаться в голубую даль! Но не мог же он оставить на произвол судьбы моих несчастных крошек?! Они останутся без присмотра — на два дня, а то и на все три, если шторм не уляжется! Мои бедняжки будут изнывать от голода и жажды, будут плакать от одиночества, а я ничего не могу с этим поделать!

Я встряхнул головой, изгоняя панические мысли.

"Кактусы?!" — возопил я при посредстве телеграфиста, который косился на меня с явным сочувствием. Должно быть, у меня был совсем дикий вид — от беспомощности хотелось ударить кулаком по переборке, и сдерживать чувства стоило немалых усилий.

"Мэри. Инструкции", — лаконично отозвался телеграф.

Судя по ответам Ларримера, настроен он был серьезно, и мне вряд ли удалось бы его отговорить.

Ах, как жаль, что с борта парохода нельзя просто позвонить на берег! Быть может, не ограниченный вынужденной телеграфной краткостью, я бы нашел нужные слова?

Мэри — девушка старательная, но у нее мало опыта ухода за кактусами! Что, если она станет слишком обильно их поливать? Или, скажем, позабудет вовремя закрыть окна? Я с ужасом представил своих красавцев, от неправильного ухода ставших дряблыми, морщинистыми или покрытых прозрачными пятнами…

В волнении я отправился в свою каюту. Сейчас мне как никогда был нужен совет, да и стаканчик горячительного не помешал бы…

Я распахнул дверь в свою каюту и остановился в удивлении. По комнате фланировал призрак, отчетливо различимый даже в хмуром дневном свете.

— Хоггарт, что вы тут делаете? — поинтересовался я, прикрыв дверь. Не хватало еще, чтобы меня услышали в коридоре!

— Прячусь, — буркнул он, отлетая в дальний угол. — Что, не видно?

— Хоггарт, — вздохнул я, ослабляя узел галстука. Мне как-то не хотелось вступать с ним в пререкания, хотя я мог бы сказать, что он действительно виден. — Это моя каюта. Я устал и хочу остаться один. Надеюсь, это понятно?

Конечно, прозвучало это не слишком вежливо, но иного обращения он не разумел, я давно это усвоил.

— А то что? — нагло спросил он, отлетая, впрочем, подальше.

Наплевав на призрака, я полез в тумбочку за коньяком, щедро плеснул в стакан и с удовольствием отпил.

— Ну ты, паря, хоть постеснялся бы! — возмутился Хоггарт, с завистью причмокнув. — Сам пьешь, а я должен любоваться?!

— Я вас не приглашал, — напомнил я и сделал еще глоток. У призрака дрогнул кадык, словно он сглотнул голодную слюну. — И вы, кажется, соскучились по Николь?

В самом начале обратного путешествия мне пришлось познакомить Хоггарта с Николь, как я окрестил отличный экземпляр Parodia nivosa, прихваченный мною из поездки в Кампочиту.

Белые колючки Николь оказали поистине волшебное действие на дурной характер призрака. Видимо, следует повторить дозу проверенного "лекарства".

— Не-е-ет! — провыл Хоггарт, отчего я едва не подавился коньяком. — Только не кактус! Только не это-о-о!

— Хм, — признаюсь, столь бурная реакция меня весьма удивила. — Хоггарт, что за концерт?

Разумеется, особой любви к моим питомцам вредный призрак не питал, однако и такой паники они до сих пор у него не вызывали.

Хоггарт насупился, скрестил руки на груди и отлетел в дальний угол.

— Ну же, не мнитесь, — поторопил я. Коньяк почти вернул мне утраченное душевное равновесие. По крайней мере, жизнь уже не казалась такой беспросветной, а будущее — нарисованным исключительно темными красками.

Призрак молчал, но из каюты не улетал.

Я вздохнул.

— Хоггарт, я же могу и у вашей супруги поинтересоваться… — прозрачно намекнул я.

— Не надо! — призрак взмыл к потолку, словно увлекаемый сильным порывом ветра.

— Хм, — снова повторил я, начиная смутно о чем-то догадываться. — Семейная размолвка? Прямо во время свадебного путешествия? Ну же, Хоггарт, рассказывайте. Или летите к жене и дайте мне отдохнуть.

— Ладно, — скандальный призрак поник и признался шепотом: — Да не, не ругались мы. Просто… того.

— Что — того? — поднял брови я и подбодрил себя еще глотком коньяку.

— Ну… Лиззи… Она женщина страстная…

Склочный и беспринципный призрак мялся и краснел (точнее, зеленел), как пансионерка.

— И что же? — подбодрил я. Обсуждать дам не совсем прилично, но в чисто мужском обществе допустимо.

— Вот она меня и… ну, того, привязала… и на кактусе! — выдавил сизо-зеленый от смущения Хоггарт.

В чем-то я его понимал — однажды мне тоже довелось… хм, свести с кактусом весьма близкое знакомство. Но Хоггарт был настолько забавен, что я, каюсь, расхохотался. Надо же, а с виду миссис Хоггарт — сама скромность! Впрочем, о ее бурном прошлом забывать не стоило.

— Ну чего ты ржешь, как конь! — обиделся призрак. — Лиззи у меня образованная. И читать горазда, и писать, и даже пансион почти закончила!

— Неужели подобному ее научили в пансионе? — не поверил я.

Если я не ошибаюсь, нравы во времена юности миссис Хоггарт были менее строгими, но не настолько же!

— Да не, — отмахнулся Хоггарт. — Она книжку в капитанской каюте нашла… Какого-то маркиза. Хотела, говорит, аристократическим манерам научиться. Только ты, парень, никому, понял?

— Клянусь! — торжественно пообещал я, подняв правую руку.

Действительно, кому я мог проболтаться о… хм, особенностях личной жизни призраков? Сама мысль, что они не чужды плотских радостей, была весьма неординарна. Или это следовало называть, скажем так, слиянием душ?

— Вот и ладно, — Хоггарт слегка оттаял и даже подлетел поближе. И попросил, понизив голос: — Ты, парень, это… Не

выдавай меня, ладно?

— В каком смысле не выдавать?

— Ну… Я сказал Лиззи, что у меня морская болезнь, — потупился Хоггарт.

Я хмыкнул: вообразить, как от болтанки тошнит призрака (надо думать, эктоплазмой), мне никак не удавалось. (Даже призраков, предающихся разнузданным духовным утехам, представить было проще.) Впрочем, цвет лица у Хоггарта вполне соответствовал его заявлению — сизый с прозеленью, как у страдальца со стажем.

— Почему же ее не приключилось, когда вы в первый раз пересекали Атлантику? — поинтересовался я, пытаясь избавиться от ощущения нереальности происходящего.

— Так и кактуса не было! И шторма тоже, — резонно заметил Хоггарт. — Так что я пока тут побуду!

— Хоггарт, вы обнаглели, — я откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Мой мир как будто задался целью перевернуться вверх тормашками.

— Ну… — он помялся и выдавил: — Пожалуйста!

— Ладно, — махнул рукой я.

От коньяка клонило в сон. Надеюсь, мне не приснятся мои несчастные питомцы, брошенные на произвол судьбы жестокосердным Ларримером!

Но что я мог поделать?! Увы, крыльями я не обзавелся, да и с… хм, наследством шамана разобрался не до конца. Иначе мог бы хоть взглянуть на своих бедняжек…

Признаюсь, без верного Ларримера мое холостяцкое логово даже вообразить было сложно. Вот так всегда: стоило уехать всего-то на полгода, а дома все уже пошло наперекосяк!

Пожалуй, без совета мне действительно не обойтись…

Минут десять спустя я хмуро смотрел на перевернутую руну беркана. И что бы это значило? Препятствия, ожидание, неприятности с близкими…

Кто бы ни подразумевался под "близкими", будь то тетушка, Сирил или мои бедные питомцы, стало ясно, что бездействовать невозможно! И пусть пока я не мог ничего сделать непосредственно, это ведь не означает, что исчерпаны все возможности как-то повлиять на ситуацию!

Оставлять Мэри одну нельзя, тем паче что беркана означала также женщину, а перевернутая, соответственно, могла символизировать женщину в весьма затруднительном положении…

Я крутил в руке плашку с руной и задумчиво постукивал пальцами по подлокотнику кресла.

Насупившийся призрак, похожий на моль-переростка, висел в уголке, исподлобья наблюдая за моими манипуляциями.

"Хм, а это идея!" — подумал я и позвал:

— Хоггарт, можно вас?

— Чего тебе, паря? — хмуро спросил он, неохотно подлетая ближе.

За окном окончательно потемнело, хотя час был еще не слишком поздний, да и качало изрядно. Буря разгулялась не на шутку! Хороший хозяин собаку в такую погоду на улицу не выгонит, но то собака…

— Хоггарт, у меня есть для вас задание, — сообщил я, пытаясь сесть ровно, подумал и уточнил коварно: — Далеко отсюда. Мне нужно, чтобы вы слетали в Блумтаун, и поживее: дело не терпит отлагательств!

Призрак задумался, потом встрепенулся.

— А, ладно, согласен я! — и, оглянувшись пугливо, добавил вполголоса: — К этому и Лиззи не придерется!

— Вот и отлично, — я спрятал улыбку.

Вот уж не думал, что Хоггарт окажется таким подкаблучником! У его супруги, должно быть, незаурядный педагогический талант!

— А чего мне там делать? — вспомнил Хоггарт, уже зависший на низком старте.

— Найдите моего кузена Сирила, — велел я. — Передайте ему: пускай пока поживет у меня и присмотрит за домом.

Сирил видит призраков и даже знаком с Хоггартом, так что это не должно было вызвать затрудений.

— Понял! — кивнул призрак и растворился в воздухе, а я со вздохом принялся стягивать рубашку.

Разумеется, моего кузена нельзя считать образцом ответственности, однако выбора не было. Надеюсь, вдвоем с Мэри они сумеют продержаться до моего приезда…

Однако на второй день отсутствия Хоггарта я несколько забеспокоился… Вдобавок из-за отвратительной погоды заняться мне было решительно нечем: капитан Баренс, неиссякаемый источник морских баек, безвылазно торчал на мостике, оранжерея была заперта, бридж я терпеть не мог, а компании, чтобы расписать пульку, не нашлось. Пустопорожние ресторанные беседы о колониальной политике Англии и англо-бурской войне я тоже переносил с трудом, как и общество посторонних вообще. Особенно, если эти посторонние были богатыми снобами в летах, имеющими особо ценное мнение по любому вопросу, чего бы он ни касался, а таких на "Атлантике" было большинство. Меньшинство составляла молодежь, с которой у меня тем более

не имелось ничего общего.

Мне оставалось лишь маяться от безделья в своей каюте, читая шесть номеров "Географического альманаха" кряду — проще говоря, все те, что я пропустил из-за путешествия в Мексику, — но надолго их хватить не могло, как ни старался я растянуть удовольствие…

Когда до слуха моего донеслись то ли шорох, то ли поскребыванье, я встрепенулся и поднял взгляд.

У косяка взволнованно колебалась (точь-в-точь кисейная занавесь на ветру!) призрачная фигура в старомодном платье, с которым несколько не сочеталась кружевная мантилья.

— Здравствуйте, миссис Хоггарт, — произнес я с некоторой неловкостью, вставая.

— Здравствуйте, мистер Кин, — вежливо откликнулась она. — Можно мне войти?

— Конечно! — я церемонно предложил ей стул и лишь потом спохватился, что призраку он точно ни к чему. Отчего-то я волновался. — Что вас привело ко мне?

— Простите, что побеспокоила, — она церемонно зависла в дюйме от сиденья и сложила руки на коленях. — Я не могу найти мистера Хоггарта!

— Боюсь, мэм, я отправил его, с поручением, — вздохнул я, усаживаясь напротив.

— А куда отправили? — она чуть подалась вперед. — Здесь, на корабле? Может, я слетаю за ним?

Значит, он даже не счел нужным предупредить жену? А мне теперь отдувайся!

— Домой, в Блумтаун, — пояснил я. — Простите, миссис Хоггарт, я как-то не подумал, что прерываю ваше свадебное путешествие…

— Не извиняйтесь, сударь! — отмахнулась она и, опустив глаза, принялась теребить ленту на чепце. — Если бы не вы, никакой свадьбы бы вовсе не состоялось!

Я кивнул, признавая ее правоту.

О том, что Хоггарт уже должен был вернуться, я благоразумно умолчал, не желая нервировать его и без того встревоженную супругу. Последовать за ним она все равно не могла — по какой-то причине пересекать текучую воду, в отличие от мужа, она не умела, а на корабль ее провел сам Хоггарт. На это он и рассчитывал, удирая куда подальше: вслед бы Лиззи точно не кинулась!

Однако Хоггарт так и не появился до самого прибытия в порт, и уже я начал всерьез волноваться!..

Взволнованная миссис Хоггарт следом за мной проследовала

по трапу.

"Как же хорошо, что никто здесь не видит призраков!" — подумал я и тут же поймал ошарашенный взгляд носильщика. Парнишка мотнул головой, протер глаза грязными кулаками… Миссис Хоггарт, к счастью, была особой сообразительной и мгновенно растаяла, словно туман под жгучим солнцем.

Увы, настоящий туман оказался куда устойчивее. Хотя по календарю был еще только конец августа, погода стояла сырая и промозглая, и выбираться из теплого салона автомобиля не хотелось.

Впрочем, утренний Блумтаун был очень хорош: умытые дождем мостовые, благоухание осенних цветов в ухоженных садах, зеленеющие лужайки перед особняками, аккуратно подстриженные живые изгороди…

Я втянул носом запах родины (кроме аромата цветов ветерок донес еще сладковатый запах навоза) и ностальгически улыбнулся. Как бы ни любил я путешествия, есть особая прелесть в возвращении в родные пенаты!

Такси лихо притормозило у крыльца, я выпрыгнул, взбежал по ступенькам и надавил кнопку звонка. Минута, вторая… Никто не отозвался.

Хм, странно! Одиннадцатый час, Мэри давно пора прийти на работу! Да и Сирил должен быть где-то тут, если не загулял, конечно. Да и Хоггарт куда-то запропастился… Что такое?

Я подумал и стукнул в дверь кулаком. Раз, другой. Тишина!

— Мистер, а куда вещи-то нести? — пропыхтел за спиной водитель.

— Поставьте пока на крыльцо и обождите немного, — попросил я и, обойдя дом, толкнул дверь черного входа.

Она была не заперта и, признаюсь, я несколько заволновался. Переступив порог, я хлопнул дверью и только собрался крикнуть банальное: "Эй, есть тут кто-нибудь?", как раздался женский стон, и навстречу мне выскочил кузен с выпученными глазами и окровавленным полотенцем наперевес.

— Вик, это ты! — небритая физиономия Сирила просияла таким восторгом, что мне даже стало как-то неловко.

— Сирил, ты кого-то убил? — поинтересовался я с опаской.

— Наоборот! — выдохнул Сирил и с явным облегчением упал в обморок.

"Что тут происходит?!" — подумал я, несколько раз глубоко вздохнул, снял пальто и перчатки, перетащил кузена в ближайшее кресло, отпер входную дверь и пошел искать Мэри. Она девушка (точнее, уже женщина — как-никак у них с Сэмом уже трое детишек) разумная, должна суметь внятно объяснить, что

случилось!

С первого взгляда на кухню я понял, что расспрашивать не придется…

В большой кастрюле на плите кипела вода, и комнату наполнял пар. Мэри, держась обеими руками за огромный живот, сидела на кухонном столе и тихо постанывала.

В своих путешествиях я видел достаточно, чтобы понять, что происходит. В конце концов, и животные, и дикие племена не стыдились родов! Теоретически я даже знал, что нужно делать, но не приведи господь применять эти знания на практике! Впрочем, выбора не было…

Я еще раз глубоко вздохнул и отправился приводить кузена в чувство.

Пара пощечин и пара глотков коньяка — и Сирил почти очухался, только иногда вздрагивал и заполошно озирался. Кажется, нежданное зрелище произвело на хрупкую психику моего кузена неизгладимое впечатление… Этак он, чего доброго, сделается убежденным холостяком, а тетушка мне этого не простит!

— Сирил, свяжись с доктором Милтоном! — велел я, убедившись, что он уже способен воспринимать речь и даже вполне членораздельно говорить. — Не понимаю, почему ты до сих пор этого не сделал?

— Я хотел, — оправдывался Сирил, с трудом усаживаясь ровно, и отхлебнул еще коньяка. — Но Мэри сказала, что не надо. Ну, ей же виднее!

— Виднее? — хмыкнул я, впрочем, не став развивать эту тему.

Как же я не подумал, что у Мэри попросту нет денег на хорошего врача, да и у Сирила наверняка пустые карманы!

— Мэри сказала, что все в порядке, сама справится. — Сирил, кряхтя, как старый дед, поднялся на ноги. — Я же не знал! Я хотел позвать ее мужа, но я понятия не имею, где он работает!

С кухни раздался душераздирающий крик, и мне стало не до объяснений кузена.

— Врача! Быстро! — приказал я через плечо и опрометью кинулся к Мэри.

Она, уже не в силах сдерживать стоны, едва заметила мое появление.

Я подошел и взял ее за руку, дожидаясь перерыва между схватками.

— Здравствуйте, сэр, — слабо улыбнулась она, когда боль ненадолго отступила. — Вы вернулись!

— Добрый день, Мэри. Да, я вернулся, — согласился я, с

тревогой подмечая, что очередной приступ уже на подходе. Значит, дело плохо — времени почти нет.

Конечно, я не раз видел роды, но принимать их как-то не доводилось. Тем более не у туземок, а у изнеженных англичанок! Разумеется, Мэри это не впервой, да и к изнеженным дамам ее никак не отнесешь, но все равно мне было не по себе. Увы, я ничем не мог ей помочь. Хотя…

Я метнулся к комоду, выдвинул верхний ящик. Так и есть! Блокнот, какие-то письма, перо, чернильница… ага, вот огрызок химического карандаша! Взяв его, я подошел к Мэри: бедная женщина уже ничего вокруг не замечала, чуть не плача от боли. Я взял ее безвольную руку, помусолил карандаш, вывел на округлом белом запястье руну беркана и прикрыл глаза…

Из полузабытья меня вырвал слабый женский голос:

— Спасибо, сэр, что помолились за нас!

Вздрогнув, я открыл глаза и, подумав, не стал объяснять, *чем* занимался на самом деле.

— Как вы, Мэри?

— Хорошо, — прерывисто дыша, ответила она. — Только… Мне ж рано еще!

— Боюсь, это уже не важно, — ответил я. — Потерпите, скоро приедет доктор. — И, упреждая возражения, добавил: — Не переживайте, я все оплачу.

— Вы так добры, сэр! — прошептала она и, не в силах сдержаться, снова застонала и выгнулась дугой…

Время тянулось ужасно медленно! Все, что я мог сделать — сидеть рядом с Мэри, держать ее за руку и молиться, как умею, поэтому, когда наконец хлопнула дверь и в кухню бодрым шагом вошел доктор Милтон (по-прежнему энергичный, несмотря на возраст), я обрадовался ему, как родному.

Конечно, в отличие от моего слабонервного кузена, в обморок я падать не собирался, однако был искренне рад перепоручить Мэри доктору!

Как выяснилось, по телефону Сирил его вызвать не смог — тот уехал по вызову на какую-то ферму. Кузен, недолго думая, велел таксисту, который только-только закончил выгружать мои вещи, как можно скорее гнать на ту самую ферму. Впрочем, полагаю, он был готов и не на такие подвиги, лишь бы снова не оставаться один на один с роженицей!

Мы с Сирилом, как и подобает мужчинам в таких экстремальных ситуациях, перебрались в кабинет. Кузен был бледен, а коньяк глотал, как воду.

— Сирил, успокойся, — увещевал я, наконец-то с наслаждением вытянув ноги. Хотелось перекусить — завтрак

давным-давно превратился в воспоминание, однако домашние деликатесы мне не светили — вряд ли Мэри сумеет приготовить хоть что-нибудь в ближайшее время. — Доктор справится. Все позади.

— Позади? — кузен прислушался к приглушенному воплю, донесшемуся из кухни, передернулся и одним глотком ополовинил свой стакан. — Я как вспомню! Брр!

— Лучше расскажи, как тетушка? И миссис Вашингтон? Что тут у вас вообще нового?

— Да ничего, — скривился Сирил, допив свой коньяк, и недрогнувшей рукой налил себе еще. — Ты же знаешь, Блумтаун — тихое болото!

— Ну, не такое уж тихое, — заметил я, вспомнив некоторые дела, в которых мне довелось разбираться за последние годы.

— Тихое! — возразил кузен уверенно. — Ничего не происходит. Тоска зеленая!

— Хм, — только и сказал я.

Кажется, Сирил изрядно захмелел. Впрочем, пил он на пустой желудок, да еще и после таких переживаний, так что ничего удивительного я в этом не видел.

Кузен вылакал еще порцию коньяка и потянулся налить себе снова, но я отобрал графин и отставил подальше.

— Хватит с тебя!

— Жадина! — надулся Сирил, плюхаясь обратно в кресло. Он по-прежнему был в домашнем костюме, даже за доктором махнул в таком же виде. — У меня, может, этот… стресс!

— У тебя похмелье, — строго ответил я, принюхавшись. От коньяка такого амбре не бывает, тем более, от только что выпитого. — Посмотри на себя, на кого ты похож?

— Ну и пусть, — Сирил потер небритую щеку. — И хватит читать мне нотации! Ты совсем как мама… Стареешь, наверно.

— Ладно, — сказал я, вставая. — Можешь сидеть тут и жалеть себя, а я пошел.

— Куда? — буркнул кузен, не очень уверенно поднимаясь.

— В оранжерею, — объяснил я. — Нужно перенести туда моих новых питомцев и осмотреть коллекцию. А ты сиди. Все равно я тебе своих крошек не доверю!

Это верно, такие ценности ему в руки лучше не давать, тем более, носить горшки придется на третий этаж, а Сирил еле на ногах держится.

— Ну и ладно! — обиделся Сирил и демонстративно отвернулся. — Нужны мне твои кактусы!

Я вздохнул: не знаю, как Блумтаун, а кузен уж точно не изменился! — и отправился за первой партией питомцев.

Держа в руках три горшка, я легко взбежал по ступенькам (сказывались физические нагрузки в путешествии), толкнул дверь и… и оцепенел.

Нет, оранжерея не была разгромлена, на первый взгляд, даже кактусы уцелели, но… тут явно что-то произошло! Грязь на полу, осколки стекла у окна и форточка, заткнутая подушкой, говорили сами за себя!

Я сгрузил свою драгоценную ношу на стол и торопливо проверил самые ценные экземпляры. Так, Astrophytum на месте, Lophophora williamsii тоже, и Obregonia denegrii… После беглого осмотра мне показалось, что все в порядке. Крошка Ariocarpus Fissuratus даже выпустил цветочный бутон!

Стоп, а где же?.. Я лихорадочно огляделся. Может, Ларример или Мэри куда-то ее переставили?! Но нет… Сигрид бесследно исчезла!

В сердцах я произнес несколько слов, не подобающих джентльмену, и отправился за кузеном.

Он сидел у окна, по-девичьи подперев щеку кулаком, и тоскливо смотрел на улицу.

— Сирил! — прорычал я.

— Что? — недоуменно оглянулся он. — Вик, что такое?

— Ты еще спрашиваешь?! — я с трудом переборол порыв схватить кузена за ухо и поволочь наверх. — Сирил, я же тебя как человека просил, присмотри за домом!

— Как человека? — фыркнул он. — В смысле, призрака прислал?

— Да хоть бы и почтового голубя! — я с трудом выдохнул сквозь зубы. Давно я не был настолько разъярен! — Сирил, в оранжерею пробрались воры. Судя по свежим следам, этой ночью. А теперь скажи мне, где ты был в это время?

— В оранжерею? — не поверил он. — И что там красть? Кактусы?

— Хоть бы и кактусы, — ледяным тоном ответил я. — Так где тебя носило?

— Я был в клубе, — уверенно ответил Сирил. — Уходил вечером — все было в порядке. Сегодня пришел, хотел перекусить, заглянул на кухню и попросил чаю. Мэри взялась было за чайник, и вдруг…

Он передернулся, вспомнив пережитое.

— Ладно, поговорим позже, когда протрезвеешь, — поморщился я. — Сейчас я еду в полицию. А ты иди проспись, а то еще начнешь инспектору рассказывать о призраках!

— Подумаешь… — Сирил, опираясь на подоконник, встал и с трудом утвердился на ногах. — Ну и пойду! Значит, говорить о

призраках нельзя, а разговаривать с ними можно, да?

Но я не стал больше слушать его пьяную болтовню, вышел из кабинета, сдержав желание хлопнуть дверью, и спустился вниз.

С кухни доносился тонкий детский плач, почему-то… хм, да, кажется, на два голоса.

— Мистер Кин, здравствуйте! — пожилой доктор выглянул на звук шагов. Его морщинистое лицо разгладилось, глаза сияли. — С вашей кухаркой все в порядке. Двойня! И, должен сказать, просто поразительно легкие роды! Я даже не ожидал.

— Передайте Мэри мои поздравления! — искренне сказал я. Слава богу и… хм, не только ему. — А теперь простите, я должен спешить! Запишите ваш визит на мой счет, пожалуйста.

Надеюсь, Ларример додумался содержать мое авто в порядке?..

С первого же взгляда я понял, что надежды мои были беспочвенны. То есть, возможно, Ларример когда-то протирал машину тряпочкой, но в последнее время ему явно было не до того, и пыль ровным слоем покрыла все блестящие поверхности. А Сирил, похоже, без разрешения брал мой экипаж покататься и пустить эту самую пыль в глаза девицам! Хорошо, не разбил, только вот крыло немного поцарапал…

Тяжело вздохнув, я завел железного коня и убедился — точно, кузен брал его напрокат, топлива осталось маловато! Ну что ж, решил я, заеду заправиться и заодно велю вымыть и отполировать автомобиль.

В гаражах я поймал первого попавшегося парнишку в промасленном комбинезоне и кивнул на свой "лайтштерн". Тот восхищенно прицокнул языком и кинулся за ветошью, ведром с водой и полиролью.

— Мистер Кин! — окликнул меня еще один паренек в таком же комбинезоне. — Добрый день!

— Добрый день, — отозвался я, пытаясь вспомнить, где же я его видел.

— Я Джек, — напомнил он, подходя ближе и безуспешно пытаясь оттереть черные от смазки руки. — Вы нас тогда нанимали, помните? Меня, Майка, Пита…

— А! — вспомнил я. — Извини, не признал, ты уже совсем взрослым стал…

— Ну так, — хмыкнул паренек. — Красивая машина у вас! Давно не ездили? Смотрю, Дик под капот полез, масло менять, наверно?

— Да, полгода в гараже стояла, а недавно кузен взял покататься, только не проверил, все ли в порядке, — чуточку приврал я.

— Бывает…

— Как остальные ваши ребята? — спросил я из вежливости.

— Ничего. Все работать устроились, кто куда. Держимся изо всех сил, — сказал он довольно мрачно. — Мест мало, куда уехать — денег нет, а тут поджимают…

— Кто? — удивился я.

— Да приезжие, — пояснил Джек. — Не слыхали? С шахты понаехали…

— Ничего не понял, — нахмурился я, но ответить он не успел, прозвучал резкий сигнал.

— Простите, мистер, на обед пора. Времени на перерыв всего ничего, а перекусить надо, — он отбросил ветошку. — Машину вашу только после обеда отдадим, уж извините. Погуляйте пока, что ли?

При слове "обед" у меня заурчало в животе. Дома меня ждала неприбранная кухня (Мэри-то переправили домой, Сэм, наверно, прибежит вечером прибраться, но это когда еще будет!), невменяемый Сирил и в лучшем случае пара бутербродов. Это если кузен не слопал все припасы из кладовой, а он мог…

— А где вы обедаете? — спросил я с интересом.

— Да тут рядышком, за углом, мисс Лайт столовую держит, — отозвался он, хотя я был уверен, что Джек достанет бутерброды в промасленной бумаге и усядется вон хоть на снятое колесо. — Сейчас все наши туда ходят, потому как горяченького похлебать — первое дело! А то утром вскочишь, с собой собирать некогда, да и, честно скажу, мистер, лень. У кого жены — те берут обед с собой, а нам, холостякам, только в столовую.

— Не возражаешь, если я составлю вам компанию?

Джек уронил кепку.

— Вы?! В нашу столовую?!

— Ну а что такого? — хмыкнул я. — Есть очень хочется, я с дороги, в доме бардак, кухарка при мне рожать начала… А в ресторан не хочется.

— Так мы простое едим… — осторожно произнес он.

— Джек, я, бывало, гусениц с удовольствием употреблял, — сказал я. — Пойдем, правда, у тебя же перерыв…

Наверно, я обеспечил местных дам поводом для сплетен на полгода вперед, когда в компании десятка работяг ввалился в скромное заведение, источающее кулинарные ароматы. Признаюсь, есть хотелось так, что довольно жидкого перлового супчика я взял две порции, с удовольствием закусил копченой селедкой с хлебом и подозрительно зеленоватым сыром (решив, что французы проращивают на нем плесень нарочно, а родная лучше) и запил парой стаканов чая.

— Никогда б не подумал, что вы, мистер, за одним столом с нами есть будете, — впечатленно произнес Пит (пришлось знакомиться заново, я всех уже перезабыл).

— А что тут такого? — удивился я.

— Ну так вы ж богатый и вообще…

— Богатые тоже жрать хотят, — изрек доселе не знакомый мне парень по имени Вилли. — Только стоя, поди, непривычно?

— Мне по-всякому привычно, и стоя, и лежа, — улыбнулся я, с удовольствием допивая чай. Видимо, на сытый желудок меня посетило озарение, и я спросил: — Джек, ты напомнил, как я вас нанимал… Ну, стекла мне побили…

— Ага, было дело, а что?

— Опять то же самое. Вернулся — выбиты стекла в мансарде… на чердаке по-вашему. И цветок украли. Не самый ценный, но мне лично он был дорог… Кто это у вас опять орудует?

— Из наших к вам никто не полезет, — помотал головой Пит. — Вас все знают. Малышня все бегает посмотреть, нету ли знака на флюгере, вдруг чего вам понадобится разузнать, это они завсегда…

— Это приезжие, точно, — сказал Вилли, шумно прихлебывая чай. — Я слышал, пару домов обворовали, и там в форточки лазили. Значит, кто-то мелкий был, а у понаехавших малышни полно, сплошь девчонки, к серьезной работе пока не приставишь, а вот в форточку залезть они точно могут…

— Погодите, — поднял я руки и заказал всей компании по порции капустного пирога и еще по стакану чая. — Какие приезжие? Откуда они взялись? Джек сказал, с шахты, но почему они к нам-то подались?

— А! Вас же долго не было, мистер! — сообразил Пит. — Вы и не знаете… Ну, недалеко тут был шахтерский поселок. Мужчины, ребята покрепче — все под землей работали. А давно говорили, что там опасно, но жить-то на что-то надо, вот и лазили… Крепь треснула — обвалом больше ста человек накрыло. Вроде их не всех еще и достали…

— Угу. Остались одни бабы с детьми, в том поселке что сидеть? Там уже заработать негде, — подхватил Джек. — Подались кто куда, и к нам, и в Джорджтаун, и вообще по округе. Но у нас тут тоже им не рады. Работать и без того есть кому. Правда, одна приезжая мусорщицей устроилась. Здоровенная бабища, одной рукой лошадь держит, второй мешки грузит. Остальные подались кто стирать, кто полы мыть, а дети так, неприсмотренные, не до того. Они в старые дома вселились, где раньше чокнутые маляры жили, — добавил он.

— Чокнутые маляры? — нахмурился я. — Художники, что ли?

— Ну да, наверно, они. Те съехали, дома вроде сломать хотели, а тут такое случилось… вот тех и поселили, пока не решат, что с ними делать.

— Понятно, — сказал я. — Спасибо, я и не знал о происшествии. В газетах не писали, видимо, не сочли важным…

— Время, — напомнил Вилли. — Пошли, парни. Мистер, машину вашу сейчас отполируем в лучшем виде. И заправить надо бы как следует.

— Само собой, — кивнул я.

Автомобиль мне отполировали до солнечного сияния, просто смотреть больно, от царапины и следа не осталось (хотя ума Сирилу я все равно вложу, решил я).

— Джек, — спохватился я, уже усаживаясь за руль, — Пит сказал, что ваши младшие все высматривают условный знак… Можешь попросить их побегать по округе, особенно там, где беженцы поселились? Посмотреть, порасспрашивать, вдруг что-то узнают?

— О вашем цветке? — правильно понял он. — Да, конечно, дело-то ерундовое! Только, мистер, сейчас нам никак не отлучиться. Вечером скажу. Ну, если мимо кто будет пробегать, непременно передам!

— Хорошо, — сказал я, расплачиваясь честь по чести. — Тогда пусть сразу ко мне бегут, я покажу, как растение выглядит.

— Конечно, мистер, живо прибегут! — заверил Джек и помахал мне вслед.

Путь мой лежал в полицейский участок, в котором будто бы ничего не изменилось, даже у двери дежурил тот же самый полицейский. На мое счастье, инспектор Пинкерсон оказался на месте и радостно вскочил мне навстречу.

— Давненько вас не было, мистер Кин! — заговорил он, энергично встряхивая мою руку. — Запропали совсем! Кузен ваш только отмечается…

— Что он опять натворил? — нахмурился я.

— Да по мелочи, то столб фонарный сломал, то пьяным шатался, — отмахнулся он.

— Какой столб?!

— Ну в который на машине въехал, — пояснил Пинкерсон, усаживаясь за стол и жестом предлагая мне сесть напротив. Я последовал его приглашению. — Столб упал — и прямо в бакалейную лавку угодил. Стекла вдребезги, лавка загорелась…

Я закрыл лицо рукой и застонал.

— Так фонарь и стекла кузен ваш оплатил, а пожар — это дело другое, под него бакалейщик хотел недостачу на триста

фунтов скрыть, — довольно сказал инспектор. — А еще у него в подполе самогонный аппарат нашли. Он во время пожара взорвался, некогда было досмотреть, видимо.

— Пинкерсон, скажите, что вы это придумали, — попросил я.

— Нет, чистая правда. Даже суперинтендант Таусенд не верил, пока я ему все заключения и прочие бумажки не показал, — сказал он и задрал длинный нос, сделавшись похожим на самодовольного грача. — Так это еще не все! Когда разбитую машину оттаскивали, ломовая лошадь угодила ногой в канаву и ногу-то сломала. Полисмен уже хотел ее пристрелить, что ж ей мучиться? Только рядом лорд Блумберри с женой случился…

— Пинкерсон!!! Вам романы надо писать!

— Не надо, я не умею складно сочинять, — произнес инспектор. — Это я вам как из отчета рассказываю. В общем леди заплакала, лорд взбеленился, послал за своим ветеринаром, ну вы его знаете наверняка, О'Ши его фамилия…

Еще бы я не знал!

— Говорит, не смейте лошадь трогать, и хозяину заплатил за нее, сколько положено. Приехал ветеринар, встала кобыла, хоть и хромает, ну так лорд ее нам в участок отдал, мало ли, чего отвезти-привезти без спешки… А в банке, куда лорд ехал…

— Пинкерсон, банк-то тут причем? — возопил я, схватившись за голову.

— Как причем? Ваш кузен его грабить ехал, да спьяну в столб врезался, — с удовольствием заключил он. Посмотрел на меня искоса и добавил: — Очень спьяну. Я поэтому решил, пусть будет просто авария, без попыток ограбления, а вы уж ему там сами горячих пропишете!

— Я его убью, — сказал я совершенно серьезно.

— Тогда я вас арестую. А вот тяжкие телесные… можно списать на несчастный случай, — совершенно серьезно произнес Пинкерсон.

Да что же это такое! На полгода уехать нельзя!

— Он хотя бы к женщинам грязно не приставал? — спросил я.

— Не в курсе, — ответил инспектор, поворошив свои листочки, грудой сваленные на столе. И как он в них ориентируется? — Ну да за это с ним невеста сама расправится, если что. Видал я ее собачек, они ему живо задницу располосуют… гм… Так вот, а счетовод в банке, как оказалось…

У меня начало дергаться веко. В исполнении Пинкерсона все вроде бы мелкие происшествия приобретали ярко окрашенный детективный оттенок и отлично увязывались друг с другом. Нет, верно, ему необходимо написать книгу!

— А вы вроде бы обмолвились, что мистер Таусенд

вернулся? — вставил я в его речь. — Он уже суперинтендант?

— Да! Приехал наконец, как хорошо! А то не люблю я с финансами возиться и прочим, я хочу преступления расследовать, — сказал Пинкерсон довольно. — Кстати, вот мы с ним как раз решали, что делать с мистером Кертисом, вас вспоминали, мол, без вас он распустился вконец…

— Надо к Таусенду наведаться, — кивнул я.

— Он рад будет, — заверил инспектор.

— Пинкерсон, — опамятовался я, — у меня тут дом обокрали, почему я и приехал…

— Что сперли? — деловито спросил он, выдрал из блокнота листок и нацелился на него карандашом. Н-да, кое-что не меняется со временем. Если блокнот Пинкерсону и помог, то лишь отчасти, а я-то надеялся…

— Да в том-то и дело… Кактус. Нет-нет, — взмахнул я руками, видя его выражение лица, — для вас, возможно, это чепуха, а мне он был душевно дорог!

— А подробнее?

— Влезли в оранжерею в мансарде, разбив форточку. Вроде бы ничего больше не пропало, кабинет заперт, как обычно, сейф тоже… серебряные ложки, может, украли, но я не проверял, не до того было. Да и черт с ними, с ложками!

— Мистер Кин, — вздохнул Пинкерсон и опустил подбородок на руки. — Тут дела не заведешь. Ну, разве что это заказная кража! Слушайте, а ведь и правда! — инспектор нехорошо оживился, подскочил и схватил какую-то папку с полки. — Может, это кто-то из ваших? Ну, кактусоведов? Нанял мелюзгу какую-нибудь, чтоб из вашей коллекции самое ценное украсть! Кто это мог быть?

— Вряд ли, — подумав, покачал головой я. Сигрид, конечно, мне безмерно дорога, однако скорее по сентиментальным соображениям. В остальном же — вполне заурядный кактус, хоть и красивый. Так я и объяснил инспектору: — Самые ценные экземпляры остались нетронуты. Discocactus horstii — красивое растение, однако не столь уж редкое.

— Диско… кактус? — повторил Пинкерсон с трудом. — Это что?

— Похищенная, — сказал я скорбно. — Ах, моя красавица Сигрид!

— Сигрид? — не понял он. — Девушка, что ли? Ваша, да? И когда вы успели? Только вернулись же! А говорите, ничего такого не украли!

Глаза инспектора сверкали: еще бы, похищение людей в нашем тихом Блумтауне! На этом и карьеру сделать можно.

— Постойте, — поднял ладони я. — Инспектор, Сигрид — это не девушка, а кактус. Просто, хм, я даю своим питомцам имена.

— Понятно, — услышав, что его грандиозная идея не подтвердилась, инспектор мигом остыл. — Ладно, мистер Кин. Простите уж, мне сейчас не до того — у нас тут творится кое-что нехорошее, все заняты именно тем делом. Представляете, как в книжке какой — дама дает брачные объявления, затевает переписку… а потом о помощи просит. Денежной, само собой. И так ловко все обставляет, что мужчины ей сами деньги привозят. Ну понятно, выбирает одиноких и в годах. А потом ищи ее свищи! И хитрая какая — ни домовладельцы, ни почтальоны ее так и не вспомнили. Вроде бы они дело имели с совсем другими людьми: то детьми, то старушками. А дама от безнаказанности совсем берегов не чует… Недели две назад ее жертву отравленной нашли, а на днях еще один джентльмен в собственном кабинете умер. Правда, с последним делом непонятное что-то — может, сердце, а может и яд…

Я вздрогнул от ужасного предчувствия. Нет, нет, неужели Ларример мог купиться на такое объявление?! Уехал неведомо куда, обвенчается с незнакомкой, а она его… Ужасно!

— Ну, — продолжил инспектор, несколько смутившись, — это я так думаю, что там дело в объявлениях. У жертвы дома письма нашли, подписано некой мисс Блэк. А суперинтендат со мной не согласен. Совпадения, говорит!

Подумав, я изложил Пинкерсону историю странного исчезновения Ларримера.

— Интересно, — сказал он, постучав пальцами по столу. — Очень интересно! И что, ваш дворецкий даже не оставил адреса? Где искать его, куда писать?

— Признаюсь, не в курсе, — вздохнул я. — Я приехал, а на пороге кузен весь в крови…

Пинкерсон схватился за карандаш и уставился на меня, а я поспешил сказать:

— Нет! Никаких преступлений! Просто кухарка рожать начала… Ей, может, Ларример оставил координаты, но, как вы понимаете, всем нам было чуточку не до того.

— А вы "Джеральдтаун Геральд" выписываете? — спросил вдруг инспектор.

— Да, — кивнул я. Эту газету издавали в соседнем городке, и почему-то именно там всегда оказывались самые интересные спортивные новости.

— Ага… Объявления дают именно в нее, — пояснил Пинкерсон. — Но кто, мы выяснить не можем, по телеграфу присылают. А на телеграф кто угодно прийти может… Думаете,

ваш Ларример тоже пал жертвой?..

— Не дай боже, — искренне произнес я. — Будем надеяться, что нет, он все же рассудительный пожилой мужчина!

Пинкерсон вдруг пошевелил носом.

— Селедка… — мечтательно произнес он. — Пища моей юности…

Где он научился так выражаться, хотел бы я знать!

— Пинкерсон, — сказал я, чтобы сменить тему, — а правда, что к нам переселились жены погибших шахтеров?

— Угу, — ответил он. — Пока в домах под снос живут, куда их денешь? Девушек в услужение разобрали, тетеньки постарше кто готовит, кто полы драит… Ваша тетушка, кстати, дамский комитет по этому делу возглавляет, в смысле, кумекают, куда их пристроить-то. А мелюзга у них не при деле. Хулиганят, очень даже, особенно по приезду повадились — голодные, воровали здорово, да и сейчас шалят. Местные их приструнили, да всех уму-разуму не научишь… А вам зачем?

— Мне мои старые знакомцы сказали, что дети приезжих шалят, — пояснил я. — Может, они окна и побили. Ладно, Пинкерсон, с Сирилом я поговорю… и очень серьезно поговорю, спасибо, что рассказали мне, а не его матушке.

— Ну так я что, не мужчина, — философски ответил он, и я чуть не уронил стул. — Пошалил, вы его накажете, да и все, а миссис Стивенсон с миссис Вашингтон ему плешь проедят.

— Еще раз спасибо, Пинкерсон, — выговорил я. — Всего доброго. Наведаюсь-ка я к Таусенду, пожалуй…

Он помахал мне вслед, я выскочил из участка и перевел дух, потом сел в машину и завел мотор. Пришлось еще подождать, пока протащится груженная всякой всячиной телега, запряженная прихрамывающей лошадью.

Но Сирила я если и не убью, так побью точно!

Суперинтендант встретил меня с распростертыми объятиями, схватил за плечи и радостно потряс.

— Эк вы загорели! — сказал он. — Далеко ездили, поди?

— Только не начинайте домысливать дедуктивным методом, как Пинкерсон, — взмолился я. — Да, был в Мексике по делам, загорел! Кстати, поздравляю с назначением.

— Так вы у него уж побывали? Сочувствую, он меня скоро с ума сведет! И да, спасибо. Идемте в гостиную, сейчас чаю подадут…

— Мне Пинкерсон нравится, — честно сказал я, присаживаясь к столу, но тут же снова вскочил. — Миссис Таусенд! Рад видеть! Только отчего у вас такой расстроенный вид?

— Я дала этой чертовой Джилл расчет, — ответила она, так

швырнув поднос, что булочки раскатились по всему столу, я едва успел спасти парочку от падения на пол. Такое выражение из ее уст повергло меня в шок, а уж продолжение…

— Проклятая девка воровала все подряд, даже мое нижнее белье! На кой оно ей, она же втрое меньше! Про деньги и продукты я уж молчу… Вечно все забывала, чай заварить толком не умела… А самое ужасное — она залила мои герани! Вы же помните, мистер Кин, как я их люблю, а тут приехали… господи боже! Половина сгнила, другие засыхают! Ах!..

— Ужасно, — согласился я, переведя дух. За время моего отсутствия многое переменилось.

Хорошо, что в деле полива кактусов я мог положиться на Ларримера и Мэри… до недавнего времени.

После чаепития у Таусендов я направился домой: нужно было привести оранжерею и Сирила в порядок.

Правда, по приезду я передумал: кузен храпел так, что я понял — если разбудить его сейчас, толку все равно не жди. Словом, я отправился в оранжерею — прибираться и оценивать ущерб, — и едва услышал стук в заднюю дверь.

Оказалось, это явился Сэм, муж Мэри. Он являл собой зрелище одновременно забавное и трогательное: старший сынишка сбегал к нему на работу сказать, что у него родились близняшки, по такому поводу хозяин расщедрился и отпустил Сэма почти сразу после обеда, а он, проведав жену и детишек, поспешил ко мне.

— Спасибо, мистер Кин, — бубнил он, комкая в руках кепку. — Оно, конечно, не в первый раз, а все равно боязно. Да и на доктора у нас денег нету, а мало ли что…

— Сэм, перестаньте, не такие это траты! — отмахнулся я грязной рукой (как раз подметал рассыпавшийся грунт).

— Я это, приберусь, сэр! — тут же сказал он, окинув взглядом угвазданную кухню. Если бы тут оказался Пинкерсон, он непременно сочинил бы историю о поваре, который зарезал конкурента (или любовника жены, или кредитора), разделал его, приготовил и подал на ужин. — Что еще сделать надо? Раз уж отпустили-то…

— Вы бы лучше жене помогли, — попенял я, хотя от помощи отказываться не стал.

— Там соседка при ней, — сказал Сэм, снимая куртку и засучивая рукава, — она в этих делах всяко больше меня понимает! А тут дел-то… Может, еще что надо?

— Да, в оранжерее стекло вставить, — кивнул я. — Закончите тут, поднимайтесь, я буду там.

Пока Сэм отмывал кухню, я собрал осколки стекол, брезгливо выкинул испачканную и отсыревшую подушку (нельзя было картонкой закрыть выбитое окно, что ли?), а потом подумал, да и нацепил на громоотвод носовой платок. Для этого пришлось опасно высунуться из окна, но я не зря полгода провел в условиях, далеких от тепличных. Возраст возрастом, но я все-таки умудрился не вывалиться из окна…

Сэм живо закончил внизу, вставил стекло, заодно починил шатающийся стеллаж, помог мне передвинуть большую подставку с тепличкой для кактусят, словом, очень помог. Я искренне поблагодарил его, вознаградил парой фунтов, как он ни отнекивался, и велел идти к Мэри. Провожать уж не стал, не заблудится, благо, не первый раз в этом доме!

— Сэр! — раздался я его голос снизу. — Тут какие-то попрошайки…

Кажется, я уже когда-то это слышал…

— Какие попрошайки, Сэм?

— Дети, сэр! Говорят, вы их звали! Прикажете прогнать?

— Не вздумай! — отозвался я, спускаясь по лестнице. — Ого…

За порогом сгрудилось десятка полтора ребятишек самого разного возраста. Присмотревшись, я заметил среди них нескольких девочек, хотя они мало отличались от мальчишек: тоже были одеты в мешковатые штаны на лямках, рубашки и носили кепки.

— Здрасьте, сэр, мистер Кин! — сказал явный предводитель, рыжий веснушчатый паренек лет десяти на вид. — Я Фил!

— Очень приятно, Фил, — ответил я. — Это вам Джек сказал, что мне нужны быстрые ноги и зоркие глаза?

— Не, это Ханна с голубятни заметила, — мотнул он головой, и белокурая девочка кивнула.

— Я завсегда в эту сторону смотрю, — сказала она неожиданно хриплым голосом и сплюнула с истинно босяцким шиком. — Думала, брешут, а тут гляжу — о! Платок мотается! Я и сказала…

— Ага, только мы подумали, что Ханна сама брешет, — добавил Фил, — но поглядели, а платок и правда висит, как Джек говорил. Я до него сбегал, он и сказал, что мы вам нужны! Вот мы и пришли!

— Прекрасно, — сказал я. — Вы очень вовремя! Вы, должно быть, знаете, кто я такой?

— Конечно, мистер, — отозвались сразу несколько голосов. — Вы частный сыщик!

— Тише… — попросил я и оглянулся, будто недоброжелатели

и шпионы таились в каждой сточной канаве. — Верно… Так вот, мои юные друзья, пока я был в отъезде, кто-то пытался забраться в мой дом через мансарду. Это там, наверху, где стеклянная крыша…

— Циркач, что ли? — удивился Фил, посмотрев вверх. — Как туда забираться-то? Или, может, он ученую обезьяну туда послал?

— А что сперли? — деловито спросила Ханна.

— В том-то и дело: пропала вещь, которая не имеет ценности для посторонних, но дорога лично мне, — пояснил я. — Украли кактус.

— Это чего такое? — переглянулись дети.

Я подумал, вспомнил о кактусе Мэри, который она не стала забирать домой — там ее малыши могли уколоться или, что хуже разбить горшок и погубить растение, — взял его с подоконника и показал ребятне.

— Примерно такая вот штука.

— У мистера Кина их полным-полно, и все разные, — пояснил Сэм.

— А-а… — протянула Ханна. — Это как у миссис Таусенд герани? Только те без колючек и цветут красиво…

— Кактусы тоже красиво цветут, — обиделся я, — только не у всякого хозяина. Кстати, откуда вы знаете миссис Таусенд?

— Так она Джилл выкинула пинком под задницу, — непосредственно ответила девочка и поправила кепку на белобрысых косичках. — Та домой приперлась в соплях, мать ей еще и добавила, потому как такое место поди найди, а эта дура даже цветочки поливать не сумела, как было велено! А из-за нее теперь вообще никого из наших туда не возьмут. Тетка-то, поди, всем знакомым рассказала, откуда у нас руки растут…

— Погоди-погоди, — нахмурился я. — Из ваших… Так ты из шахтерского поселка?

— Ага, — подтвердил Фил. — Она, эта Джилл, потом вон Энни, Джейн, Милли, Кэт и Оскар.

— Это я, — сообщила чернявая девочка, чем-то похожая на цыганку. — Мама почему-то решила, что Оскар — это женское имя.

— Они самые нормальные. — заверил Фил. — В смысле, соображают, что в гостях, а в гостях пакостить — себе дороже. Вон как Джилл…

— Миссис Таусенд сказала, что она подворовывала.

— Во-во! А я о чем? Так это, мистер, чего вы хотели-то?

Я поразмыслил, потом сказал:

— Ну-с, раз среди вас есть дети шахтеров, то все упрощается. Во-первых, мне нужно, чтобы вы разузнали, не пытался ли кто-то

забраться ко мне в дом. Вряд ли это был взрослый — вы верно сказали, что на чердак разве что циркач залезет. Взрослый вскрыл бы дверь, я полагаю. А форточником вполне может быть ребенок, вроде вас…

— Это мы живо разведаем, — солидно кивнул Фил. — А еще что?

— Посмотрите, поспрашивайте, нет ли у кого похожего растения? — попросил я. — Не возьму в толк, зачем его взяли, но мне очень хотелось бы его вернуть! Возможно, даже за вознаграждение…

— Ясно, — сказала Ханна и посмотрела на прочую босоногую гвардию. — А нам вознаграждение?

— Это само собой, — усмехнулся я, вынул из кармана два соверена и отдал Сэму. — Будьте любезны, разменяйте и отдайте им.

— Будет сделано, сэр! — ответил он, принимая деньги. — Ну, пошли! Да не вопите на всю улицу, не у себя дома… Всего доброго, сэр!

Я махнул рукой, запер дверь и выдохнул с облегчением. Казалось бы, с делами на сегодня покончено, но… Оставалось еще одно важное дело, а именно Сирил.

Сказать, что разбудить кузена было сложно, значит, ничего не сказать. Выглядел он омерзительно, и я принялся приводить кузена в нормальное состояние. От одного лишь вида горячего чая его едва не стошнило, воды в него удалось влить всего стакан, да и тот немедленно попросился наружу, а чего-нибудь вроде квашеной капусты в доме не было. Тогда я проинспектировал кладовую, свои чемоданы и решил воспользоваться народным мексиканским рецептом.

В стакан (рюмки явно было маловато), смазанный оливковым маслом, я вылил пару желтков, залил текилой (вот запас и пригодился!), от души добавил красного и черного перца, немного табаско и выжал лимон. Пить *это* Сирил отказался наотрез, но, поскольку его организм был измучен чрезмерными возлияниями, а я чувствовал себя бодрым и помолодевшим на несколько лет, то справился с кузеном без особого труда.

Где-то с полчаса после насильственного лечения Сирил не мог разговаривать вообще и только судорожно пил воду, потом чай, потом говяжий бульон, кастрюлю с которым я нашел в кладовой и даже разогрел, снова воду… Краски быстро возвращались на его лицо, а вскоре он обрел и дар членораздельной речи.

— А теперь скажи мне, — произнес я, поняв, что Сирил уже вполне вменяем. — Зачем ты намеревался ограбить банк? Причем

на моей машине!

— Ты сам ее мне отдал, — сипло запротестовал он.

— Ты о черном лимузине? Ага… То есть "лайтштерн" ты поцарапал в другой раз?

— Угу… — Сирил хлебнул еще бульона. — Когда девушек в Лондоне катал… Но там же почти не видно!

— Да бог с этой царапино! Зачем тебе понадобился банк?

— Поверишь ли, не помню, — удрученно сказал кузен. — Как ехал и собирался пробить стену машиной, а потом вынести деньги и убежать с добычей по крышам, помню, а дальше провал… И до того тоже провал. На спор, что ли?

— Ну, — мрачно сказал я, — путь к стене тебе преградил столб, а на лбу у тебя шишка. Немудрено, что ты все позабыл, если не врешь, конечно!

Кузен всем своим видом заверил, что не врет, и потянулся к текиле, но я отставил ее подальше.

— Хватит с тебя, — мрачно сказал я. — Ты скоро докатишься до абсолютно непотребного состояния. Провалы в памяти уже налицо, вдобавок тебя не раз арестовывали за езду в пьяном виде, ты неоднократно дебоширил, приставал к дамам, а теперь решил банк ограбить? Думаешь, наутро достаточно состроить умильную рожицу, посмотреть страдальческим взглядом, и тебе все простят? Скажи спасибо, что инспектор Пинкерсон не стал возбуждать дело против тебя, на него-то твои гримасы не действуют!

— Вик, потише… — простонал Сирил, держась за голову, и я сделал ему еще целительного коктейля, а он машинально выпил. — У-ух…

Прокашлявшись, он вдруг замер, потом потерянно сказал:

— Я вспомнил.

— Что?

— Зачем я собирался ограбить банк.

— И зачем же?

— Мирабелла накануне рассказывала, как на Диком Западе и по сию пору грабят дилижансы и даже поезда, — убитым голосом произнес кузен. — Про банки я уж вообще молчу! Ну я и решил…

— Что ты решил?! — ужаснулся я. — Стать бандитом? Тебе слава Джесси Джеймса покоя не дает? И это мой кузен, господи…

— Легко тебе говорить! — вспылил Сирил. — Ты наследник! А у меня в кармане ни пенса, только то, что вы с мамой даете… А у Мирабеллы свое состояние!

— Хватит, — поморщился я, — я уже понял, куда завела тебя пьяная логика. Надеюсь, ты хотя бы раскаиваешься? Впрочем, о чем это я…

— Я больше так не буду, — мрачно пообещал кузен. — Дай еще этой гадости, вроде в голове просветлело…

Я соорудил еще коктейль, только текилы налил полглотка. Хватит с него!

Остаток дня я провел вполне плодотворно: съездил на почту, чтобы отправить письмо Фрэнку (на адрес Географического общества, поскольку я не знал, где сейчас носит моего зятя), дать телеграмму в само Географическое общество о том, что я жив-здоров и скоро пришлю обработанные записки о путешествии, а заодно сообщить в "Вестник садоводства" о том, что я все-таки раздобыл якобы мифический кактус!

Правда, тут я придержал коней: кто же поверит мне на слово? Нет, следовало тщательнее подготовить эту сногсшибательную новость для публики…

В глубокой задумчивости я вышел с почты и решил прогуляться, благо под вечер погода сделалась изумительно теплой, и не поверишь, будто на дворе конец августа!

Я выпил чашку кофе в новом заведении, купил газету у разносчика и уселся на скамью, чтобы просмотреть новости Блумтауна. Однако порыв ветра едва не вырвал газету у меня из рук, и, складывая ее поудобнее, я наткнулся взглядом на вывеску. "Цветная фотография! Быстро и недорого!" — гласила она.

"Вот что мне нужно!" — сообразил я. Если я сфотографируюсь со своим сокровищем, любой поверит, что я не сочиняю небылицы… Но нести кактус в фотоателье я не желал: конечно, Alteya cannabis стойко перенесла трансатлантическое путешествие, но это не повод подвергать ее излишнему риску! Впрочем, это мелочи!

С этой мыслью я и направился в ателье. Фотограф сперва не мог взять толк, чего я от него хочу, потом увидел деньги, и взгляд его прояснился. Ждать до завтра я не собирался, так что мастер вместе со своей громоздкой аппаратурой живо устроился в моем автомобиле, и я двинулся домой.

Как уж устанавливали освещение и выбирали композицию, я лучше умолчу. Скажу лишь, что в итоге я должен был сделаться счастливым обладателем нескольких фотоснимков: Луиза одна, Луиза с Николь (ее историю я собирался поведать отдельно), я с Луизой, я с ними обеими и даже Сирилом. Кузен порывался схватить Луизу, пока я не объяснил, как действует яд этого с виду безобидного растения, присовокупив, что компост из Сирила определенно выйдет скверный, и мне такого удобрения и даром не нужно!

И пусть только кто-нибудь посмеет заявить, будто снимки поддельные!.. По судам затаскаю, клянусь своим юридическим

образованием!

*

Эти приятные хлопоты занимали меня до темноты. Я перекусил в городе, так что ужинать не собирался, Сирил, в котором, по-моему, бульон булькал на уровне ушей, — тем более. Конечно, я мог бы поделиться с ним аппетитными пирожками, две дюжины которых предусмотрительно купил на случай непредвиденной голодовки, или паштетом и сэндвичами с ветчиной (все это я благоразумно запер в багажнике автомобиля, зная, что Сирил преотменно умеет вскрывать дверь кладовой), но он пока хранил гордое молчание. Правда, от сдобных булочек к чаю не отказался, но что те булочки для взрослого мужчины?

Так и есть! Вот я услышал шуршание, скрежет, сдержанное ругательство… Так и есть, кузен покушается на кладовую! Ну-ну, пускай…

Тут к возне Сирила добавился другой звук — кто-то настойчиво барабанил в заднюю дверь.

— Кто там? — бдительно отозвался кузен, выслушал ответ и крикнул мне: — Вик! Тут к тебе какие-то босяки!

— Иду! — отозвался я и живо спустился вниз. Сирил сделал вид, что просто решил выпить чаю… если бы он при этом еще воды в чайник налил, цены бы не было его актерским талантам.

За дверью оказались уже знакомые ребята.

— Мы весь квартал обегали, — шмыгнув носом, сказал Фил. — Чтоб взрослые форточники орудовали — про такое не слыхали.

— Мы уж знаем, кого спрашивать, — добавил другой мальчишка, кудрявый и курносый, как негритенок. Может, правда мулат? Хм, этак и пара Наоби найдется… — Они этак не промышляют. Заметно слишком!

— Во-во, — подтвердил Фил. — И потом, все ваш дом знают. Дураков нету, все в курсе, что вы с полицейскими на короткой ноге…

— Скорее всего, это правда наши, — сказала Ханна, — но они не сознаются.

— Это ясно… — я взялся за подбородок. — А еще что-нибудь узнали?

Ватага дружно развела руками.

— Я видела какой-то цветок, — сказала вдруг Оскар. — На окне в одном доме. Только темно, я не разглядела. Но на этот вот похоже — не с листьями, а круглое такое…

— Где, где ты его заметила?! — вскричал я.

Оскар почесала в затылке, сбив кепку на нос, потом сказала:

— Не, мистер, я так не объясню. Это показывать надо.

— Так покажи!

— Не, сейчас не пойду, — помотала она головой. — Поздно, мамка заругается…

— Я заплачу! Хочешь соверен? — спросил я, и глаза Оскар было вспыхнули, но она тут же повторила:

— Не, мистер. Мамка вломит. Не докажешь, что я по-честному столько заработала, а не… ну, вы знаете, поди.

— Так я ей сам скажу, — удивился я.

— Тогда она точно решит, что вы этот… растлитель, — пояснила Ханна. — Лучше не надо, мистер, а то она и Оскар побьет, и вас на весь город ославит. Мы утречком прибежим. Сейчас все одно ничего не видать, у нас там фонари не горят.

— Утром так утром, — вздохнул я и дал им еще горсть мелочи — осталась после дневной прогулки. — Только приходите пораньше и не стесняйтесь стучать как следует!

И как мне дожить до утра? Я уже приготовился к бессонной ночи, к раздумьям о том, где же моя бедная Сигрид, что с ней, не замерзла ли она, не обожглась ли на солнце, не выбросили ли ее из дома…

Но тут в парадную дверь позвонили.

Открывать поплелся Сирил, снова споткнулся обо что-то (чемоданы я убрал с прохода!), выругался, потом позвал меня:

— Вик, снова к тебе гости!

Я со вздохом поднялся и пошел вниз (ах, Ларример, на кого вы меня покинули, Сирил даже доложить не умеет!), чтобы недоуменно уставиться на сияющего улыбкой Пинкерсона.

— Добрый вечер, инспектор, — произнес я. — Проходите, пожалуйста.

— Спасибо, мистер Кин! — он стянул шляпу, кинул ее на вешалку и недоуменно уставился на чемоданы, стыдливо задвинутые в угол.

— Простите, у меня не прибрано, — извинился я.

— Это вы меня простите! — на диво вежливо возразил Пинкерсон. — Я, конечно, не вовремя. Поздно, без приглашения и все такое. Но у меня возникла гениальная идея!

Я подавил вздох. Пинкерсон — умный малый, но слишком уж увлекается…

Мы устроились в гостиной. Я налил инспектору коньяка из почти иссякших запасов (Сирил изрядно потрудился!) и приготовился слушать.

— Я о том деле, которое я сейчас расследую, — начал Пинкерсон, грея в ладонях бокал. — Наш суперинтендант считает, будто те случаи вообще никак не связаны. И вообще, вовсе необязательно, что та дама их убила! Так-то подобных

случаев много было, только без смертоубийства. Может, совпадение, говорит, или намеренно нас на такую мысль наталкивают, чтоб с толку сбить…

— Но вы с ним не согласны? — заметил я и устроился поудобнее. В мягком кресле меня сразу разморило.

— Не согласен! — энергично подтвердил он. — Я уж вам говорил, мистер Кин! Думаю, эта Черная Вдова их через объявления завлекает и… того! Ну, вы поняли.

— Простите, но какое я к этому имею отношение? — я деликатно подавил зевок. — Относительно Ларримера я все вам рассказал.

— Ну… — Пинкерсон засмущался, потом вскочил и принялся расхаживать по комнате, расплескивая коньяк (налил я ему от души). Остановившись вдруг, он обернулся и выпалил решительно: — Мистер Кин, я хочу поймать его на живца! Объявления, конечно, не в нашей газете печатают, но подают-то их в Блумтауне, это мы точно выяснили!

Соображал я после всех сегодняшних перипетий, конечно, медленно, но на это меня хватило…

— И вы хотите, чтобы этим живцом стал я? — от потрясения я даже проснулся.

— Ну да! — подтвердил он без малейших сомнений в моем согласии на подобную авантюру. — Сами посудите, мистер Кин, как-то же та дама жертв отбирает? Узнает как-то об одиноких да обеспеченных… Да и по внешнему виду, поди, подбирает, чтоб не вовсе сморчок какой-то: такой на любовь с первой фотокарточки не поведется! Ну вот скажите честно, может она на меня клюнуть?

— Нет, — вынужден был признать я, приглядевшись к нему. — Разве что вы были бы тайным миллионером, и об этом знала вся округа.

— Да вам ничего и делать не придется! — заверил Пинкерсон, пылая энтузиазмом. — Я и объявление сам размещу! Телеграммой!

— Объявление? — переспросил я слабым голосом. — Какое еще объявление?

— Ну так брачное же! — объяснил он прямодушно. — Для этой… Черной Вдовы!

— Так, — я встряхнул головой и с силой растер виски. — Еще раз, инспектор… Вы хотите от моего имени направить объявление о знакомстве?

— Ну да! — подтвердил он и, аккуратно поддернув брюки, уселся в кресло. Потом извлек из кармана кипу разнокалиберных бумажек и порядком изгрызенный карандаш. — Вот, я тут набросал примерно, послушайте-ка… "Образованный и

обеспеченный джентльмен сорока семи лет, холостой и бездетный, зовет на счастливый брак даму или девицу приятной наружности. Расстоянием не стесняться. Во избежание излишней переписки желательна фотографическая карточка." Как вам, а?

Голос Пинкерсона звучал гордо.

— Э-э-э, — протянул я, сглотнув. — Но ведь мне еще нет сорока семи!

— Ничего! — отмахнулся он. — Она тех, которые постарше, выбирает. Я решил, что пятьдесят — это уже многовато, еще немножко — и старик! А вот сорок семь — в самый раз, мужчина в самом расцвете лет, солидный, но не старый… Это человеческая психология, я читал, — добавил Пинкерсон таким нравоучительным тоном, что я не выдержал и ухмыльнулся. — Ну и вообще, вы, может, просто хорошо сохранились!

— М-да, — только и сказал я. Энтузиазм Пинкерсона бы да вместо движителя ротора турбины на электростанции в Кампочите — они бы все окрестные города снабжали…

— Наверно, надо еще и внешность указать, — озаботился он, по-своему поняв мою усмешку. — Гхм… как бы это… Высокий и стройный джентльмен, блондин с благородной проседью и голубыми глазами ищет ту, что составит его мужское счастье и разделит с ним радости жизни…

Он вдохновенно принялся черкать в своих записях, кажется, уже нисколько не сомневаясь в моем согласии.

С другой стороны, вдруг и правда в сети этой Черной Вдовы, как высокопарно именовал ее инспектор, попался Ларример? От одной мысли о том, что мой верный дворецкий может сейчас валяться где-то в канаве с разбитой головой, во рту стало горько.

— Вы мне льстите, — заметил я, запивая неприятный привкус коньяком.

— Ничуть! — отмахнулся Пинкерсон, не заметив иронии. — Надо ж вас покрасивее расписать! Чтоб она точно клюнула…

— У вас весьма бурное воображение, — вздохнул я, смиряясь с его сумасшедшей идеей. И правда, чем я рискую?

— Не такое уж и бурное, — польщенно заулыбался он. — Я тут образцы почитал. Для вдохновения!

И протянул мне потрепанный номер "Джеральдтаун Геральд".

— "Бедная, но честная девушка двадцати трех лет", — прочитал я первое попавшееся объявление, — "красивая и интеллигентная, ищет человека, который бы спас её от нужды и порока, куда её толкает тяжёлая жизнь. Будет благодарная своему будущему мужу".

— Мне там больше другое нравится! — доверительно признался Пинкерсон. — Про русалочьи глаза!

Я быстро нашел требуемое объявление.

— "Красивая, с русалочьими глазами, вся сотканная из нервов и оригинальности, зовет на праздник жизни интеллигентного, очень богатого господина, способного на сильное яркое чувство"… Хм, да вы романтик, инспектор!

— Ну что вы! — смутился он и принялся распихивать по карманам свои записки. И как он в них ориентируется? — Тут дело такое: объявление денег стоит, чем оно длиннее, тем, стало быть, объект состоятельнее.

Я признал, что он в чем-то прав.

— В общем, договорились! — сказал он. — Я прямо сейчас на телеграф. И, как говорится, будем искать женщину!

Хм. А ведь беркану можно трактовать и так!..

Окрыленный инспектор ушел, а я решил что все-таки нужно попытаться вздремнуть хоть часок-другой.

Сирил пропал бесследно, словно растворившись в темных глубинах дома. Надо думать, забился в какой-нибудь угол и, давясь от жадности, пожирает оставшиеся булочки! В животе у меня подозрительно заурчало…

Ночь я провел как на иголках, не сомкнув глаз ни на минуту. Как там моя Сигрид? Или это вовсе не она, а девочка видела какой-нибудь молочай? Молочаи неприхотливы, а с виду многие похожи на кактусы…

Я извелся так, что встал еще до рассвета, спустился на кухню, чтобы выпить чаю, и с изумлением застал там Сирила. Очевидно, кузен оголодал настолько, что решил приготовить себе завтрак и теперь, ругаясь, обреченно взирал на сковороду с полуобгоревшей тушкой сельди. Я прищурился: судя по всему, кузен додумался жарить рыбу нечищеной и без масла!

— Сирил, что ты делаешь? — осведомился я, зажимая нос и открывая окно.

— Не видишь, готовлю, — огрызнулся он. — То есть пытаюсь…

— Сирил, тебе сколько лет? — устало вздохнул я, прислонившись плечом к дверному косяку.

— Ну… Тридцать два, — сознался он. — И что?

— То, что пора бы тебе уже повзрослеть! — признаюсь, сил на выволочку Сирилу у меня не было. — Ты до сих пор полагаешь, что булки растут на деревьях? Тебе не хватает ума сообразить, что рыба не сама прыгает на сковородку уже чищеной и разделанной?

— Конечно, опять Сирил дурак, — буркнул он и вывалил свою стряпню в мусорное ведро. — Я бы с удовольствием сделал сэндвич, но у тебя в кладовой шаром покати!

— Правильно, меня же не было дома, — кивнул я и сжалился: — Иди поройся в багажнике. Там сэндвичи и пирожки. Еще булочки и паштет.

— Я мигом! — просиял кузен и рванул за провизией.

Не успел я доесть свою порцию, как в дверь постучали.

— Это мы, мистер! — услышал я уже знакомые голоса. — Вы готовы?

— Вполне! — ответил я, дожевывая и прихлебывая чай. — Минуту… Войдите пока, не стойте за дверью…

— Что же это вы, мистер, всухомятку? — удивилась Ханна. — Или у вас прислуги нет?

— Временно нет, — вздохнул я и объяснил, в чем дело.

— А кладовка у вас где? — деловито спросила Оскар, подвинула к плите табуретку, вскарабкалась на нее и живо развела огонь. — Ага…

В четыре руки эти две малявки живо притащили из кладовой яйца и прочее, и через пару минут на сковороде уже аппетитно шипела яичница с беконом.

— На себя-то сделайте, — велел я, опомнившись. — Да не стесняйтесь!

Яичница и оставшиеся пирожки вмиг исчезли со стола, и я почувствовал себя совершенно счастливым.

— Вот как бывает, когда в доме нет женской руки, — поучительно сказал я Сирилу, пока девочки мыли посуду.

— Кто бы говорил!

— У меня есть Мэри, просто пока она не может работать, — напомнил я. — А ты? Так вот придется жить своим домом, даже яичницу поджарить не сумеешь!

— А ты? — передразнил Сирил. — Тебе кто мешал это сделать?

— Гм… я об этом не подумал, — сознался я. — Я вообще не знал, есть ли в кладовой яйца. Но, в конце концов, их можно и сырыми выпить. Или сварить. В общем, Сирил, тебе пора жениться!

— Не понял, как из моей кулинарной несостоятельности вытекает необходимость женитьбы? — опешил он.

— А ты разве не собирался взять в жены миссис Вашингтон?

— Ну мало ли, что я собирался! — возмутился кузен. — Имею я право передумать?

— Я бы на это не рассчитывал, — сказал я, сходил за шляпой и вышел, оставив последнее слово за собой…

Конечно, девочки впервые ехали в таком роскошном автомобиле, а потому изо всех сил старались не напачкать, а вели себя, как мышки.

— Вот тот дом, мистер, — сказала Оскар, когда мы подъехали к бывшему кварталу художников. — Видите? С чердаком таким… Облезлый. Вот в нем я и видела тот цветок, не знаю уж, ваш или нет. Вы езжайте, а мы пойдем себе, а то вдруг увидит кто…

— Погоди, возьми хоть денег! — спохватился я.

— Вы нам уже давали, да еще накормили, — ответила Ханна. — А тот это цветок или не тот, еще не известно! Спасибо, мистер, нам бежать надо!

С этими словами обе выскользнули из машины и растворились между покосившимися обветшалыми домами.

Я вышел из автомобиля и посмотрел на указанный дом. По забавному стечению обстоятельств он был мне хорошо знаком: именно там я приобщался к высокому искусству с помощью художников наив-направления! Как много лет минуло с тех пор, подумал я с ностальгией, некоторые из тех энтузиастов и прославиться успели, видал я рекламные проспекты лондонских выставок…

Этот дом, несмотря на облезлые стены, выглядел чуть получше остальных, тут хотя бы помыли окна и покрасили рамы. Но это ерунда, главное, на подоконнике стояла моя Сигрид: я узнал бы ее из тысячи по кончикам ее иголок! И она цвела, моя бедная девочка, оставшаяся на полгода без хозяина…

Безо всяких сомнения я взбежал на крыльцо и постучал в дверь. Открыли не сразу, на пороге очутилась девочка ростом едва мне по пояс.

— Здравствуй, — сказал я, — а взрослые дома есть?

— Только я, — ответила она. — Взрослые днем работают, вы не знали, мистер?

Я поперхнулся от неожиданности.

— Скажи, пожалуйста, ты из тех, кто переехал из шахтерского поселка?

— Да. Вы заходите в дом, мистер. Брать у нас нечего, на бандита вы не похожи, вроде приличный джентльмен, — она посторонилась, пропуская меня. Где-то в глубине дома хныкал ребенок. — Вы из комитета этого? Как его?..

— Попечительского? Нет, я по другому делу… Кстати, как тебя зовут?

— Агнесс, — ответила она равнодушно. — Можно Несси, можно Энн, это как вам удобней, мне все равно. Так что за дело у вас?

Я присмотрелся. На вид ей было лет семь-восемь, хотя судя по худобе… наверно, больше. В форточку она пролезла бы запросто.

— У тебя на окне стоит цветок, — сказал я. — С колючками.

Он мой.

Девочка вздрогнула и попятилась. В луче света, упавшем из приоткрытой двери, стали видны штопаные-перештопанные чулки и слишком короткое платьице, из которого она давно выросла. У Энн были красивые темные глаза и очень серьезное выражение лица.

— А чего это вы так решили? — спросила она.

— Будто я мою Сигрид не узнаю, — ответил я. — Откуда взяться такому растению в вашем районе? Ладно бы герань или бальзамин…

Девочка потупилась.

— Если это ты влезла ко мне на чердак и взяла Сигрид, то верни, пожалуйста, — попросил я. — Она мне дорога. Если хочешь, я взамен подарю тебе… да хоть ту же герань. С кактусом ты не справишься, погибнет, жалко же.

Энн всхлипнула, но тут же сжала губы и выпрямилась.

— Вы же в полицию заявите…

— Да нет, зачем? Кто станет искать похитителя кактусов, сама подумай?

— Я не нарочно, — произнесла она. — Я… просто цветок такой красивый! У нас дома было много всяких, летом, конечно, ну и зимой вот герани цвели, у меня самые красивые! А забрать мне их не дали…

— Почему это? — удивился я.

— Потому что меня из милости соседка взяла, за детьми смотреть, пока сама работает, — мрачно ответила Энн. — А все мои в шахте остались. И отец, и мама с сестрой… Все же работали, Линн уже десять было, ее наняли отвалы разбирать, а мне рано еще… Ну и вот. И кому мои цветы нужны? Только вещи взяли, и то мало, не унести было…

Я промолчал, поежился — это было тяжело слышать.

— То есть ты сиротка? — спросил я, вспомнив, что тетушка Мейбл возглавляет какой-то очередной комитет: быть может, она сумеет помочь? Девочка кивнула. — А что ты умеешь делать?

— Все умею, — серьезно ответила Энн. — Работать только негде. Тут ребята злые, дерутся ужас как сильно! Вот я только одной леди помогаю телеграммы на почту носить, и все.

— А готовить умеешь? И еще что-то?

— Умею… из того, что есть, стирать, ясно, штопать, прибираться… Линн меня всему учит. Она на два года всего старше, но она умнее!

— Постой, ты же сказала, что вся твоя родня осталась в шахте, — не понял я.

— Да, — был ответ. — Только Линн меня не оставила. Учит

вот потихоньку.

— Может, тебе это… кхм, кажется? — осторожно задал я вопрос.

— Нет. Линн здесь, — твердо произнесла Энн. — Она всегда со мной, она никогда меня не бросит… Так чего вы хотели-то, мистер, а?

Я открыл рот… И закрыл. Из темного угла за спиной девочки показался Хоггарт, который отчаянно жестикулировал, пытаясь подать мне какой-то знак. Смысла его кривляний я не понял и слегка покачал головой.

Тогда призрак умоляюще сложил руки на груди, сделал большие глаза и кивнул на девочку. Хм, а вот это уже интересно! Чтобы Хоггарт за кого-то просил?! Не иначе, скоро небо на землю упадет…

— Послушай, Энн, — произнес я, — ты, как я понял, цветы любишь?

Она кивнула.

— Я вам отдам сейчас ваш этот, с колючками, — сказала она. — Я не нарочно. Увидела — бутон, ну и… Подумала — там таких много, и не заметит никто, что цветок пропал. Поставила вот на солнышко, он и распустился, хороший такой… Но мы больше ничего и не взяли. Там внизу у вас кто-то топать начал и ругаться, и мы убежали…

"Сирил вернулся с попойки!" — понял я и произнес:

— Я не сержусь. Скажи, а не хочешь ли ты пойти в услужение к солидной даме?

— А она драться не будет? — опасливо спросила Энн.

— Миссис Таусенд?! Да что ты! Отругать может, но не более того… И ей нужна помощница — герани поливать. У нее лучшие призовые герани в нашем графстве. Целый цветник…

— Ух ты! — Энн широко распахнула глаза, но тут же сникла. — Но нас же двое, мистер.

Я нахмурился.

— Линн, — напомнила она. — Моя сестра. Я без нее никуда, а эта ваша миссис не согласится на двоих…

Хоггарт в своем углу вдруг буквально подскочил на месте и ткнул пальцем.

Зажмурив здоровый глаз, я присмотрелся к тому, на что он показывал… Так и есть! За плечом Энн стояла еще одна девочка, чуть постарше и повыше ростом, но тоже худенькая и не в платье-обдергайке, а в штанах, как мои маленькие гостьи. Вот это новость…

Так вот почему Хоггарт прятался, понял я наконец: Энн способна видеть призраков!

— Я думаю, миссис Таусенд не станет возражать, но только если ты не станешь упоминать сестру вслух, — обтекаемо сказал я. — Советуйся с Линн, но помалкивай о ней, ладно?

— Ага! — лицо Энн озарила робкая улыбка. Кажется, девочка привыкла, что за упоминания о сестре ей достаются лишь косые взгляды, а то и тумаки.

Она метнулась на кухню и принесла мне Сигрид. Та дивно цвела!

— У тебя легкая рука, — похвалил я, придирчиво осмотрев растение и не найдя видимых изъянов. — Так поедешь к миссис Таусенд?

— Ну а отчего бы не попробовать? — рассудительно сказала та. — Я только пальтишко да ботинки возьму, мистер. Больше и нечего, все младшим отдали, я выросла уже из этого. И еще соседке скажу, чтобы за мелюзгой смотрела…

"Боже, что скажет тетушка?" — подумал я. Впрочем, меня больше интересовало, что она скажет, узнав о похождениях Сирила! На фоне его приключений с фонарем судьба маленькой сиротки явно не котировалась.

На пороге я обернулся — Хоггарт каравеллой плыл следом за нами. Я приотстал, позволяя девочке первой выскочить на улицу, и сказал тихо: "Хоггарт, вас там жена ищет, вы не забыли?"

Кажется, призрак икнул. Потом судорожно кивнул — и растворился в воздухе.

При виде моего золотистого автомобиля Энн вытаращила глаза. А увидев сад миссис Таусенд — в это время года он был несказанно хорош, — потеряла дар речи…

— Виктор? — удивленно встретил меня суперинтендант. — Что-нибудь случилось? Не то чтобы я не рад был вас видеть, но…

— Да понимаете, я миссис Таусенд служанку нашел, причем совершенно случайно, — пояснил я. Энн осторожно высунулась из-за полы моего пальто.

— Это ваше "случайно" хуже мировой войны, — изрек Таусенд, разглядывая чумазое диво. — Дорогая! Иди посмотри!

Миссис Таусенд выплыла на зов, увидела девочку и всплеснула руками.

— Господи! — воскликнула она. — Ты когда ела последний раз?!

— Вроде вчера, миссис, — та изобразила неуклюжий реверанс. — Ну и так… чай с хлебом сегодня.

— Что на тебе за ужасное тряпье? Когда ты мылась?!

Энн вжала голову в плечи.

— Миссис Таусенд, она сирота, из тех переселенцев, — осторожно сказал я. — Конечно, она слишком мала, вдобавок, вы

предубеждены против этих людей… Однако, думаю, Агнесс может вам пока помочь. Ей некуда идти.

— Ах вот как! — та уперла руки в бока. — Вы сказали, миссис Стивенсон возглавляет комитет?.. Ну так мне нужно с ней побеседовать! Она чересчур мягка…

Я содрогнулся, представив этот тандем. И еще я представил, как отреагирует тетушка, узнав, что слишком мягка, оказывается!

— Иди на кухню, — велела миссис Таусенд девочке. — С плитой разберешься? Ставь греть воду в большой кастрюле, я тебе потом помогу снять горячую. Тебя нужно отмыть, не дай бог вши… А платье… О боже, Джордж, ну почему ты сидишь и ничего не делаешь?!

— А что, мне нужно вскочить, отловить на лугу лорда Блумберри овцу, остричь ее, спрясть шерсть и соткать сукно на платье этой девочке? — флегматично отозвался он, раскуривая трубку. — Уволь, дорогая. Тебе нужна подмога по хозяйству, ты и занимайся с нею. Кстати, как ее имя?

— Агнесс, — повторил я. — Но она отзывается на Энн.

— Джордж, — повелительно произнесла миссис Таусенд. — Немедленно езжай и купи хоть какое-нибудь готовое платье. Ребенок не может ходить в таких обносках! И поживее!

— Но я выпил за обедом! Прикажешь мне оштрафовать самого себя?

Супруги переглянулись и уставились на меня.

— Я подвезу, — сказал я. А куда мне было деваться?

Почти невидимая на свету Линн улыбнулась и сделала неуклюжий реверанс, после чего исчезла. Видимо, полетела вслед за сестрой. И как бы мне предупредить Джорджа?..

— Ну вы даете, Виктор! — покачал головой Таусенд, выслушав по дороге мой немудреный рассказ. — Вечно вы всем помогать рветесь!

— Уж простите, — развел руками я. — Ничего не могу с собой поделать.

— И как мне теперь с ней быть, а? — Таусенд потер переносицу и пригладил бакенбарды. — Додумались же, очередную воровку ко мне пристроить!

— Энн хорошая девочка, — возразил я тихо и посмотрел на него искоса, склонив голову к плечу. — А что воровала… Так не от хорошей жизни, согласитесь, Джордж?

— Эх! — Таусенд махнул рукой. — Ладно уж, Виктор, уговорили. В людях вы разбираетесь, я уже не раз убеждался.

— Спасибо за доверие, — иронично сказал я…

В общем, когда через час я высадил Таусенда у его дома, он уже нес все необходимое для девочки.

От приглашения на чай я отказался. Конечно, Таусенды — милая пара, однако, признаюсь, я уже немало помотался сегодня. Зато (я скосил глаза на Сигрид, блаженно растопырившую колючки на соседнем сиденье) все закончилось хорошо!

С этой оптимистической мыслью я и распахнул дверь в свой особняк.

*

Устроив бедняжку Сигрид на прежнем месте, я убедился, что остальные мои питомцы чувствуют себя прекрасно. Правда, мое дивное настроение пошло прахом, когда я услышал, как чертыхается внизу Сирил, сражаясь с непокорной плитой.

Сообразив, что порядка (и обеда!) в доме не будет минимум пару недель, пока не вернутся Мэри и Ларример (если вернутся оба!), я совсем затосковал. Конечно, можно уехать в Лондон — в Географическом обществе меня будут рады видеть. Но на кого оставить оранжерею? Доверить моих бедняжек Сирилу? Ни за что! Больше я никогда не совершу столь опрометчивого поступка!

От одной мысли, что могло статься с моими питомцами под присмотром кузена, у меня нехорошо засбоило сердце.

Чтобы успокоиться, я вынул из кармана мешочек и фляжку, подумал — и, глотнув обжигающей жидкости из фляги, вытянул наугад одну руну.

М-да. Беркана, на этот раз в прямом положении. Полагаю, это следует расценивать как совет создать очаг спокойствия, отгородиться от суеты внешнего мира… Легче сказать, чем сделать!

Есть хотелось все более ощутимо, и я отправился на кухню. Сирил, как я и думал, отыскался там. От булочек не осталось даже крошки, в кладовой я нашел только крупу, немного бекона, лук с морковью и пару яиц. Судя по скорлупе в мусорном ведре, кузен последовал моему совету и выпил их сырыми… Странно, что бекон не слопал, хотя… интересно, это отпечаток мышиных зубов или человеческих?

На кухне сильно пахло чем-то горелым, и я снова открыл окно. Честное слово, если Мэри прибьет Сирила любимой сковородкой за то, что тот сжег на ней очередной свой кулинарный шедевр, я возражать не стану!

— Что ты готовил на сей раз? — спросил я.

— Хотел поджарить яичницу, — вздохнул он. — И даже на масле! Но кто же знал, что она так быстро горит? Отвернулся буквально на минуту, и поди ж ты…

— И чем это ты так увлекся? — спросил я, вглядываясь в конверты на столе, и тут же возмутился: — Сирил! Кто тебе разрешил вскрывать мою корреспонденцию?

— А? Что? — он попытался сгрести бумаги в кучу, но не успел, я уже все увидел, да и косвенных улик было более чем достаточно!

Руки кузена оказались перепачканы типографской краской: видимо, Сирил начал с газет (которые в отсутствие Ларримера, конечно, никто не проглаживал), а потом заскучал и принялся за письма.

— Мои письма! — с укоризной сказал я и присел за стол.

— А, так я твои не читал, — с очаровательной детской непосредственностью отмахнулся мой великовозрастный кузен.

— А это что? — я кивнул на вскрытые конверты.

— Вик, ну что ты, в самом деле? За кого ты меня принимаешь? Я только рекламу читал!

И Сирил продемонстрировал мне какие-то буклеты.

— Зачем? — удивился я. — Не думаю, что ты выбираешь корсет или мазь от… хм, мужских проблем.

— Да ну, скажешь тоже! — он насупился. — Так, полистал от скуки… Зато я нашел себе хобби!

— Какое? — с опаской уточнил я.

— Буду наблюдать за птичками! — Сирил помахал брошюркой с малиновкой на титульном листе.

От неожиданности я аж поперхнулся очередной нотацией.

Кузен заботливо похлопал меня по спине.

— Ты шутишь? — наконец откашлявшись, я повернулся к Сирилу.

— Не-а, — он присел на край стола и легкомысленно покачал ногой в модном узконосом ботинке. — Ну Вик, ты же сам мне говорил, что нужно найти себе занятие. И мама говорила…

— М-да.

Признаюсь, я полагал, что нравоучения Сирил пропустил мимо ушей.

— И Мирабелла тоже, — со вздохом закончил он.

Я спрятал улыбку, наконец поняв причины столь резких изменений: женщина способна полностью изменить жизнь мужчины вне зависимости от его желания. Собственно, поэтому я и не женат.

— Вообще-то мы имели в виду, что тебе стоило бы найти работу, — сообщил я без особой надежды.

— Нет уж, увольте, — протянул кузен и скривился. — Я пробовал, мне работать не понравилось.

Ну что ты с ним будешь делать, а?..

— Вик, поесть бы… — вздохнул он.

— Вон кладовая, в ней что-то есть, ты сам сказал, — ответил я.

— Но что с этим делать?! — воскликнул Сирил, и я тяжело вздохнул.

Потом встал, снял пиджак, аккуратно повесил его на спинку стула и закатал рукава.

— Неси всё сюда, — велел я. — А потом налей кастрюлю воды и поставь на огонь! И сковородку помой…

— А что ты собрался готовить? — с интересом спросил Сирил.

— Ирландское рагу, — мрачно ответил я, разглядывая ингредиенты. — Не бойся, не отравлю…

Скоро в кастрюле уже варилась каша с овощами и беконом. Выглядела она не слишком аппетитно, но пахла весьма и весьма недурно… После пары суток пути, бывало, и не такое съедали, а уж горячую (пусть и немного пригоревшую), с маслом и вареными яйцами — смели бы моментально. Как, впрочем, и мы с кузеном.

— Не подозревал в тебе таких талантов, — сказал он, сыто икнув. Потом подумал и добавил обиженно: — И потому ты и не женишься? Сам по хозяйству можешь того-сего, если приспичит?

— Именно, мой бестолковый кузен, — благодушно ответил я. — Уж с голоду возле кладовой не умру!

Сирил тяжело вздохнул и без напоминания принялся мыть тарелки…

— Имей в виду, — сказал он, — в кладовой больше ничего нет. Капусту я не считаю.

— Отлично, — вздохнул я. — Будет повод наведаться к тетушке. Сдам тебя ей с рук на руки, а заодно и перекушу…

*

Прекрасным теплым днем мы приближались к дому тетушки Мейбл.

Я рулил, наслаждаясь подзабытым ощущением (в Мексике автомобиль пока поди сыщи!), а кузен крутил головой и напевал какую-то развеселую песенку.

— Сирил, — не выдержал я, сворачивая на подъездную аллею, — прекрати, пожалуйста. Ты ужасно фальшивишь!

— Какие мы нежные! — фыркнул он. — И вообще, сейчас это модно!

Я лишь поднял бровь, и кузен умолк. Мода модой, а раздражать меня более необходимого он не рисковал. Даже волосы пригладил, но это уже не про мою честь. Тетушка страшна в гневе!

Чета Стивенсонов сидела за столом: сверкала серебром пузатая крышка, под которой, судя по аромату, было сокрыто сочное жаркое, аппетитной горкой высился печеный картофель, поблескивало масло в масленке…

— Добрый день! — радостно сказал я.

— Ах, Виктор, — тетушка Мейбл скупо улыбнулась и подставила для поцелуя напудренную щеку. Сирила она словно не заметила. — Добрый вечер.

Полковник коротко кивнул и поспешил скрыться за газетой.

А блудный сын непринужденно плюхнулся на ближайший стул и принялся за обе щеки уписывать картофель.

— Тетушка, с чего вдруг такая немилость? — непритворно удивился я. — Признаюсь, я очень соскучился…

— Я тоже, — кивнула она, как-то напряженно меня разглядывая. — Должна признать, путешествие пошло тебе на пользу: загорел, постройнел…

— Как-то неодобрительно вы это говорите, — заметил я и склонил голову к плечу.

— Ну что ты, — неубедительно запротестовала тетушка, постукивая пальцами по столу, и взгляд ее сделался тяжел. — Я очень… — она запнулась и поправилась: — чрезвычайно рада, что ты наконец взялся за ум! Однако ты мог бы положиться на мой жизненный опыт и знание людей!

— Кхм, — кашлянул я, прикидывая, что именно она имела в виду.

Не мои мексиканские приключения, это точно. Тогда что? Неужели миссис Таусенд уже успела сцепиться с тетушкой Мейбл из-за беженцев? Или она о родах кухарки? Или… Да мало ли родственницы могут найти в жизни взрослого мужчины поводов для недовольства!

Сирил, негодяй, ел так, что аж за ушами трещало (и тем наверняка надеялся смягчить материнское сердце). Хотя эти уши — чуточку оттопыренные, крупные — наверняка не упустили ни словечка из сказанного.

— Тетушка, — наконец сказал я, устав от неопределенности, — вы о чем?

— Вот об этом! — и она величаво кивнула на лежащий на столе свежий номер "Джеральдтаун Геральд".

Я присмотрелся… точно! Колонка брачных объявлений!

Признаюсь, еще немного, и я бы покраснел. Ох уж этот Пинкерсон! Наверняка задействовал какие-нибудь связи, чтобы объявления попали в газету поскорее…

— Виктор, — продолжила тетушка укоризненно, — почему ты не пришел ко мне? Я бы охотно познакомила тебя с одной из дочерей моих подруг…

Сирил поперхнулся, вспомнив выводки этих самых дочерей. Выводки, поскольку более всего эти девицы напоминали куриц, только в шелках и рюшах. Впрочем, перьев — на шляпках и в

прочей отделке — тоже было предостаточно.

Я глубоко вздохнул… и пошел ва-банк. А что мне еще оставалось?

— Тетушка, понимаете, это в интересах расследования!

— О, — только и сказала она, приглашающе указывая на стул рядом, и кивнула лакею.

Тетушка смилостивилась и соизволила меня накормить. А я, признаюсь, к этому часу изрядно проголодался.

Однако затем мне пришлось рассказывать все без утайки…

— Как любопытно, — только и сказала тетушка Мейбл, когда я умолк, и постучала холеным пальцем по газете. — Выходит, это неправда? И ты вовсе не вознамерился связать себя, наконец, узами брака?

Сирил даже перестал жевать, так явственно слышалась угроза в ее мягком обычно голосе.

— Возможно, когда-нибудь… — ответил я неопределенно и поспешил сменить тему. — Тетушка, а откуда вы узнали, что объявление дал именно я?

В конце концов, имени в газете точно не называли! Или я убью Пинкерсона…

— Вик, — тетушка посмотрела снисходительно, — неужели ты думаешь, что в Блумтауне можно сохранить в тайне такие вещи? Твой посыльный, конечно, ушлый малый, но…

Она сделала многозначительную паузу.

"Все-таки я его убью!" — подумал я обреченно.

Не посыльного, разумеется, он-то ни при чем! Не сомневаюсь даже, что соответствующий приказ отдал ему лично инспектор, и тот сболтнул что-нибудь на почте, а оттуда уж, из этого рассадника сплетен, информация просочилась к тетушке. С другой стороны, так наживка, должно быть, выглядит куда привлекательнее. А уж лучше я, чем мой бедный Ларример!

Вспомнив о своем верном дворецком, я поспешил откланяться, но сперва вручил родственникам сувениры из жаркой Мексики. Тетушке я привез роскошную кружевную мантилью, а полковнику — теплое пончо экзтической расцветки и сомбреро с полями выдающейся ширины (оно было не меньше тележного колеса, это уж точно).

— Какая интересная штука, — заметил он довольно, примерив сие одеяние, больше всего напоминающее плед с дыркой для головы. — Удобно.

И, прищурив глаза, полковник дернул себя за ус. А я вообразил его сидящим в кресле у камина: под широкими полями сомбреро можно и подремать, пока тетушка рассуждает вслух, скажем, о воспитании драгоценного сыночка. Главное, не

захрапеть, а то достанется на орехи!

— Вик, погоди! — окликнул меня запыхавшийся кузен (а меньше нужно в гостиной сидеть и больше на свежем воздухе бывать!), когда я уже уселся в автомобиль. — Возьми меня с собой, а?

"Я тебе еще пригожусь!" — вспомнилась фраза из сказки.

— Зачем, позволь узнать? — склонил я голову к плечу. — Ты же только что приехал!

— Ну-у-у, — протянул он, потупившись. — Мама собралась инспектировать какое-то там жилье для беженцев и все такое… А мне эта ее благотворительность уже в печенках сидит!

— Хм, — я завел мотор, и кузен заторопился:

— Вик, ну хочешь, я пока у Мирабеллы пару слуг одолжу? У тебя же надо убрать там, готовить…

А вот это предложение было дельным: у тетушки Мейбл слуг всегда было немного, а у меня самого ситуация с ними сложилась и вовсе катастрофическая.

— Ладно, — вздохнул я. — Садись.

Кузен просиял и словно по волшебству оказался внутри.

— Давай тогда сначала к Мирабелле, — предложил он, захлопнув дверцу. — А потом подбросишь меня до центра, ладно?

— Ну ты и обнаглел, — констатировал я. Впрочем, в этом ничего необычного не было. — А матушке своей что скажешь?

— А, я уже сказал, — махнул рукой он, — что нашел себе хобби. А теперь надо ведь всякие прибамбасы для этого дела купить: бинокль, сачок, что там еще нужно? Кстати, ты же одолжишь мне денег?

Я только глаза закатил…

***

Надеясь подольше избегать бдительного присмотра любимой матушки, Сирил развил бурную деятельность. Для начала он и впрямь уговорил миссис Вашингтон одолжить мне горничную, кухарку и лакея. Затем он добрый час провел в небольшом магазинчике, о чем-то живо разговаривая с молоденькой продавщицей. Хм, надеюсь, он ей не свидания назначал?

Я же сидел на открытой веранде кафе напротив, наслаждаясь теплым августовским вечером, чашечкой вкусного чая с молоком (ах, как мне недоставало в путешествиях этого уютного комфорта!) и думал о своем.

А именно о том, что не стоит более ждать у моря погоды: Ларример исчез уже несколько дней назад, да еще при столь странных обстоятельствах, а я даже не удосужился обыскать его комнату!

Разумеется, меня извинял захвативший меня водоворот престранных событий, но…

Я решительно встал, расплатился за чай и вознамерился выволочь драгоценного кузена из того магазинчика за шкирку, раз уж он совсем позабыл о совести. Однако у Сирила за долгие годы общения со мной, должно быть, развилось некое чутье, и он подскочил к автомобилю вперед меня.

— Вот! — он гордо потряс увесистым свертком. — Теперь у меня есть все необходимое, чтобы стать настоящим натуралистом!

Последнее слово он произнес сочно, со смаком, еще и глаза прищурил довольно…

По дороге в мой особняк Сирил щебетал что-то, подобно тем самым птичкам, которых столь внезапно возлюбил. Он изо всех сил притворялся милым воркующим голубем. Хотя, зная моего

кузена, я мог сказать, что ему больше подошел бы павлиний хвост или хотя бы малиновая грудка…

М-да, на месте миссис Вашингтон я бы дважды подумал, прежде чем связываться с таким разгильдяем. Впрочем, я ведь не женщина, откуда мне знать о том, что у них на уме?

Надо отдать ей должное, миссис Вашингтон прислугу вымуштровала отлично. Всего за несколько часов мой дом приобрел вполне жилой вид, и даже с кухни тянуло запахами чего-то незнакомого, но, несомненно, аппетитного.

— М-м-м, — нос Сирила повернулся в ту сторону, как флюгер на ветру. — Вкусно пахнет!

— Это радует, — сдержанно заметил я, мысленно отметив, что нужно проверить моих питомцев и отдельно понаблюдать за Сигрид — как еще сказались на ней все эти треволнения?

Пока я составлял в уме список неотложных дел, кузен сбросил свою ношу на ближайший столик, распотрошил пакет и попятился.

— Ну, мне пора! — жизнерадостно сообщил он, накидывая на шею ремешок бинокля.

— Эй, куда это ты собрался? — спохватился я. — Мы ведь только приехали!

Хм, кажется, я уже сегодня это говорил…

— Дела, — махнул рукой Сирил уже с той стороны порога. — Извини, спешу. Вернусь поздно!

И был таков.

М-да, похоже, мне следовало привезти в подарок его невесте лассо или бола. В семейной жизни с Сирилом они ей точно пригодятся!

— Сэр, какие будут распоряжения? — почтительно осведомился лакей.

А я подумал, что со стороны моего кузена весьма опрометчиво так вести себя на глазах у прислуги миссис Вашингтон. Глаз даю, что ей сегодня же обо всем донесут…

К обеду Сирил так и не явился, видимо, довольствовался малым, как птички небесные. Зато меня почтил визитом другой гость.

— Сэр, к вам инспектор Пинкерсон! — важно сообщил лакей, тощий, как жердь. Держался он так, словно эту самую жердь проглотил. Он уточнил с некоторым сомнением: — Впустить?

— Разумеется, — ответил я, впрочем, без особого энтузиазма.

По-моему, некогда тихий Блумтаун в последние годы стал центром странных событий, убийств и прочих подозрительных происшествий. Не хотелось думать, что к этому как-то причастен я, но все указывало именно на это.

— Не надо меня провожать! Спасибо, сам найду! — донесся из холла голос Пинкерсона. — Ну же, я знаю, где кабинет!

— Сэр, — вежливо, но настойчиво возразил лакей, — мистер Кин изволит обедать. Прошу за мной.

— О, — кажется, инспектор несколько растерялся. — Ладно.

И широким шагом вошел в столовую, где я как раз закончил вкушать ростбиф с грибами. Все же в чисто английской кухне есть свои прелести!

— Здравствуйте, инспектор, — благодушно произнес я, — присаживайтесь. Рамзи, еще один прибор, будьте добры.

— Я не хотел навязываться, — смутившись, пробормотал полицейский. А глазки-то при виде изобилия на столе заблестели! — Очень неловко вышло, м-да.

Но он все же уселся, прижимая к себе внушительную сумку.

— Инспектор, — заметил я мягко, — вы можете оставить свои вещи. Думаю, тут они будут в целости и сохранности. Или у вас там сверхценные вещественные доказательства? Похищенная корона Капетингов или какой-нибудь алмаз раджи?

— А? Что? — не понял Пинкерсон, но тут же сообразил: — А, нет, пока не доказательства… но я надеюсь, что они ими станут. Это всё ваше!

И, вскочив, он вывалил на ближайшее кресло целый ворох разномастных писем.

Каких тут только не было! Конверты надушенные и покрытые подозрительными пятнами, разрисованные нежнейшими хризантемами и из дешевой желтой бумаги, толстенные и почти невесомые, надписанные изящным тонким почерком с завитушками и корявыми каракулями…

— Что это? — осведомился я, не торопясь брать это в руки.

— Ну письма же! — Пинкерсон посмотрел на меня с недоумением, мол, что тут непонятного, и потер кончик длинного носа. — От девиц, которые хотят познакомиться. Кажется, вы пользуетесь успехом, мистер Кин! Только, уж извините, придется вам самому читать и отвечать. А то я же в этих всех правилах этикета — как свинья в апельсинах!

Я с ужасом посмотрел на это изобилие, а затем тряхнул головой, избавляясь от видения себя, погребенного под завалами корреспонденции. И это ведь только первые ласточки!

— Постойте, но ведь у вас, кажется, была подозреваемая? — уточнил я на всякий случай.

— Ну да, — кивнул он.

— И вы просили всех претенденток выслать фотокарточки? — продолжил гнуть свое я и глотнул воды, чтобы промочить внезапно пересохшее горло.

— Вы же видели объявление, я написал, что карточка желательна. — Инспектор кровожадно вонзил нож с вилкой в аппетитный кусок мяса и добавил, едва прожевав: — Понимаете, мистер Кин, у нас нет ее точных примет!

Я даже поперхнулся бренди, которого щедро плеснул себе, чтобы успокоиться.

— Постойте, — кое-как восстановив дыхание, я знаком попросил лакея убрать приборы. Аппетит куда-то пропал. — То есть вы действуете наобум? И вообще, как это — нет примет? С ваших слов я понял, что пострадавших было немало.

— Да, — он понурился, едва не обмакнув в тарелку кончик носа. — Заявлений у нас множество. Только, понимаете, они толком-то ничего не помнят! Ну, потерпевшие.

— Хм-м-м… — протянул я. — Тогда с чего вы решили, что действовала одна и та же дама? Как вы ее назвали: Черная Вдова?

— Мне так подсказывает сыщицкое чутье, — ничуть не смутился он и тоже отложил приборы. Тарелка сияла чистотой, видно, инспектор с утра был на ногах и порядком оголодал. Что ж их там, в полиции, совсем не кормят, что ли?.. — Давайте начистоту, мистер Кин?

— Давайте, — кивнул я, уже понимая, что мое согласие на участие в этой авантюре было поспешным.

— Ну понимаете, в полицию заявили пятеро, и есть еще те двое, убитые. Почерк один, понимаете?

— В смысле, письма написаны одним почерком?

— Да нет же! — воскликнул Пинкерсон с досадой от моей недогадливости. — Я имею в виду сходство манер, повадок и всего такого. А так-то она разными именами называлась, а писала разными почерками… И внешность все потерпевшие разную описывали! И ладно бы волосы — парик раздобыть несложно, но и черты же менялись! То ли она как-то гримируется, то ли я неправ, и это разные женщины… Эх!

Он махнул рукой и торопливо глотнул из своего бокала. Облизнулся и уставился на него с удивлением.

— А недурно, мистер Кин!

Я лишь улыбнулся. Сам я предпочитал напитки покрепче, но этакой страсти сейчас предаваться невместно.

Но к делу! Конечно, при описанных обстоятельствах неудивительно, что Таусенд отнесся к версии Пинкерсона скептически. Но я уже не раз сталкивался с этим въедливым следователем, и знал, что нюх на дела у него отменный.

— Знаете, — я задумчиво постучал пальцами по столу. — Если вы не против, я хотел бы осмотреть вещи моего дворецкого. В вашем присутствии, понимаете?

— Чтобы придать обыску официальность, — понятливо кивнул он и промокнул губы салфеткой. — Что ж, я готов!

В комнате Ларримера было как-то пустынно. Впрочем, он всегда отличался повышенной аккуратностью, так что глупо было ожидать найти разбросанную одежду или бритвенные принадлежности.

В шкафу не оказалось дорожного костюма и выходного, а вот те два, в которых Ларример исполнял свои обязанности, остались на месте. Не хватало также выходных штиблет и верхней одежды (да, он тот еще щеголь, вдобавок старается соответствовать статусу). С одной стороны, это обнадеживало — он явно собирался вернуться. С другой — подтверждало версию о том, что мой дворецкий мог пасть жертвой какой-то обольстительницы.

Не нашлось также тех самых бритвенных принадлежностей, вернее, всего старомодного несессера, который я помнил с детства, и, что самое странное, исчез аквариум с неизменной золотой рыбкой!

— Ну не на свидание же он с ней отправился, он же не вы, — сказал Пинкерсон, когда я изложил ему свои наблюдения.

— То есть? — не понял я.

— Вы, по-моему, вполне могли бы пойти на встречу с дамой с кактусом наперевес, вместо цветка в петлице, — пояснил инспектор и принялся потрошить ящики секретера. — Но, скорее, это Ларример оказался доверчивой рыбкой, заглотил наживку, а кто-то ловко подсек бедолагу… Так, счета, счета, это какая-то старая корреспонденция… Глядите-ка, газета!

— И объявления обведены… — похоронным тоном произнес я, сглотнув.

— Так-так… — Пинкерсон расправил газетный лист и прочитал: "Милая прелестница томится в одиночестве в ожидании своей судьбы. Необходим опытный привлекательный кавалер в летах, чтобы получить отличное здоровое потомство ко взаимной выгоде". Хм… А вот еще: "Ищется пара для пышной опытной красавицы, уже не раз состоявшей в браке и имевшей детей. Желателен молодой активный мужчина." Вот дамочки пошли, а!

— Да-а… — протянул я, разглядывая подобные объявления. — Это же надо такие эпитеты подобрать! "Золотая вертихвостка"! Должно быть, какая-нибудь кокотка.

— И обойдется в самом деле дорогонько, — вздохнул Пинкерсон и посерьезнел. — Однако неужто ваш Ларример мог попасться на такие разбитные объявления? Я бы еще понял, если бы он искал спутницу жизни средних лет, не молодую девицу. К тому же, насколько я понимаю, он хоть и обеспечен, но не богат, а

таким подавай капиталец!

— Да, как-то мне сложно представить, что должно было произойти, чтобы Ларример вот так сорвался с места… — вздохнул я. — Хоть письмо бы написал! Нет, обошелся телеграммами…

— Может быть, он рассчитывал вскоре вернуться? — предположил инспектор. — Потому и не стал писать много. Но, видимо, угодил в сети…

— Уж как вы меня утешили, слов нет! — воскликнул я.

— Ладно, эти объявления мы проверим, — сказал он и по-приятельски потрепал меня по плечу. — Найдем, что за вертихвостка такая сманила вашего дворецкого! А чтобы дело двигалось поскорее, садитесь-ка за письма, мистер Кин… Заодно и не будете думать о скверном, отвлечетесь…

— Пинкерсон, — произнес я, — скажите, а мне за добровольное вспомоществование полиции в расследовании полагается какое-нибудь вознаграждение?

— Я могу написать о вас в "Вестник полиции", — охотно предложил инспектор, — в лондонский!

— Спасибо, лучше не стоит, — пробормотал я, памятуя о его эпистолярных успехах.

— Если хотите, я вам помогу с ответами, — добавил он. — Только недолго, у меня еще дел по горло.

— Право, не нужно, — с нажимом ответил я, только представив, в *каком* стиле он сочинит письма…

"Двадцать седьмого августа сего года, примерно в два часа двадцать семь минут пополудни, вследствие того, что я увидел Вашу фотокарточку, у меня произошли сбои в работе сердечной мышцы…"

Неповторимая полицейская манера, ничего не попишешь!

— Ну тогда я пошел, — заявил он. — До встречи! И не отлынивайте, мистер Кин, это в ваших же интересах!

За ним закрылась дверь, а я вздохнул, взял бутылку коньяка и пошел читать письма…

Разбудил меня грохот.

Признаюсь, я даже был рад, что меня выдернули из кошмаров, в которых толпа девиц, вдов и старых дев тянула ко мне руки, норовя оторвать хоть кусочек…

Бр-р-р!

Несомненно, подобные видения стали закономерным следствием просмотра на ночь фотографических карточек потенциальных невест.

Некоторые даже Пинкерсона впечатлили, он сам сказал (он ведь сунул длинный нос в письма, прежде чем передать их мне), а

ему довелось многое повидать! Впрочем, мне тоже (чего только стоили дикарки с изуродованными татуировками лицами, странные девушки с длинными-длинными шеями, унизанными металлическими кольцами или с тарелками в нижней губе!), однако помогало это слабо.

Один портрет в точности воспроизводил классический образ строгой няни, за малейшие провинности лишающей детей сладкого и ставящей их коленями на горох. Другой являлся воплощением злой ведьмы из сказки (ах, эта бородавка на крючковатом носу!). Третий и вовсе больше напоминал ужасную людоедку, чем настоящие людоеды…

Я встряхнул головой, изгоняя из нее воспоминания, и босиком выглянул в коридор.

По лестнице, шатаясь и громко напевая неприличную песенку, шествовал расхристанный Сирил.

— Где ты был? — поинтересовался я, подавив зевок.

— Я?! — удивился он, ткнув себя пальцем в грудь. — Ну… Я… Птичек наблюдал! Ночных! Вот!

Кузен воздел палец, и я молча схватил его за шкирку, не обращая внимания на пьяные угрозы, оттащил в комнату и запер.

Сирил тут же затянул очень жалостливую песню о вскормленном в неволе молодом орле, которого жестокие люди заперли в клетке.

И где он такого набрался только? Эта орнитология на него дурно влияет, вот что. Завтра же передам кузена с рук на руки тетушке Мейбл! Не хватало только, чтобы из-за выходок Сирила расстроилась свадьба! Поди найди другую такую женщину, которая и тетушку устроит, и Сирила сумеет держать в ежовых рукавицах…

***

Наутро я, невзирая на возмущение и попытки отбиться, отконвоировал кузена к тетушке Мейбл.

— Сволочь ты, Вик! — буркнул он, мрачно глядя на увитую розами и виноградом веранду у дома. — Я же все сделал, что обещал! А ты?!

— Я тоже, — пожал плечами я. — Сроки твоего пребывания в моем доме мы не оговаривали.

Иногда юридическое образование очень полезно, я отмечал это неоднократно.

Сирил окинул меня хмурым взглядом и нехотя выполз из автомобиля. Передвигаться нормально он не мог: кажется, в голове его любое резкое движение отдавалось болью.

Тетушка обнаружилась в холле. Она как раз надевала перчатки.

Хм, интересно, куда это она собралась в столь ранний час?

— Вик? — удивилась она, поправляя печально поникшего клювом дрозда на шляпе. — И Сирил, дорогой!

Сирил покорно поцеловал маму в щеку, и даже вид зверски замученной птички его не заинтересовал. Он был более занят тем, что старался не дышать на родительницу ядреным перегаром.

— Здравствуйте, тетушка, — я улыбнулся. — Куда вы спешите? Может быть, вас подвезти?

— Ах, не нужно, — она отмахнулась. — За мной заедет Мирабелла. Ты что-то хотел?

— Да, — решился я. — Во-первых, я завез Сирила. А во-вторых, хотел бы попросить вас о небольшом одолжении. Видите ли, мне нужно ответить на письма милых дам…

С улицы посигналил автомобиль.

— А, понимаю, — оборвала меня тетушка. — Но ничем не могу помочь. Видишь ли, миссис Таусенд обвинила меня в небрежении! Меня! Она заявила, что я не занимаюсь должным образом делами бедных шахтерских семей!

— Кхм, — только и ответил я.

Не зря ведь говорят, что любое доброе дело не остается безнаказанным… И никогда не знаешь, что вырастет из зернышка, брошенного в землю!

Тетушка поджала тонкие губы и продолжила чопорно:

— Мы с Мирабеллой решили доказать, что она неправа! — она решительно стукнула зонтиком по полу, да так, что паркет затрещал. Должно быть, я выглядел расстроенным, поскольку тетушка смягчилась: — Если хочешь, Вик, возьми в библиотеке письмовник. Там есть общепринятые ответы на письма.

С улицы вновь посигналили, теперь уже дольше и нетерпеливее.

— Ах, мне пора! Простите, убегаю!

И тетушка, улыбнувшись нам напоследок, торопливо вышла из дома.

— М-да, — я уныло почесал бровь.

Возможно, в этом загадочном "письмовнике" и содержались ответы на стандартные приглашения в гости или вежливые открытки к Рождеству, однако едва ли так разъяснялось, как отвечать на целые страницы, исписанные романтической чушью. Я уж не говорю о посланиях "опытных дам", изобилующие пассажами вроде: "Я снимаю подвязку с правой ноги и медленно распускаю шнуровку корсета…"

— Слушай, Вик! — прервал мои мрачные размышления оживившийся Сирил. — А давай я вместо тебя буду на письма

отвечать? Наймешь меня секретарем, а?

— Ты? — усомнился я.

— А почему нет? — он приосанился. — Я же пользуюсь успехом у девушек!

Пожалуй, успехом он пользовался у "воробышков" — горничных, бедных поэтесс и прочей мелюзги. Но хоть часть писем можно на него свалить, и на том спасибо!

А на самые перспективные (разумеется, в плане расследования!) придется отвечать лично…

— Так и быть, — сказал я. — По рукам. Садись и поехали обратно, время не ждет!

***

— Ну ничего себе! — при виде груды писем Сирил присвистнул. — Да ты у нас самый завидный холостяк в округе!

Нужно было срочно пресечь поток насмешек (а заодно и предупредить возможность, что кузен от моего имени наобещает чего-нибудь нежелательного), а потому я поднял бровь и пообещал ласково:

— Сирил, я же могу и правда жениться. На какой-нибудь пожилой леди, которая охотно станет воспитывать моего непутевого кузена…

Он передернулся, но возразил:

— Так тебе же с этой грымзой жить!

Я пожал плечами: брачные узы задушат меня в любом случае, так что личность избранницы особого значения не имела.

Оценив мою серьезность, Сирил притих и с опаской (кажется, он сожалел об отсутствии длинной палки) пошевелил конверты.

— М-да, — сказал он наконец и с решительным видом засучил рукава, словно приступающий к полостной операции хирург. — Начнем-с! А что искать-то?

— Странное, — пожал плечами я. — И еще, инспектор говорил, что преступления совершаются ради денег. Так что ищи корыстный интерес.

— Корыстный интерес? — переспросил Сирил и фыркнул. — Думаешь, хоть кто-то из них не ищет выгоды?

— Ищут, — согласился я. Ну не влюбились же они разом в мои прекрасные глаза, в самом деле! — Поэтому я и сказал искать странное. Вот тебе копии прошлых писем этой… кхм, Черной Вдовы. Не думаю, что она всякий раз меняет манеру. Так что ищи, Сирил, ищи!

Он душераздирающе вздохнул, но деваться было некуда. Сам ведь вызвался!

Каюсь, я малодушно сбежал, отговорившись делами.

Усевшись в автомобиль, я некоторое время колебался,

соображая, куда бы податься, а потом рванул с места.

Дорога до фотографического салона заняла всего четверть часа. Владелец как раз колдовал над почти готовыми фото, когда я постучал в дверь.

— Да-да, — откликнулся он, поднял голову и расплылся в улыбке. — Здравствуйте, мистер Кин!

Меня он явно отлично запомнил. И неудивительно — едва ли каждый день доводится снимать кактусы!

— Доброго дня, — откликнулся я.

— Вы по делу? — поинтересовался он. — Простите, я немного занят…

— Надеюсь, за час управитесь? — спросил я. — Видите ли, я хочу сфотографировать еще несколько своих любимцев.

— О! — смуглая физиономия фотографа просияла и даже напомаженные усы, кажется, бодро приподнялись. — Несколько?

— Ну… — я поколебался, потом махнул рукой. — Давайте уж все. На память.

Благо, я вполне мог себе это позволить!

— Простите, мистер Кин, — очень вежливо уточнил он. — А все — это сколько?

— Хм, — я потер подбородок, прикидывая. — Сотни четыре.

Из его рук упала и со звоном разбилась стеклянная пластина…

Впрочем, спорить со столь выгодным клиентом мастер не стал, безропотно выполняя все мои требования. Даже сделал фото постмортем с давно почившим Люциусом — espostoa lanata, чьи трогательные белые "волосы" отлично сохранились даже теперь…

Все это заняло большую часть дня. Наконец фотограф сообщил, что на сегодня закончил и сослался на то, что у него попросту нет достаточных запасов материалов для столь масштабной работы. Вернуться с тем, чтобы продолжить, он обещал через день-другой, когда раздобудет все необходимое.

Я рассчитывал, что Сирил за это время успел как следует потрудиться. И правда: за чаем кузен выглядел взъерошенным, дерганым, а еще от него отчетливо попахивало коньяком.

— Сирил, — неодобрительно заметил я, принюхавшись. — Ты опять напился?

— А ты бы на моем месте не напился? — мрачно спросил он и, сунув руку в карман, вытянул пачку писем. — Вот. Это твои.

— Хм? — поднял бровь я.

— Ну, ты же просил отложить самые подозрительные, — пожал плечами он и взял вилку.

Божественный запах бекона заставил щеки Сирила немного порозоветь. Надо признать, слуги миссис Вашингтон вовсю

старались нам угодить. Даже закуски к чаю подали плотные, насыщающие и тело, и разум, а не сэндвичи с тонюсенькими ломтиками огурца, как принято во многих домах.

— Ясно, — кивнул я и принялся расправляться с бутербродами.

Хотя, признаюсь, аппетит мне предстоящие эпистолярные забавы все-таки испортили…

Два часа спустя я молча встал, вынул бутылку из тайника и щедро плеснул себе заветного напитка. И только когда обжигающая струйка скользнула по пищеводу, в голове немного прояснилось.

Бр-р, как же я все-таки был прав, когда твердо решил остаться холостяком!

Поколебавшись, я все же вытянул руну. М-да, все та же беркана… Похоже, мне советовали не кобениться и довести дело до конца.

Как там говорят французы: "Ищите женщину?"

Я одним глотком допил кактусовку и в расстроенных чувствах отправился в оранжерею. Мне остро требовалась порция чего-то милого, нежного и прекрасного… Только не прелестных дам!

Впрочем, от последних сбежать не удастся, это уже было ясно, как день. Перед обедом письма с посыльным отправились к инспектору, а я принялся играть в карты с Сирилом. Это успокаивало… Ну, по меньшей мере, отвлекало — кузен научился жульничать, и я несколько раз ловил его на этом.

Полночи я без сна прокрутился в постели, а когда наконец забылся беспокойным сном, привиделось мне такое, что я вскочил с воплем.

С минуту я приходил в себя, пытаясь угомонить бешено колотящееся сердце, затем с силой растер лицо руками. М-да, приснится же такое!

— Вик, что случилось? — заспанный кузен заглянул в мою спальню без стука.

— Ничего, — я откинул одеяло и встал, про себя радуясь появлению Сирила: благодаря этому видение сонма прекрасных дам, осаждающих мой особняк, наконец померкло. Девушки во сне столь страстно желали заполучить меня в законные мужья, что даже завязали несколько дуэлей — на зонтиках и вязальных спицах, выясняя, кто из них пытается протиснуться ко мне без очереди. Воздух звенел от яростных криков: "Ангард! Защищайтесь, сударыня! А вы не думайте, что преклонный возраст оправдывает вашу наглость! Вас здесь не стояло, нахалка!.." Какая-то амазонка попыталась пробиться к моему

дому верхом, раздавая удары стеком направо и налево, и даже сшибла с соперницы шляпку, но тут ее за ногу стащили с седла, и наездница исчезла под ворохом разноцветных юбок, только нога в щегольском сапожке мелькнула…

Польщенным эдакой популярностью я себя не чувствовал. Скорее ощущал себя кроликом, загнанным сворой гончих.

— А, ну тогда я пойду еще подремлю, — кузен прикрыл зевок ладонью и ушел к себе.

Утомленный работой Сирил не спустился ни к завтраку, ни когда принесли ответы на вчерашние письма, ни даже когда я отбыл на первое из назначенных свиданий (всего Сирил счел подозрительными восемь писем, я же решил пока начать с четырех, а там посмотрим).

Признаюсь, предстоящее меня несколько нервировало. В роли наживки я чувствовал себя весьма неуютно, да и покорителем сердец никогда себя не считал.

Первое рандеву было назначено в соседнем городке, Илкли. Несколько сотен домиков расположились на берегах живописной речки, тут же, на набережной, разместились паб и кондитерская.

Разумеется, я держал путь в кондитерскую — леди непозволительно появляться в заведениях для джентльменов, которые могли оскорбить их чувства и нести угрозу для хрупкого дамского здоровья.

Хотя, признаюсь, увидев первую претендентку воочию, я мог бы поспорить с этим утверждением. Высокая крепкая девушка, устроившись за столиком у окна, читала журнал, недовольно хмуря темные брови, и так увлеклась, что мне пришлось кашлянуть.

— Мистер Кин? — спросила она, протягивая мне руку на мужской манер.

Пришлось сознаться:

— Да, это я. Мисс Калхоун?

Она лишь кивнула. Я осторожно взял пальчики леди, но она насупилась еще сильнее и крепко пожала мне руку.

— Присаживайтесь! — велела она без особых церемоний, открыто разглядывая меня. — Я много о вас слышала, мистер Кин.

— Надеюсь, только хорошее? — натянуто улыбнулся я и попросил официанта принести кофе, горячего шоколада и пирожных.

— В основном, — ответила она, и я откинулся на спинку стула.

М-да, похоже, ближайший час — другой окажутся весьма занятным времяпрепровождением.

— И что же побудило вас, мисс Калхоун, написать мне? — осведомился я, отпивая чай, принесенный расторопным официантом.

Девушка была довольно симпатичной, однако в глазах ее не было того особенного блеска, который появляется у дам с матримониальными намерениями. Да и платье — аккуратное, темно-синее, практичное, скорее подходило не для свидания с кавалером, а для загородной прогулки.

— Конечно, не желание выйти замуж, — сообщила мисс Калхоун спокойно и вздернула нос. — Я хотела поговорить с вами о Географическом обществе. И о том, как недопустимо притеснять женщин, не давая нам права вступать в Общество!

— Хм, — только и сказал я, откашлялся и заметил осторожно: — Боюсь, вам лучше обратиться по этому вопросу к сэру Келли, нашему председателю. Я всего лишь один из членов общества…

— Ничего, — отрезала эта несгибаемая амазонка. — Сэр Келли отказался меня принять, но я не отступлюсь!

На мгновение она привиделась мне в пробковом шлеме, тропической форме и со слоновьим ружьем наперевес. С такой сталось бы обставить и охотников-мужчин!

— Мисс Калхоун, — заметил я мягко, — я ровным счетом ничего не имею против женских… хм, прав. Однако я в этом вопросе действительно ничего не решаю!

— Но вы можете выдвинуть предложение! — возразила она уверенно. Видно было, что девушка давно готовилась к чему-то подобному, а эта история с брачным объявлением оказалась ей сильно на руку.

— Постойте, — вдруг сообразил я. — А откуда вы узнали, что это именно мое объявление? В газете ведь нет обратного адреса и фамилии, только адрес для писем.

Мисс Калхоун усмехнулась.

— Мистер Кин, не будьте столь наивны! — сказала она, и я чуть не подавился. — Блумтаун — маленький городок. Конечно, сплетни разнеслись сразу.

"Ну, спасибо, Пинкерсон!" — мрачно подумал я. Местным дамам только дай понять, что обеспеченный холостяк намерен связать себя узами брака… Не успеешь оглянуться, как окажешься у алтаря!

К счастью, со стороны мисс Калхоун мне это явно не угрожало. Пылко изложив мне свои взгляды относительно женской эмансипации вообще и дам-путешественниц в частности, эта милая леди немного присмирела, и у нас даже завязалась вполне приятная беседа. У нас было множество общих тем: путешествия, опасные хищники, география, даже автомобили!

Жаль только, к кактусам она не проявила ни малейшего интереса. Впрочем, должен же у человека быть какой-то недостаток, не так ли?

В конце концов мы мило распрощались (хотя перед этим долго препирались: мисс Калхоун настаивала на том, что сама оплатит свой заказ, и в итоге я капитулировал) и договорились переписываться и впредь. Я, со своей стороны, обещал попробовать поколебать старомодные убеждения сэра Келли, хотя наверняка обещать ничего не мог…

От подозрений в отношении мисс Калхоун я почти отказался. Такая не стала бы завлекать и травить — она бы просто и без затей подстерегла жертву в засаде и выстрелила в лоб!

Далее буду краток: ни одна из оставшихся претенденток особого впечатления на меня не произвела.

Мисс Пасс, кажется, действительно верила, что она медиум, но денег на проведение сеансов просить не пыталась. С ней мы, кстати, тоже очень мило побеседовали о спиритизме: я хорошо помнил ухватки Сибиллы, поэтому сумел выдержать разговор в нужном духе, а вдобавок заверил мисс Пасс, что лично созерцал призраков. По-моему, она и замуж-то особенно не стремилась, ей хотелось поговорить с родственной душой…

Мисс Дарем постоянно разглагольствовала о планах по покупке фермы, но опять же, намеревалась сделать это на собственное приданное, чтобы не зависеть от прихотей мужа. С его стороны предполагалось равное партнерство, но увы, я ничего не смыслил в сельском хозяйстве, и, убедившись в этом, мисс Дарем сразу остыла.

Вот от мисс Гейт, весьма манерной девицы, уверенной в собственной неотразимости, мне пришлось буквально сбегать: мне показалось, что она вот-вот свяжет меня по рукам и ногам, привяжет к задку экипажа и в таком виде повезет брачеваться.

Когда мы проходили мимо церкви, ощущение грядущей опасности стало невыносимо острым…

Каюсь, я поступил некрасиво: пригласил ее пройтись после чая по улице, отошел на секундочку якобы за газетой и спрятался в переулке, а оттуда перебрался в мужскую парикмахерскую, где потребовал срочно меня побрить, и пену, пену взбить попышнее! Если мастер и заподозрил что-то неладное, возражать все равно не стал, и я мог наблюдать краем глаза сквозь пыльное стекло, как мисс Гейт прогарцевала мимо моего убежища…

И никто, никто из этих девиц не разбирался в кактусах! Одна даже имела неосторожность сказать: "Ах, какой прок в этих колючках?"

Я добрался домой, не чуя под собой ног от усталости. Язык

тоже едва ворочался, столько мне пришлось произнести любезностей без малейшего на то желания… Признаюсь, я уже мечтал найти наконец эту Черную Вдову и отомстить ей за все свои мучения!

Плотный обед и бокал коньяка почти примирили меня с реальностью, и тут лакей доложил о приходе инспектора Пинкерсона…

Сирил в мое отсутствие сбежал (чтобы наблюдать за птичками, как значилось в небрежной записке, начертанной его рукой) и до сих пор не вернулся, так что мы с Пинкерсоном могли спокойно пообщаться наедине.

— Здравствуйте, инспектор! — произнес я, прикидывая, какими словами выказать свое отношение к его авантюре.

— Здравствуйте, мистер Кин, — ответил он как-то пришибленно и опустил очи долу. — Как успехи?

— Пока никаких, — сознался я и, пригласив присаживаться, тоже плеснул ему коньяка. Кажется, инспектору требовалось расслабиться.

Он с благодарностью кивнул, но не сделал ни глотка, пока я повествовал о своих сегодняшних свиданиях, сидел, понурившись, и крутил в руках пузатый бокал.

Хм, определенно, с инспектором было что-то не так. Куда подевалась его неуемная энергия? По окончании рассказа он даже не задал мне ни одного вопроса, да и записывать ничего не пытался!

Понятно, что Пинкерсон за мной по возможности присматривал, но слышать мои разговоры с "невестами" он не мог. И, насколько я его знал, сейчас полицейский должен был настаивать на максимально дословном воспроизведении всех реплик, кои он бы тщательно законспектировал.

Вместо этого он, казалось, всецело погрузился в свои думы.

— Инспектор, — окликнул я, когда пауза затянулась, — с вами все в порядке? Инспектор!

— А? — встрепенулся он, отставил так и не тронутый бокал, посмотрел на меня и снова отвел взгляд. Столь странное поведение полицейского тревожило меня все больше. Что же стряслось?

А Пинкерсон все кусал губы, о чем-то напряженно размышляя.

— Мистер Кин! — наконец решился он и поднял на меня взгляд. — А та блондинка, с которой вы сегодня прогуливались у церкви — кто она?

— Блондинка? — опешил я. — Не припомню такую.

— Ну как же! — он даже слегка оживился и поерзал в

кресле. — Очень красивая девушка, такая трепетная, нежная, хрупкая…

— Пинкерсон, — медленно сказал я, все еще не веря, — вы что же, влюбились в подозреваемую?

Желтоватое лицо инспектора залила яркая краска. Он вскинулся, открыл рот, чтобы гневно возразить… и поник.

— Наверное, — признался он как-то потерянно. — Но она такая! Такая! Эти золотистые косы, эта родинка над губой…

Инспектор умолк, глядя в стену затуманенными глазами, а я встряхнул головой, надеясь, что это его безумие не заразно.

— Постойте, — произнес я негромко. — Я отлично помню этих девушек. Среди них не было ни единой блондинки! Мисс Калхоун — брюнетка, мисс Пасс — шатенка, как и мисс Дарем, а мисс Гейт вообще рыжая! Кстати, это с ней я проходил мимо церкви. И могу вас заверить, никаких родинок у нее на лице нет!

С минуту мы с инспектором смотрели друг на друга.

— Не может быть, — тихо сказал он. — Но как?!

Я только пожал плечами. Что тут скажешь?

Признаюсь, я немного досадовал на себя. Надо же, не разглядел ничего подозрительного! Более того, счел обычной охотницей на богатого мужа.

Оставалось выяснить, кто же из нас ошибался…

— Постойте, — спохватился я, — у меня ведь есть ее фото!

Карточки хранились тут же, в ящике комода, и мы вместе склонились над портретом мисс Гейт.

— Не может быть, — теперь сказал уже я.

У девушки на фото были светлые косы, а над пухлой верхней губой кокетливо красовалась аккуратная родинка!

От всей этой чертовщины буквально голова шла кругом! Тут впору заподозрить себя в помешательстве…

Выпроводив инспектора, я отправился спать, но еще долго лежал в постели без сна. Что происходит, хотел бы я знать?!

Во всяком случае, ясно одно. Кто бы из нас ни видел истину, полагаться на инспектора Пинкерсона в этом деле я больше не мог…

Утром я проснулся совершенно разбитым. Долго рассматривал свою помятую физиономию в зеркале, тщетно пытаясь придумать, что теперь делать. Как вывести мисс Гейт на чистую воду? Если, разумеется, я не ошибся, а поручиться за это я уже не мог.

Не может ли случиться, что наследство старого шамана потихоньку сводит меня с ума? Вот и странные видения пошли… Можно заподозрить, что инспектору что-то такое померещилось, но была ведь еще и фотография!

Задумавшись, я умудрился порезаться бритвой и в результате опоздал к завтраку.

Лакей миссис Вашингтон где-то раздобыл гонг, которым в моем доме не пользовались никогда — я запретил Ларримеру подобное издевательство над своим слухом еще сто лет назад.

"Ах, Ларример, старый верный Ларример! — подумал я мрачно, морщась от гула. — Где же он теперь?"

Дни утекали один за другим, и шансов отыскать дворецкого живым оставалось все меньше.

— Доброе утро, — сказал я кузену, который спал за столом с открытыми глазами.

— Доброе, — мрачно отозвался он, помотав головой, словно надеялся, что от этого нехитрого действия в ней наступит просветление. — Вик, слушай… Я тебе тут еще нужен?

— Хм, — ответил я, расправляя салфетку, — а ты что же, намерен дезертировать?

— Ну, — он ковырнул омлет и отложил вилку. — Знаешь, я тут подумал… Зря я так с Мирабеллой!

— Поссорились? — коротко поинтересовался я, и Сирил поднял на меня воспаленные глаза. Похоже, он вовсе не спал этой ночью.

Кузен передернул плечами и кивнул. Он открыл рот, покосился на невозмутимого лакея у буфета — и закрыл.

— Вы можете быть свободны, — сказал я, проследив за его взглядом. — Дальше мы справимся сами.

Слуга поклонился и нехотя вышел из столовой.

— Ну, рассказывай! — велел я, когда за ним закрылась дверь.

— Да нечего особо рассказывать, — нехотя ответил кузен, кажется, передумав откровенничать. — Мирабелла сказала, что я веду себя как… ну, как мальчишка. И что она разрывает помолвку!

Я только крякнул, с трудом справившись с желанием отвесить Сирилу подзатыльник. Доигрался!

— Надеюсь, ты рад? — поинтересовался я сухо, намазывая тост паштетом.

— Не издевайся, — попросил кузен уныло и взъерошил волосы на затылке. — Что мне делать, Вик?!

— Ты спрашиваешь совета? — я отложил бутерброд и склонил голову к плечу. — Зачем? В конце концов, ты сделал все, чтобы это произошло.

Сирил не взвился, не стал язвить в ответ, лишь понурился еще сильнее.

— Я дурак, — признал он тихо. — Думал… Да черт знает, о чем я думал! А теперь она не хочет со мной разговаривать.

М-да, похоже, миссис Вашингтон надоели попытки воспитать Сирила. Или же она решила применить последний довод, и кто я такой, чтобы мешать ей в этом? Кузену давно пора образумиться.

— Сирил, — сказал я медленно, — ты прав в одном: ты идиот. Не думаешь же ты, что у такой женщины, как миссис Вашингтон, не имеется достаточно поклонников?

— Ну да, — еще тише ответил он, повесив голову.

— А ты сделал все, чтобы у нее не было другого выбора, — продолжил я безжалостно. — У тебя есть… точнее, была невеста, — при слове "была" кузен дернулся, как от удара, — которую ты мешал с грязью своими шашнями с какими-то непонятными девицами. И ты думал, она будет это терпеть? Уж прости за нравоучения, но ты действительно болван.

— Но ты раньше мне ничего такого не говорил! — огрызнулся кузен.

Я хмыкнул: в этом весь Сирил. У него всегда виноват кто-то другой.

— Сирил, сколько тебе лет? — поинтересовался я ласково. — Ты что, ребенок, которого нужно водить за ручку и наказывать за шалости? Нужна тебе эта женщина, — так добейся ее, провинился — извинись, а не размазывай сопли!

Он вскинул голову и воззрился на меня потрясенно.

— А ты думал, я стану тебя утешать? — продолжил я, подняв бровь. — Сирил, тебе давно пора повзрослеть. Если надумаешь мириться с миссис Вашингтон, кое в чем помогу, но не больше.

— И в чем ты поможешь? — тут же приободрился этот шалопай.

— При случае подтвержу миссис Вашингтон, что девиц ты… хм, обихаживал по моей просьбе. — Пообещал я. — Ради расследования. Но это в первый и последний раз!

— Спасибо, Вик! — просиял он.

Конечно, в воспитательных целях стоило бы предоставить его объясняться самому. Только, боюсь, с невестой он бы тогда расстался. А это не в моих интересах, да и нервы тетушки Мейбл стоило пощадить. Бог знает, на что способен ее драгоценный сыночек, пустившись от расстройства во все тяжкие. Пусть лучше будет под присмотром жены.

— Только, — спохватился я, — надо довести расследование до конца. Иначе она тебе не поверит. К тому же тогда я могу не кривить душой.

— Что нужно делать? — тут же с готовностью вскочил он.

Я вздохнул: цены бы кузену не было, научись он сначала думать, а уж потом делать.

Зато мне в голову пришла отличная идея. Если у нас с

инспектором Пинкерсоном имеются такие расхождения… хм, во взгляде на мисс Гейт, то для разрешения спора стоит привлечь третье лицо.

Разумеется, арбитром может выступить, скажем, Таусенд. Вот только если мисс Гейт — та самая Черная Вдова, то появление суперинтенданта ее наверняка насторожит. Улик у меня против нее пока нет совсем, и при таком раскладе я потеряю всякую возможность их раздобыть.

А вот случайная встреча с моим кузеном подозрений не вызовет…

— Есть у меня кое-какие идеи, — сообщил я туманно. — Но для начала нужно написать письмо с извинениями.

— Мирабелле? — не понял Сирил.

— Нет, — покачал головой я. — Некой мисс Гейт. Ты должен помнить ее письмо.

— О! — он округлил глаза. — Так ты тоже провинился?

— Сирил, — сказал я строго, — эта дама — подозреваемая в убийствах. Расстались мы вчера не то, чтобы очень хорошо. По правде говоря, я от нее попросту сбежал. А теперь возникла нужда вновь с ней пообщаться, понимаешь?

Кузен бессовестно расхохотался, разом позабыв о своих проблемах.

— Вик, — выдавил он сквозь смех, — ну ты даешь! А я думал, ты… ну, с женщинами…

Он сбился и умолк, а я лишь улыбнулся. То, что я не делаю свою личную жизнь достоянием общества, еще не говорит о ее отсутствии, не так ли?

Припомнив несколько особенно приятных… хм, эпизодов, я едва не потерял нить разговора.

— Итак, первое, напиши письмо и назначь новую встречу. Скажем, за чаем, — спохватился я. — В кондитерской в центре Блумтауна. Второе, ты должен тоже туда заглянуть, якобы случайно. Только умоляю, Сирил, больше никаких девиц!

Он яростно закивал.

— Обещаю!

А я задумался о том, как кузен сможет подать мне знак в присутствии обсуждаемой особы.

— Если ты увидишь рядом со мной блондинку с родинкой над губой, — сказал я медленно, — ты скажешь, что тетушка ждет меня завтра к обеду. А если рыженькую и без отметин на лице — скажешь, что приглашение на обед отменяется. Запомнишь?

Он только хлопал глазами.

— Ну ты даешь, — даже с уважением проговорил он наконец. — Рыжая, блондинка… Ну у тебя и жизнь!

Прозвучало это с нескрываемой завистью.

— Это подозреваемая, — напомнил я. — И, Сирил, не ошибись. От этого очень многое зависит.

— Ты думаешь, я совсем идиот? — внезапно обиделся он. — Все я запомнил. Блондинка с родинкой — на обед. А рыжих мама терпеть не может, поэтому никаких обедов!

Я только вздохнул, надеясь, что мой безалаберный кузен ничего не перепутает.

— Да, кстати, — вспомнил я. — Сирил, я давно забываю спросить. Ты не замечал в последнее время за Ларримером чего-нибудь… хм, странного?

— Странного? — вытаращился он на меня. — Да он вообще странный! Эти его рыбки, и этикет, и… Мне иногда кажется, что он вот-вот поставит меня в угол или отшлепает!

Я лишь пожал плечами.

— Такое желание, мой дорогой кузен, испытывают все, кто более-менее близко с тобой знаком. И все же? Можешь что-нибудь необычное вспомнить?

Конечно, спросить об этом я должен был давно, но по приезду столько всего на меня навалилось…

— Ну, — он всерьез задумался. — Мне показалось, он как-то… тосковал, что ли. Потом еще и рыбка умерла. Но он попросил, и я привез ему из Лондона новую!

— Хм, — только и ответил я, не став спрашивать, что он делал в столице. — После этого Ларример успокоился?

— Не совсем, — признался Сирил неохотно. — Честно говоря, я по ошибке купил не такую рыбку… Короче, мальчика.

Настала моя очередь смеяться. Хотя, полагаю, моему бедному дворецкому смешно не было, когда череда Атенаис прервалась столь нелепо.

— Ну а что? — пробурчал кузен, защищаясь. — Рыба она и есть рыба, я предпочитаю копченую!

Слава богу, Ларример этого кощунства не слышал, иначе беднягу бы хватил удар!..

Оставив Сирила выдумывать оправдания и извинения для мисс Гейт, я поднялся в свой кабинет.

Эта Черная Вдова, как ее именовал инспектор, начинала всерьез меня злить. Мало того, что покусилась на Ларримера, так еще и беднягу Пинкерсона охмурила!

Во всяком случае, такое объяснение нравилось мне куда больше, чем предположение, что я попросту свихнулся. А такая вероятность тоже существовала…

Так и не надумав ничего толкового, я намеревался снова погадать, но, поразмыслив, отказался от этой идеи. Самое

неприятное, что я больше не мог доверять ни себе, ни своим… кхм, способностям.

Побродив из угла в угол еще несколько минут, я решительно поднялся в оранжерею и, прихватив верного Конно-идею, отправился к Таусендам.

В конце концов, этот кактус уже не раз меня выручал, а Джордж Таусенд давно доказал свое здравомыслие, которого мне сейчас так недоставало…

Суперинтедант искренне обрадовался моему появлению.

— Виктор! — воскликнул он, откладывая раскуренную трубку, и, привстав, протянул мне руку. — Как я рад вас видеть!

— Взаимно, Джордж, — откликнулся я, пожимая его ладонь. — Вы в порядке?

Причина для тревоги у меня была: давний приятель сидел в кресле, опустив ноги в тазик с горячей водой, остро пахнущей горчицей. На плечах у него лежал клетчатый плед, а на столике громоздились аптечные флакончики.

— А? — он моргнул и объяснил со вздохом: — Дороти показалось, что я как-то нехорошо кашляю. Вот и…

Он махнул рукой.

— Только показалось? — уточнил я, склонив голову к плечу.

Таусенд уже совсем не молод, к тому же давно и много курит. Неудивительно, что у него проблемы с легкими!

Скорее странно, что меня впустили к больному, пусть даже на правах старого друга. Хотя впустила-то меня Энн, миссис Таусенд куда-то отлучилась. А девочка, видимо, просто побоялась отказать.

— Да ну! — он только вздохнул. — Да не стойте, Виктор. Присаживайтесь. Ну, с чем пожаловали?

Дверь в гостиную отворилась, впуская Энн с подносом. За столь недолгое время она успела разительно преобразиться: чистые волосы, заплетенные в косу, отливали золотом, отмытое личико оказалось вполне миловидным, а на губы то и дело наползала веселая улыбка. Кажется, малышка обрела дом!

"И не одна, — подумав я, заметив в тени гардин мерцающую фигуру, с одобрением наблюдающую за сестренкой. — Ну и отлично!"

Одной проблемой меньше.

Когда чай был разлит, и девочка ушла (призрак по-прежнему таился в углу, и я решил не обращать на него внимания), Таусенд поинтересовался:

— Так с чем пожаловали, а? — он отхлебнул чая и спохватился: — То есть не подумайте, что я не рад вас видеть. Но мне показалось, у вас какое-то дело?

— Вы правы, — кивнул я, отпивая пахнущий медом и чабрецом напиток. — В общем…

И я рассказал все без утайки: и о призраках, и о "двуликой" мисс Гейт, и о внезапно вспыхнувшей страсти Пинкерсона. Умолчал я лишь о выпавшей "беркане", сочтя, что это мое личное дело.

Впрочем, суперинтендант и не требовал раскрыть все мои источники.

Выслушал он меня молча и предельно внимательно, и заговорил лишь когда рассказ — и чай — закончился.

— Вы полагаете, Виктор, что эта мисс Гейт обвела Пинкерсона вокруг пальца? — Таусенд не отрывал от меня внимательного взгляда, пощипывая пышные бакенбарды. Такая обильная растительность на лице давно вышла из моды, но Таусенд не изменял привычкам своей молодости.

— Варианта всего два, — пожал плечами я. — Либо его, либо меня.

— Говорите, фотография соответствует описанию, которое дал Пинкерсон? — осведомился он раздумчиво, болтая босыми ногами в тазике с уже остывшей водой.

— Да, — я склонил голову к плечу. — Но, согласитесь, Джордж, прилепить мушку над губой несложно, как и надеть парик. Изображение ведь не очень хорошего качества, и такие нюансы разглядеть невозможно.

— Тогда почему, — взгляд Таусенда сделался пронзительным, — эта мисс Гейт не воспользовалась теми же уловками для свидания с вами, Виктор? И с чего вы решили, что в заблуждение именно ввели Пинкерсона, а не вас?

— Вот и проверим, — снова пожал плечами я. — Понимаете, Джордж, я ведь просто… хм, ошалел от всего этого, иначе сразу повнимательнее присмотрелся бы к фото всех претенденток. А так… — я развел руками.

— То есть вы думаете, что эта мисс Гейт намеренно изменила внешность, а потом как-то сумела внушить Пинкерсону, что он видит совсем другое? — Таусенд с сожалением покачал головой. — Виктор, лично вам я доверяю. Но, поймите, звучит это фантастично!

— Более фантастично, — возразил я тихо, — чем призраки?

— О, — он уставился на меня, откашлялся и спросил уже совсем иным тоном: — Думаете, она тоже что-то такое умеет?

— Иных вариантов у меня нет, — вздохнул я. — Зато это бы объяснило все. И расхождения в показаниях потерпевших, и то, что мы с Пинкерсоном увидели двух разных девушек.

— Хм, — он раздумчиво потер подбородок и кивнул: —

Продолжайте!

— Давайте рассуждать логично. Если мисс Гейт преступница, то какой смысл ей возбуждать подозрения? Скорее всего, я должен был увидеть именно то, что запечатлено на фото и что увидел инспектор: очаровательную хрупкую блондинку с родинкой над губой.

— Тогда почему на встречу с вами она попросту не надела парик и не прилепила мушку?

Таусенд задумчиво прикусил ус.

— Понадеялась на свои способности, — хмыкнул я. — Зачем возиться, если можно попросту внушить нужную картинку? К тому же с поддельной прической всегда есть риск, что заметят фальшь. Или, скажем, парик сползет…

— В общем, она погорела из-за самонадеянности? — усмехнулся он.

— Еще не погорела, — напомнил я. — Пока у нас против нее ничего нет, кроме домыслов.

— И что вы предлагаете? — он остро взглянул на меня. — Ну же, Виктор, ни за что не поверю, что у вас нет плана!

— Есть, — признался я. — Будем ловить на живца, как и предлагал инспектор Пинкерсон.

— Хотите назначить новое свидание? — сразу догадался Таусенд. — Хм, а это может сработать. Только как вы убедитесь, что на верном пути?

— Это несложно, — я пожал плечами. — Во-первых, я хочу показать мисс Гейт Сирилу. А во-вторых, она ведь где-то делала тот портрет. И сомневаюсь, что парик и нарисованная родинка укрылись от профессионального взгляда.

— Хотите, чтобы мы порасспросили фотографов? — Таусенд на мгновение задумался и кивнул: — Сделаем. Что еще? Понятно, надо будет организовать вам полицейское сопровождение…

— Нет! — возразил я. — Джордж, она ведь сумела заморочить голову Пинкерсону. Где гарантии, что она не сможет провернуть то же с другими?

Таусенд хлопнул глазами и завис, видимо, вообразив, как по управлению бродят толпы полицейских, обуянных наколдованной любовью.

— Чтоб меня черти взяли! — выругался он тоскливо. — Только всякой магической мути нам недоставало!

Я лишь криво улыбнулся.

— В любом случае, — сказал я успокаивающе, — меня ей провести не удалось. Так что я пока попытаюсь… хм, ее прощупать. А вы разузнайте об этой мисс Гейт побольше. Договорились?

— Договорились, — вздохнул Таусенд. — Только вы уж там осторожнее, ладно? Если на ее совести и правда два убийства, она и перед третьим не остановится!

— Не думаю, — возразил я. — Если она делает это ради денег, то не станет просто так убивать, сначала попробует что-нибудь вытянуть.

— Хм, — он подергал себя за бакенбарды и согласился нехотя: — Ладно. Но будьте осторожны! В этой истории слишком много белых пятен.

— Конечно, — пообещал я легко и поднялся. — Считайте это разведкой, Джордж!

Такой поворот Таусенду не пришелся по вкусу, хотя он нехотя признал, что иного выхода нет…

На душе у меня было тяжело. Оставалось надеяться, что мисс Гейт не откажется от нового свидания. А также что она действительно имеет отношение к этой истории, иначе шансы Ларримера становятся вовсе мизерными.

Заезжать домой я не стал. Позвонил с почты домой и получил рапорт Сирила, что он послал для мисс Гейт телеграмму с извинениями.

Соблазн самому попытаться что-нибудь о ней разузнать я стойко подавил. Не хватало только попасться ей на глаза и тем самым вызвать подозрения! Пусть лучше этим займутся подчиненные Таусенда, и лучше в штатском.

Мне же оставалось только ждать…

Время я решил потратить на визит к лорду Блумберри, который обрадовался мне как родному и потянул к своим драгоценным лошадям. По мне автомобили куда интереснее, но высказывать это мнение увлеченному лошаднику я поостерегся.

Часы до чая пролетели незаметно.

В кондитерской в этот час было многолюдно, и все (абсолютно все!) дамы дружно обернулись на меня. Под прицелами любопытных взглядов я чувствовал себя неловко, однако вежливость возобладала.

— Доброго дня, — учтиво сказал я всем сразу и направился к дальнему столику.

Водрузил на него Конно-идею, заказал чашку чая с сэндвичами и попросил газету. От отрытого окна приятно тянуло легкой прохладой.

Мисс Гейт долго ждать себя не заставила, я едва успел дойти до колонки с объявлениями о свадьбах и похоронах.

Я встал ей навстречу.

— Здравствуйте, мисс Гейт! Премного рад вас видеть.

— Взаимно, — прощебетала она, протягивая мне руку.

Улыбка ее мне показалась неестественной, хотя, возможно, я был просто предвзят.

За чаем мисс Гейт щебетала о каких-то пустяках, а я потихоньку ее рассматривал, убеждаясь, что по-прежнему вижу рыжеволосую девушку. Мисс Гейт обладала приятной внешностью, однако красавицей я бы ее не назвал: слишком мелкие и острые, "лисьи", черты.

На фею и ангела, как описывал ее инспектор, она не походила даже отдаленно. Хотя влюбленные редко отличаются здравомыслием.

Я пропускал мимо ушей ее болтовню, пытаясь понять, насколько она опасна.

"Насколько проще с туземками! — с ностальгией думал я. — С "цивилизованными" женщинами куда сложнее. Поди пойми, искренне она улыбается, или просто из вежливости!"

— Надеюсь, с вашей тетушкой все в порядке? — спросила мисс Гейт вдруг, отставив чашку.

— А? Что? — спохватился я.

— Вы написали, что ваша тетушка серьезно отравилась, — объяснила мисс Гейт, и я чертыхнулся про себя. Надо было хоть поинтересоваться, что ей там наплел Сирил!

К тому же сам кузен бессовестно опаздывал. Пусть только попробует забыть и не прийти!

— Благодарю, — поспешно сказал я. — Кажется, рыба оказалась несвежей.

— А я думала, грибы, — удивилась она.

— Кхм, — ответил я, отведя взгляд.

Неожиданный порыв ветра швырнул мне в лицо пыль, и я заморгал, пытаясь от нее избавиться.

— Что с вами, мистер Кин? — встревожено спросила мисс Гейт, заглядывая мне в лицо. — Все в порядке?

— Да-да, — ответил я, по-прежнему часто моргая.

Глаз застилали слезы, изображение двоилось…

Я машинально зажмурил пострадавший глаз — и тут же картинка обрела отличную четкость. Мисс Гейт, собственной персоной, рыжая и хмурая!

Стоило открыть оба, как изображение начинало расплываться.

"Я дурак! — понял я обреченно, когда сообразил, что это неспроста. — Надо было просто посмотреть на нее другим глазом!"

И правда, — если взглянуть иначе, передо мной представала юная очаровательная леди с ангельски-светлыми волосами и лазоревыми глазами…

От сердца отлегло. Значит, я не свихнулся! Это все шутки моего "наследства".

Мисс Гейт смотрела на меня… странно. Пришлось экстренно брать себя в руки и улыбаться.

— Вы говорили о пьесе по романам миссис Маккристи? — припомнил я. Рассуждала о театре она с явным знанием предмета. — Продолжайте, прошу вас! Вы так интересно рассказываете!

Обычно эта фраза нейтрализует любую даму, однако мисс Гейт оказалась крепким орешком.

— Боюсь, вам это неинтересно, — ответила она, поднимаясь. — Простите, мне…

— Вик, вот ты где! — перед столиком наконец оказался запыхавшийся Сирил.

Ну что же, лучше поздно, чем никогда!

— Здравствуй, Сирил! — я искренне ему обрадовался, хоть и хотелось отшлепать шалопая. И ведь четвертый десяток уже давно разменял! — Что-то случилось?

Сирил перевел взгляд на мою спутницу и вдруг растерянно захлопал глазами.

— Сирил! — окликнул я и напомнил с нажимом: — Надеюсь, с тетушкой Мэйбл все в порядке? Не придется отменять сегодняшний обед?

— А? Что? — кузен еще пару раз хлопнул ресницами и спохватился: — Нет, мама ждет тебя сегодня. А у тебя планы не изменились?

И, улучив момент, украдкой мне подмигнул.

"И что это значит? — несколько растерялся я. — Ответ кодовый, но с непредусмотренными планом дополнениями…"

Ладно, надо будет попозже расспросить.

— Мисс Гейт, позвольте вам представить… — начал я, но кузен невежливо перебил.

— А мы знакомы!

— Правда? — неподдельно удивился я. Почему же тогда он не опознал ее на фото?!

— Ну… немножко, — легкомысленно ухмыльнулся он. — Ты же помнишь, я одно время увлекался поэзией.

— Помню, — я кивнул.

Такое забудешь!

— Ну а мисс Гейт — художница. Мы несколько раз встречались на вечеринках. Помните меня?

— Помню, — согласилась она как-то напряженно. — Простите, мне пора!

— Позвольте, я вас провожу, — предложил я, решив не

упускать такой шанс. — Я на машине.

С кузеном я могу потолковать по душам и позже, а вот другого случая больше разузнать об этой подозрительной даме может и не представиться.

— Право, не стоит, — она принялась отнекиваться, явно не чая от меня избавиться. — Не хочу вас утруждать.

— Ну что вы! — возразил я. — Это мой долг джентльмена. К тому же теперь меня мучает любопытство. Надеюсь, вы позволите мне взглянуть на ваши картины?

Просьба была довольно бестактной, но я рассудил, что все творцы без исключения любят делиться своими работами.

Мисс Гейт не оказалась исключением.

— Ну хорошо, — согласилась она, поколебавшись несколько мгновений.

Я так увлекся, что едва не позабыл бедного Конно-идею на столике!..

Адрес, который назвала мне мисс Гейт, оказался знакомым.

— Это в квартале художников? — уточнил я, выруливая с центральной улицы в путаницу переулков.

— Да, — подтвердила она как-то напряженно. — Вы знаете, куда ехать? Бывали?

— Знаю, — усмехнулся я. — Доводилось. Когда-то я даже нарисовал картину в стиле наив.

— О-о-о! — протянула она, кажется, впервые глядя на меня с искренним интересом.

Зачем-то раскрыла сумочку, закрыла, громко щелкнув замочком, нервно поправила сережку, затем перчатки…

Я напрягся. Кажется, добыча собирается ускользнуть.

Но мисс Гейт меня удивила. Скрыться она не пыталась, как и отговорить меня от визита. Хотя, прямо скажем, в рамки приличий он укладывался с трудом.

— Сюда, — только и сказала она, когда я притормозил возле неказистого старого дома.

Когда-то это явно был особняк, теперь же его перестроили в многоквартирный дом, где квартиры не дороги, зато тесны и неудобны.

Мисс Гейт открыла дверь своим ключом (похоже, прислуги у нее тоже не было) и мы поднялись на третий этаж, под самой крышей. Здесь пахло сыростью и сифонило изо всех щелей, не говоря уж о запахе красок и растворителя.

Впрочем, для художников протекающая черепица значит куда меньше, чем хороший свет. Внизу окна выходили на сумрачную каменную улицу, здесь же широкие рамы без занавесок наверняка пропускали днем достаточно света.

Большую часть квартиры занимала мастерская, а под спальню отведена была коморка в дальнем углу. Тут же стоял стол с посудой и несколько разнокалиберных стульев.

— Проходите, пожалуйста, — пригласила хозяйка немного смущенно. — Я сейчас заварю чай.

— Спасибо, я не хочу, — отказался я и, изобразив крайнюю заинтересованность, подошел к развешанным по стенам полотнам. — Я вас не задержу надолго.

— Ну хоть чашечку! — настаивала мисс Гейт.

— Спасибо, не нужно, — повторил я, оглянувшись. — Мне нужно заглянуть к одному другу…

Она стояла возле столика, и на спиртовке уже грелся чайник.

Я прошелся вдоль картин — ярких, даже избыточно, каких-то надрывно-пронзительных.

"Мисс Гейт идет рыжий, — подумал я, остановившись возле изображения распластавшейся на жертвенном камне девицы в белом. Сама жертва едва прорисована, зато жрецы и идол изображены поразительно ярко. — Какой взрывной темперамент!"

Легкие шаги за спиной застали меня врасплох.

Я даже почти успел обернуться. Но только почти: на затылок обрушился удар и наступила темнота…

***

— Что вы с ним сделали? — знакомый голос звучал слишком высоко. Тревожно? — Ну же!

Кто бы ни был его собеседник, ответить на этот вопрос он не пожелал.

Сирил нехорошо засопел. Кстати, он-то откуда тут взялся?!

Голова раскалывалась от боли и категорически отказывалась соображать.

Пожалуй, стоило подать признаки жизни, иначе…

— Сирил, — тихо окликнул я. Собственный голос показался мне постыдно слабым.

— Вик! — с явным облегчением откликнулся он и тут же оказался рядом. — Живой!

— Да что мне сделается? — усмехнулся я, не без труда фокусируя взгляд на его лице. То ли в глазах расплывалось, то ли за плечом кузена что-то подозрительно мерцало… — Помоги сесть, а?

Я валялся на полу, как тряпичный тюк. Неподалеку лежал серебряный чайник — похоже, это им меня стукнули по голове.

Поморщившись, я нащупал солидную шишку. М-да, а ведь так можно и убить!

— Фух, — кузен так громко перевел дыхание, что я улыбнулся шире.

— Сирил, неужели ты обо мне волновался? — поддразнил я. — Как ты тут оказался, кстати?

— Ну-у-у, — протянул он, кажется, смущенно, и выкрутился: — Деньги-то у тебя!

Понятия не имею, куда подевалась мисс Гейт, но судя по бесшабашному поведению Сирила, опасность с ее стороны нам явно не угрожает.

— Кхм, — с его помощью я уселся-таки в кресло (валяться на полу некомильфо!) и напомнил: — Ты же мой наследник!

И наконец увидел хозяйку квартиры, перемотанную, как мумию. Веревок для нее Сирил не пожалел, а сверху еще для надежности обмотал полосатым шарфом.

Правда, заботливо положил на кровать в углу.

— Ну-у-у, — снова замялся он.

Наблюдать за борьбой гордости и родственной любви на его лице было весьма любопытно.

— Так почему ты ринулся меня спасать? — не выдержал я — И как ты, кстати, вообще здесь оказался?

— За птичками наблюдал, — буркнул он, отведя взгляд.

— Да ну? — я поднял бровь. Голова отозвалась на это острой болью, и я передумал гримасничать.

— Правда! — возмутился кузен почти искренне. — Ну, я как раз наблюдал за стаей короткоклювых гуменников… А тут примчался твой Хоггарт и начал вопить, как оглашенный!

— Хоггарт? — удивленно переспросил я и потер ноющий затылок. — А он-то как к этому причастен?

— Не знаю, — пожал плечами Сирил. — Только он так кричал, что пришлось бросать все и мчаться к тебе.

— Мчаться? — снова переспросил я, осторожно садясь, и ощупал затылок. М-да, шишка, но похоже, ничего страшного. — И на чем же, позволь спросить, ты мчался? Только не говори, что на своих двоих! Ты бы не успел.

— Ну-у-у, — кузен замялся и, кажется, чуточку покраснел. — Вик, ты же забрал машину! А моя в ремонте! Пришлось взять велосипед… — он замялся и добавил честно: — В смысле, отобрать. У почтальона.

Я застонал. Только очередного разбирательства с полицией мне не хватало! Впрочем, в данном случае действия Сирила вполне подпадают под понятие крайней необходимости.

— Ну а что мне оставалось делать? — насупился кузен. — Кстати, я же не мог при ней сказать. Эту твою мисс Гейт я помню брюнеткой. Поэтому сразу понял, что тут что-то нечисто! И вообще, это все Хоггарт виноват!

— Сирил, — сказал я с чувством, — я постараюсь эту историю

замять, если ты извинишься… — он с готовностью закивал, и я добавил: — Только, умоляю тебя, не вздумай заявить, что тебя подстрекал призрак!

— М-да, — ответил он глубокомысленно и почесал в затылке. — Тогда как я тут оказался?

Из-за ноющей головы думалось мне с трудом.

— Скажи, что к тебе прибежал посыльный. — Решил я. — Мальчик с запиской от меня.

— Ага, — согласился Сирил легкомысленно, о чем-то задумавшись. — Слушай, Вик, надо же позвать полицию, так?

— Думаю, она уже на месте, — отозвался я, услышав свист и топот на улице. Малейший шум отзывался в голове острой болью.

— Но откуда?! — вытаращился Сирил. — Я же никого не успел позвать!

Я не стал расстраивать кузена самым очевидным вариантом. Скорее всего, почтальон сообщил о грабеже, и полиция, так сказать, торопилась поймать злодея по горячим следам.

Впрочем, вряд ли его успели бы найти так быстро.

— Думаю, это Хоггарт. — Ответил я, всматриваясь в подозрительное свечение в углу. И чуть повысил голос: — Да, Хоггарт?

— А что сразу я? — буркнул тот, показываясь на свет божий. — Это все Линн!

— Линн? — удивился я. — Сестра Энн?

— Ну да, — махнул рукой призрак. — Эта вот дамочка, — он ткнул пальцем в беспомощную мисс Гейт, — нанимала Энн. Ну, телеграммы относить. Об объявлениях.

Недостающие кусочки головоломки наконец встали на свои места.

— Линн услышала мой рассказ Таусенду, — медленно сказал я, морщась от боли в голове, — и решила проверить?

— Что-то вроде того, — согласился вредный призрак. — Только она сама постеснялась, вот и позвала меня на помощь.

Я хмыкнул, а Хоггарт приосанился и добавил:

— Эта мисс Гейт никогда ей не нравилась. Но куда деваться? Им же не до жиру было! За любую работу хватались, вот и…

Эту в высшей степени любопытную беседу прервал приближающийся грохот на лестнице.

Хоггарт потихоньку испарился, а дверь едва не слетела с петель. Следом за бравыми констеблями в квартиру мисс Гейт ворвался сам суперинтендант.

— Виктор? С вами все в порядке? — резко спросил он, мгновенно оценив ситуацию.

Полицейские тем временем принялись рыскать по квартире,

переворачивая ее вверх дном.

— Почти, — честно сказал я и, поморщившись, потер висок.

— Вы пострадали? — встревожился он. — Удар по голове, да? Вам надо к доктору!

— Пустяки, — откликнулся я. — Всего лишь небольшая шишка. Кстати, полицейскому доктору стоит сделать анализ вон тех склянок. Думаю, в одной из них сильное успокоительное.

— Успокоительное? — Таусенд пригладил бакенбарды и пристально посмотрел на меня. — Что-то вы не выглядите… кхм, успокоенным, Виктор!

— Я не стал пить, — ответствовал я, поднимаясь на ноги с помощью кузена. — Кстати, думаю, тот джентльмен умер от передозировки снотворного. Вот она и перестраховалась.

— Ну да, — недоверчиво протянул Таусенд, покосился на притихшую мисс Гейт и понизил голос: — Виктор, не рассказывайте мне сказки, ладно? Терять-то ей уже нечего!

Я только пожал плечами.

— Ладно, — Таусенд обернулся на арестованную, а потом притянул меня за рукав и спросил на ухо: — Она ничего такого не выкинет?

— Не знаю, — вздохнул я, признавая его правоту. Если уж она бедного инспектора Пинкерсона походя очаровала, то кто может поручиться, что она не проделает тот же фокус с конвоирами? — Думаю, кляп и веревки ей помешают.

И тут же заметил жадный взгляд, брошенный одним из констеблей на грудь в вырезе блузки мисс Гейт.

— Рочестер! — рявкнул Таусенд, от которого это тоже не укрылось. — Марш на улицу!

— Да, сэр, — откликнулся тот и, словно сомнамбула, затопал прочь.

— Я могу… хм, попробовать, — нехотя сказал я. — Только без свидетелей.

Это было бы грубым нарушением протокола, но что поделать?

— Ладно, — вздохнул Таусенд и потер подбородок. — А мне можно присутствовать? Клянусь, я не буду мешать. Вы же понимаете…

Он не договорил, но я действительно понимал. Моего юридического образования и жизненного опыта вполне доставало, чтобы понимать: процесс над мисс Гейт обещает быть громким, поэтому в любые нарушения вцепятся и адвокаты, и пресса.

— Хорошо, — согласился я…

Таусенд быстро выставил вон остальных полицейских и

соорудил кляп для мисс Гейт.

— Сирил, ты тоже иди, — велел я.

— Вик, но я же не могу тебя бросить! — взывал кузен, чьи глаза горели предвкушением. Он нутром чуял что-то интересное, и сопротивлялся всеми силами. — Ты же на ногах не стоишь!

Я только усмехнулся.

— Сирил, — сказал я ласково. — Я тебе очень признателен и все такое, но теперь — брысь! Думаю, миссис Вашингтон тебя уже заждалась.

— Вот еще! — независимо пожал плечами кузен, но отчетливо побледнел и засобирался: — Ладно, если ты уверен…

— Уверен! — отрезал я, и Сирил наконец ушел, прихватив с собой и Конно-идею.

Слегка пошатываясь от накатывающей слабости, я двинулся к мисс Гейт.

Она заерзала, безуспешно пытаясь отодвинуться, и угрожающе вытаращила глаза, когда я присел перед ней на корточки.

Стараясь не обращать внимания на неотступную головную боль, я принялся расстегивать пуговички на блузе мисс Гейт.

— Кхм, — кашлянул Таусенд, но вмешиваться не стал, за что я был ему благодарен.

Я добыл из кармана вечное перо и быстро нарисовал на коже мисс Гейт руну "беркана", после чего привел ее одежду в порядок.

— Готово, — вздохнул я, не без труда поднимаясь на ноги.

— И все? — недоверчиво переспросил Таусенд.

— И все, — подтвердил я устало. — А чего вы ожидали, Джордж? Танца с бубнами?

— Не знаю, — он чуточку смутился и посмотрел на притихшую мисс Гейт, которая сосредоточенно хмурила брови.

Судя по брошенному на меня гневному взгляду, применить свои… кхм, особые способности ей никак не удавалось.

Даже не ожидал, признаюсь, что это будет так просто!

— Надеюсь, это не позволит ей ввести полицию в заблуждение, — сказал я, мечтая наконец очутиться в постели. А еще лучше — в оранжерее с моими крошками. Уверен, через час-другой мне станет легче. Разве можно не переполниться восторгом, любуясь красно-оранжевыми лепестками с лиловой центральной полосой красавицы Летисии, отменного экземпляра *Rebutia heliosa?!* Или не взбодриться, коснувшись очаровательных колючек *Gymnocalycium?*

Мои грезы о питомцах прервал Таусенд, который велел немедля отправить меня к доктору, сочтя мечтательное выражение моего лица признаком сотрясения мозга.

— Постойте! — спохватился я. — Джордж, пожалуйста, расспросите мисс Гейт о Ларримере. Нам с Сирилом она ничего не сказала.

— Конечно, Виктор, — кивнул Таусенд и вдруг, приблизившись, крепко пожал мне руку. — Спасибо вам за помощь!

— Пожалуйста, — пробормотал я и прикусил язык, чтобы не ляпнуть: "Обращайтесь еще!"

Боюсь, я староват для таких приключений!..

Именно старым и усталым я ощущал себя, с некоторым трудом выбираясь из такси возле своего особняка. По словам врача, у меня серьезных повреждений не было — всего лишь небольшой ушиб головы, избыток какой-то успокоительной пакости и нервы.

Дожил! Нервы…

Расплатившись, я медленно поднялся по ступенькам. Что-то было не так, но что?

Озарило меня, когда на стук никто не отозвался. Свет в доме не горит!

Хорошо хоть из-за отъезда Ларримера я начал носить с собой запасной ключ!

Мой особняк был тих и пуст. Везде идеальный порядок, даже на кухне, оранжерея (это я проверил первым делом) оказалась в целости и сохранности, мой кабинет тоже.

Но куда все подевались?!

В столовой обнаружился холодный обед, заботливо накрытый серебряными крышками, среди которых сиротливо белел обрывок бумаги.

Я одним прыжком оказался у буфета (куда и подевались усталость и головная боль) и схватил записку.

"Вик! — гласили прыгающие строчки, выведенные неразборчивым почерком моего кузена. — Прикрой меня от мамы. Я женюсь!!!"

И, как будто этой сногсшибательной новости было мало, постскриптум сообщал, что этот шалопай намерен невесту попросту украсть, если она не согласится замуж добровольно! Ну а слуг отпустил, чтобы "избавиться от лишних свидетелей"! Хорошо хоть не додумался перестрелять их, по примеру обожаемых грабителей банков.

А меня он, видите ли, просил "прикрыть от мамы"! И, надо думать, от полиции, если миссис Вашингтон заявит о похищении.

Вот только перевоспитывать Сирила уже поздно, да и дрессировке он подается с трудом. Если уж тетя Мейбл на пару с миссис Вашингтон не справились, то мне и подавно не стоит об

этом переживать. Пусть с ним разбирается полиция, больше покрывать его выходки я не намерен!

Подумав, я плеснул себе коньяка, прихватил несколько сэндвичей и отправился в оранжерею…

Час спустя, успокоившись и подобрев (что было по большей части заслугой моих питомцев, а по меньшей — коньяка), я тихонько дремал над книгой, когда в дверь требовательно позвонили.

Поначалу я решил проигнорировать позднего гостя, но когда звонок повторился, спохватился. Вдруг это Сирил или появились новые сведения о Ларримере?!

Торопливо сбежав по лестнице, я распахнул дверь, за которой обнаружился расхристанный Пинкерсон.

Вид у него был потерянный и несчастный, а в руке инспектор сжимал бутылку коньяка.

— Мистер Кин? — спросил он тихо. — Можно войти?

— Конечно, — я отступил, впуская его, и не выдержал: — Что-то новое? Есть сведения о Ларримере?

— А? — он вскинул на меня воспаленные глаза, поморгал и сообщил устало: — *Мисс Гейт* утверждает, что тут она не причем.

Голос его на имени дрогнул, и я сообразил, почему он в таком состоянии. Беднягу так и не отпустило!

— Ясно, — только и сказал я, понимая, что расспросы об этом будут неуместны и невежливы.

— Выпьете со мной? — спросил он, приподнимая бутылку. — Ну, не чета тому, которым вы меня угощали, конечно…

— Ничего, — вздохнул я. — И не такое пили.

— Ностальгируете? — слабо улыбнулся он. Точнее, дернул уголками губ, силясь изобразить улыбку.

— Немного, — согласился я, жестом велев ему идти следом.

Поразмыслив, я прихватил из столовой остатки обеда, бокалы и направился в оранжерею.

Конечно, в кабинете удобнее, зато кактусы могут унять любую тоску — в этом я был твердо уверен.

— Ух ты, — Пинкерсон при виде моего колючего царства даже слегка оживился и принялся крутить головой. — Красота-а-а!

Звучало это весьма уважительно.

— Благодарю, — откликнулся я, как бы невзначай отбирая у него бутылку.

М-да, и правда, не лучшего качества пойло. Хотя потом можно и подменить выпивку, вряд ли в таком состоянии он заметит.

Пока я на скорую руку готовил застолье, Пинкерсон бродил

по дорожкам, то и дело замирая перед каким-нибудь особенно впечатляющим экземпляром.

— Слушайте, мистер Кин, — нерешительно проговорил инспектор, вернувшись "к столу". Потер кончик длинного носа и спросил, словно в воду с обрыва кинулся: — А сложно их выращивать? Я бы купил у вас парочку. Только я же все время на работе…

— Ничего, — я щедро плеснул ему коньяка и пододвинул ближе блюдо с сэндвичами. — Некоторые виды совсем неприхотливы. И в полицейском управлении они приживутся. Хотите, подберу парочку?

— Конечно! — он улыбнулся, на сей раз непритворно, и одним глотком опрокинул в себя коньяк.

Хм, ну это пойло только так и можно потреблять, так что я последовал его примеру…

Пинкерсона отпустило не сразу. Он сидел, сгорбившись и поникнув орлиным носом, и пил коньяк как воду.

— Как я мог не заметить?! — наконец не выдержал он. — Опытный полицейский и так попасться!

— Не расстраивайтесь, — вздохнул я и почесал стеклянный глаз. — Со всеми бывает.

— Но вы-то на удочку не попались! — он горестно вздохнул и одним глотком допил коньяк.

В действительности Пинкерсон не виноват. Не мог же он предположить, что мисс Гейт… хм, обладает некоторыми необычными способностями! Ей попросту не повезло — я не вижу иллюзий и не чувствителен к внушению.

Только едва ли стоит объяснять это все инспектору. О моих специфических возможностях он не осведомлен, и я бы предпочел, чтобы это осталось тайной.

Другой вопрос, что Таусенду стоит намекнуть подчиненному, что не все проблемы решаются в лоб и не все загадки можно объяснить простым… хм, париком. Хотя, разумеется, на суде будет фигурировать именно такая версия.

Жаль, что показания призраков к делу не приобщишь. Впрочем, полицейские и так справятся. Найдут того фотографа — не мог же он не заметить, что клиентка в парике! У них на это глаз наметан. Расспросят соседей, знакомых, да и Энн в крайнем случае тоже опознает нанимательницу. Все это уже дело техники.

Поколебавшись, я встал (Пинкерсон даже не обратил на это внимания, зачем-то пристально разглядывая дно опустевшего бокала) и медленно пошел вдоль рядов.

Наконец остановился у горшочка с небольшим кактусом, обладающим слегка вогнутыми шипами. Пожалуй, подойдет.

— Возьмите, — велел я, протягивая инспектору горшок. — Это *Gymnocalycium valnicekianum,* ее зовут Кейтлин.

— Кейтлин, — повторил он чуточку заторможено. — А… Вы уверены, мистер Кин?

— Конечно, — кивнул я. — Этот вид кактусов неприхотлив. К тому же, уверен, вы станете хорошо о ней заботиться.

— Спасибо! — выдохнул Пинкерсон и прижал новую питомицу к груди, едва не уколов об нее кончик своего выдающегося носа. — Ну что, Кейт, мы с тобой любого преступника расколем, да? Исколем и расколем, вот!

— Удачи, — хмыкнул я, в красках вообразив себе эту сцену. Допрос с применением кактусов, спешите видеть!

Инспектор тем временем осторожно погладил колючки и перехватил горшок поудобнее.

— Ну… Мне пора, наверное.

Возражать я не стал.

Только тихо улыбнулся, наблюдая, сколь заботливо обращается нетрезвый инспектор со своей новой "помощницей"…

Я уже приготовился ко сну и протянул руку, чтобы погасить свет, когда снизу раздался грохот. Судя по звуку, кто-то колотил во входную дверь, притом, похоже, ногами!

"Сирил!" — мелькнула мысль и я чуть ли не кубарем скатился по лестнице.

Рванул засов, дернул ручку… и уставился на замершего на пороге Ларримера.

— Живой, — выдохнул я с невероятным облегчением.

— Да, сэр, — откликнулся он без особой радости. — Разрешите войти, сэр?

В одной руке он сжимал вместительный саквояж, а второй с трудом удерживал аквариум.

— Конечно, — я посторонился. — Где вы были, Ларример? Мы с ног сбились, вас разыскивая!

— Это долгая история, сэр, — вздохнул мой верный дворецкий, перешагивая наконец порог дома. — С вашего разрешения, я сначала поставлю вещи.

— Конечно, — повторил я и, подумав, уже привычно отправился на кухню.

После коньяка в голове слегка шумело, а рассказ Ларримера стоило воспринять со всей серьезностью и внимательностью.

— Что вы делаете, сэр? — с таким негодованием вопросил дворецкий, что я поднял взгляд от плиты.

— Варю кофе, — ответил я исчерпывающе.

— Сэр, позвольте мне! — он ловко отодвинул меня в сторону и принялся колдовать над напитком.

Я лишь улыбнулся, присел на ближайший табурет и вытянул ноги.

— Я ужасно соскучился, Ларример, представляете?

— Я тоже, сэр! — с запинкой признался он, не оборачиваясь.

— Так что у вас стряслось? — поинтересовался я, получив наконец чашку с ароматным напитком.

Дворецкий неодобрительно покосился на меня (не подобает хозяину сидеть на кухне!), однако нотации читать не стал.

— Это очень грустная история, сэр, — скорбно сообщил он, вытянувшись напротив. — Моя милая Атенаис умерла!

— Я знаю, — кивнул я и пригубил кофе. — Сирил рассказывал. Примите мои соболезнования.

— Спасибо, сэр, — он моргнул, пытаясь избавиться от набежавшей на глаза влаги. — И мистер Кертис купил мне взамен… самца!

В голосе его прозвучало такое возмущение, что я торопливо глотнул кофе, пряча улыбку. Для Ларримера это действительно было проблемой, как бы подобное не выглядело со стороны.

— Только не говорите, что вы лично отправились в Лондон, чтобы обменять рыбку!

— Нет, сэр, — вздохнул Ларример, отвел взгляд и сгорбил плечи. — Понимаете, сэр, мне очень тяжело об этом говорить…

Я едва не подавился: никогда не видел его в таком состоянии!

— Вы здоровы, Ларример? — встревожился я. — Что-то стряслось?

— Позвольте, я объясню, сэр, — он шагнул в сторону и вдруг тяжело опустился на табурет, отчего я едва не запаниковал.

Мой чопорный дворецкий позволил себе сесть в присутствии хозяина, да еще и без разрешения?! Да скорее небо упадет на землю!

Однако небо падать не спешило, а Ларример неподвижно замер на стуле.

— Знаете, сэр, Атенаис Первую мне подарила дама, — вдруг признался он. — Мисс Деррик, моя… моя первая и единственная любовь.

Голос его дрогнул, а я от неожиданности едва не облился кофе. Вообразить влюбленного Ларримера не получалось никак.

— Кхм, — я прочистил горло и выдавил с трудом: — Продолжайте, прошу вас.

— Аделаида… то есть, прошу прощения, мисс Деррик подарила мне рыбку на память.

— Вы давно расстались? — спросил я осторожно.

— О, очень давно, сэр, — Ларример поджал губы. — Сорок

пять лет назад.

Смотрел он упорно в стену.

— Кхм. Похвальная преданность, — выдавил я. — Значит, вы держали рыбок в память о мисс Деррик?

— Да, сэр, — он кивнул седовласой головой. — А месяц назад она вдруг мне написала. Сказала, что разыскала меня через старых знакомых. Что она вышла на пенсию и… и подумывает, как теперь жить. Она ведь так и не вышла замуж и… и у нее осталась только рыбка — тоже совсем одинокая…

Говорил он с трудом, запинаясь, а я смотрел на него во все глаза.

Воистину, чужая душа — потемки!

— И вы решили… кхм, составить ее счастье? — поинтересовался я старомодно. Исповедь Ларримера что-то такое навевала.

— Да, сэр! — он горько вздохнул. — Я помчался к ней, как на крыльях, но…

— Но это была уже совсем не та мисс Деррик, которую вы помнили, верно? — спросил я мягко. — Память оказалась лучше действительности, ведь так?

— Да, сэр! — повторил Ларример и вдруг вскинул на меня выцветшие голубые глаза. — Но это ничего, я ведь тоже не молодею. Только понимаете… у нее тоже оказался самец!

— И что? — не понял трагедии я. — Купили бы еще двух самочек.

— Но, сэр! — он даже привстал от возмущения. — Как вы не понимаете?! Она даже не разбиралась, самец это или самка! Просто купила рыбку. Как предлог, понимаете, сэр? А я… ради нее…

Голос его сорвался, и Ларример шмыгнул носом, как мальчишка.

— Я оставил вас, сэр! Бросил на произвол судьбы ваших питомцев! И ради чего?! Я так виноват перед вами, сэр!

— Ничего, Ларример, — ответил я и, встав, успокаивающе похлопал его по плечу. — Все ведь в порядке.

— Правда, сэр?

Он смотрел на меня с такой надеждой, что я, не колеблясь, солгал:

— Правда!

— Уф, — Ларример перевел дух и на мгновение прикрыл глаза, после чего поднялся и расправил плечи, вновь превращаясь в идеального дворецкого. — Значит, вы не сердитесь на меня, сэр?

— Не сержусь, — я искренне улыбнулся и протянул ему руку,

которую он, поколебавшись, осторожно пожал. — Не расстраивайтесь, Ларример. Кое в чем мы с вами похожи.

— В чем же, сэр?

Я усмехнулся и похлопал верного слугу по плечу.

— Мы — старые холостяки, Ларример!

Руна **беркана** — символ роста и развития, ассоциируется с пробивающимся ростком. Женская руна, в прямом положении означает здоровье, материнство.

Применяется для образования и защиты домашнего очага, а также как оберег для детей. Символизирует семью и родственников.

Имеет мощное магическое и целительное действие, применяется для снятия воспаления, а также при родах. Также считается, что она защищает от обмана и иллюзий в отношении себя и окружающих.

Измайлова Кира (kira_kuroi@mail.ru) *2016/04/15*

Спасибо.

Проект закрыт.